МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Катков Алексей Дмитриевич

Эволюция концепции суверенитета государства во внешнеполитической мысли США (конец XX – начало XXI века)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель

Кандидат исторических наук, доцент
Сетов Роман Александрович

Москва - 2021

Оглавление

Введение……..3

Источниковедческий обзор……..…….34

Обзор использованной литературы…….43

Глава I. Суверенитет государства в новейшей истории……..…..…65

§1. Основные позиции в трактовке суверенитета государства к концу XX века: согласие и полемика в научном мире…..……..…….…..……65

§2. Проблема суверенитета в контексте становления международных организаций во второй половине XX века…….……90

Глава II. Политико–академические дискуссии в США по проблеме суверенитета в 1990-е годы…….……..…..…..…109

§1. Трактовки суверенитета США на рубеже веков……..……..…109

§2. Принцип суверенитета и идея построения «нового мирового порядка» в первой половине 1990-х годов..……..…….131

§3. Право на прямое вмешательство и «гуманитарные интервенции»: фокус дискуссий второй половины 1990-х годов…….…..….156

Глава III. Векторы эволюции суверенитета государств в оценках американских экспертов (1990-е годы – начало XXI века)…..……187

§1. Суверенитет в эпоху глобализации: основные проблемы и противоречия……..…….……..….187

§2. «Десуверенизация» государства как следствие интеграционных процессов: американские оценки……..……205

§3. Право наций на самоопределение: «новый суверенитет» возникающих государств на фоне старых институций…….……218

Заключение……..…….……..245

Библиография……..……..259

Введение

После распада СССР и, как следствие, развала биполярной системы международных отношений в политических и научных кругах актуализировался вопрос о принципе государственного суверенитета, обозначающего возможность государства принимать самостоятельные решения и действовать независимо в международных отношениях в рамках права, а также верховенство власти, ограниченное конституцией, внутри государства. Этому способствовал и ускоряющийся на рубеже XX – XXI вв. процесс глобализации, а также попытки США установить однополярное мироустройство. Доктрина суверенитета подвергалась за свою историю многочисленным изменениям и дополнениям. Необходимо заметить, что с трансформацией мира, государства и международных отношений, возникновением новых типов государственного правления и международных организаций, с ходом развития человечества видоизменялся и суверенитет. Его понимание «сужалось» с установлением каждой новой системы международных отношений. И несмотря на существующие споры относительно характеристик и определения современного мирового порядка, не исключением стал и период 1990-х – начала 2000-х гг., который бросил, пожалуй, один из наиболее серьезных вызовов для понимания суверенитета. Данный принцип является, несомненно, самым политизированным в современной системе международных отношений, и споры в научном сообществе шли не только о сущности суверенитета как такового, но и о его ограничении и самоограничении, постепенном «отмирании», «размывании» и изменении, возможности существования абсолютного суверенитета в современной эпохе, влиянии на него глобализации и интеграции и так далее. Важно, что фундаментально суверенитет всегда обозначал приблизительно одно и то же, но все же понимание и отношение к дальнейшей судьбе данного принципа несколько менялось. В диссертации изучено то, каким понимался суверенитет в американской внешнеполитической мысли после распада СССР (1990 – 2000-е гг.), во времена продолжающейся перестройки всей

системы международных отношений и набирающего обороты процесса глобализации. Таким образом, анализируется генезис и сущность важнейших идей, привнесенных во внешнеполитическую мысль по проблеме суверенитета американскими учеными на рубеже XX – XXI вв. Если же понять природу суверенитета, то возможности осмысления современных международных тенденций (глобализация, окончание холодной войны, неясные перспективы нового мирового порядка) серьезно расширятся[1].

Глобализация; распад биполярной системы международных отношений и неочевидность характеристик постбиполярного мироустройства; углубление интеграционных процессов в мире; возникновение новых субъектов международных отношений в ходе реализации народами своего права на самоопределение; попытки США укрепить влияние после окончания холодной войны; усиление внимания к правам человека со стороны международного сообщества и изучение, как следствие, концепции «гуманитарных интервенций» – все это **актуализирует** в конце XX – начале XXI в. проблему понимания принципа суверенитета как в американской внешнеполитической мысли, так и во всем мире. В итоге подъем интереса к суверенитету наблюдается на всех уровнях: от макросоциологии до международной политической теории[2]. Историческая наука может внести свой вклад в дело изучения этого принципа, проанализировав историю развития идеи, что позволит дать ответ на вопрос о том, каким виделся суверенитет на рубеже веков и каким представлялся в будущем.

Мнение американских ученых, журналистов и политиков видится важным в том числе и потому, что надежды на наступление в 1990-е гг. «нового мирового порядка» оказались несостоятельными, что отчетливо показала война в Персидском заливе и, особенно, бомбардировка Югославии в 1999 г. Известный американский ученый Дж. Най в связи с этим писал, что

---

[1] Keohane R. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Oxford, 1984. P. 65.

[2] Bartelson J. A genealogy of Sovereignty. N.Y., 1995. P. 16.

вместо того чтобы положить конец истории, постбиполярный мир характеризуется возвращением существования разнообразных источников международной напряженности по всему миру[3]. Влияние многих государств, безусловно, уменьшилось, однако это произошло в основном не в пользу международных организаций, а в пользу одной страны, оставшейся единственной сверхдержавой на планете и оказавшейся на вершине могущества – Соединенных Штатов Америки.

Политический вес принятых в США решений и авторитет американского научного сообщества заставлял весь мир в тот период в известной степени следовать в фарватере американских идей, теорий и концепций. Совокупность внешнеполитических действий США: вмешательство в суверенные дела Гренады (операция «Вспышка ярости», 1983 г.); Никарагуа (1981 – 1988 гг.); Панамы («Справедливое дело», 1989 г.) – также заставляла научное сообщество США в 1990-е гг. в попытке осознать последствия этих событий обратить внимание на вопросы суверенитета государства. Некоторые теоретики ограничения суверенитета были приглашены на работу в правительство США, а создаваемые ими концепции были использованы при разработке внешнеполитических доктрин страны на рубеже веков. Риторику об одновременной важности суверенитета и возможности его ограничения у иных стран прямо или косвенно можно найти в словах Дж. Буша о «новом мировом порядке», в доктрине Лейка времен президентства Б. Клинтона, а также в доктрине Дж. Буша-младшего о ведении превентивной войны и оправданности смены режимов. Наличие суверенитета все чаще увязывалось с проводимой странами политикой (будь то несоблюдение прав человека или поддержка терроризма) и более не могло дароваться де-факто и давать неотъемлемые привилегии по невмешательству. Таким образом, академическая дискуссия тесно переплеталась с проводимой Соединенными Штатами политикой в изучаемый период: одностороннее расторжение ряда международных обязательств; вступление в ВТО в 1995 г.;

---

[3] Nye J. What new world order? // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

операция «Буря в пустыне» в 1991 г.; вмешательство в конфликт в Сомали (1991 – 1994 гг.); участие (хоть и не прямое) в политическом кризисе в Анголе в 1992 г.; Боснийская война 1992 – 1995 гг., операция «Поддержка демократии» в Гаити в 1994 г., бомбардировки Судана и Афганистана в 1998 г.; совместная с Великобританией операция «Лиса пустыни» против Ирака в 1998 г.; бомбардировки Югославии в 1999 г.; вторжение в Ирак в 2003 г. Такая политика ставила вопросы как о суверенитете самих США, так и о его месте в международных отношениях. Весь комплекс проблем о суверенитете, обсуждавшийся в 1990-е – начале 2000-х гг., продолжает изучаться академическим сообществом и в настоящее время. Более того, ряд идейных инноваций в области обеспечения и ограничения суверенитета в современной мировой политике имеет свои истоки как раз в работах, созданных в конце XX – начале XXI в. Также и авторы, концепции которых изучаются на страницах диссертации, продолжают развивать и отстаивать сформулированные в тот период идеи и по сей день. Это говорит о **научной актуальности** поднимаемой проблемы, а также объясняет **хронологические рамки** исследования.

Отходя немного в сторону непосредственно от темы диссертации необходимо сразу отметить, что следует разделять национальный (прочно вошедший в число основополагающих демократических принципов со времен Великой французской революции) и государственный суверенитет (обозначающий верховенство власти внутри страны и ее независимость на международной арене). Национальный суверенитет обозначает полновластие нации, ее политическую свободу и обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая способность самоопределения вплоть до образования собственного государства. Таким образом, если государственный суверенитет обозначает верховенство прав государства, то национальный – верховенство прав нации. Важно также и то, что государственный суверенитет следует за национальным и является

формой реализации суверенитета нации, проживающей в государстве[4]. Народный же суверенитет – это обладание народом государства политическими и социально-экономическими средствами (например, выражение своей воли через выборы) для участия в управлении государственными и общественными делами. Народный суверенитет (доктрина которого возникла в XVIII веке в противоположность доктрине божественного права на власть), по мнению многих ученых, является главенствующим и подразумевает то, что народ – высшая власть и источник любой власти в государстве[5]. Но поскольку мы занимаемся историей международных отношений (отношениями между государствами), то в центре внимания настоящего исследования находится изучение внешнеполитической мысли в США по вопросу именно государственного суверенитета (самого противоречивого и спорного по сравнению с двумя другими, общепринятыми).

Понимать под объектом необходимо ту реальность, которая существует независимо от того, изучает ее кто-то или нет, а под предметом – ту грань объекта, которая изучается[6]. Таким образом, **объектом исследования** является развитие внешнеполитической мысли в США в конце XX – начале XXI в. и историко-политические концепции относительно формирования новой модели миропорядка, равно как и условия, придавшие импульс их появлению и последующему осмыслению учеными и государственными деятелями. **Предмет исследования** – интерпретации принципа государственного суверенитета, проявившиеся в дискуссиях американских ученых в государственно-политических документах начала постбиполярной эпохи.

Цель диссертации – определение основных факторов, повлиявших на ход и характер развития внешнеполитической мысли США по проблеме

---

[4] Sorensen G. Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 590–604.

[5] Ibidem.

[6] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 38.

государственного суверенитета в конце XX – начале XXI в., а также оценка итогов развернувшейся дискуссии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проследить различия в понимании ведущими учеными в американской исторической науке принципа суверенитета.

2. Определить, как закреплен искомый принцип в официальных документах международного права, прежде всего в Уставе ООН.

3. Выявить основные причины актуализации проблемы суверенитета в новых условиях развития международных отношений.

4. Показать восприятие суверенитета собственного государства американскими экспертами в области внешней политики.

5. Установить связи научных дискуссий с политической практикой. Понимание суверенитета изменяется в сторону все большего признания его ограниченным ввиду глобализации, интеграции и попыток построения однополярного мироустройства. Наличие «полного» суверенитета увязывалось с соблюдением государством прав человека, что находило отражение в концепции «гуманитарных интервенций», активно реализуемой в американской внешней политике.

6. Изучить эволюцию развития дискуссии о суверенитете благодаря определению основных этапов в появлении новых сюжетов и тем в американской исторической науке.

7. Проанализировать основные концепции и теории, которые разрабатывались во внешнеполитической мысли США по проблеме суверенитета, его ограничения и будущего развития.

Новизна темы диссертации заключается в том, что в отечественной исторической науке отсутствует полноценное исследование истории внешнеполитических идей по проблеме суверенитета в США в обозначенный хронологический период. Более того, большинство ученых только вскользь касаются анализа изучения проблемы суверенитета американским

академическим сообществом. Также работа вводит в научный оборот ранее не использовавшиеся источники.

Говоря о **степени изученности темы**, следует отметить, что, несмотря на множество различных статей, монографий и очерков по проблеме государственного суверенитета и его интерпретации различными учеными, специальными основополагающими трудами по данной тематике отечественная историческая наука пока не располагает. Автор диссертации надеется, что его работа сможет помочь в сложном деле изучения принципа суверенитета, поскольку предоставит полноценный анализ того, как этот принцип понимался в прошлом, в переломный момент истории.

Теоретическая и практическая значимость настоящего диссертационного исследования заключается в возможности применения его результатов для дальнейшего изучения проблем, связанных с пониманием суверенитета, а также в междисциплинарном характере исследования, что исключительно актуально на современном этапе развития исторической и политологической науки. Материалы диссертации могут быть использованы в создании специализированных учебных курсов по истории, политологии и международным отношениям, при подготовке учебно-методических пособий по указанным направлениям.

Методологическая основа диссертационного исследования. Прежде всего стоит сказать, что методология – это совокупность исследовательских методов, методик и процедур[7]. Под теорией же следует понимать системно организованное научное знание о существенных связях и закономерностях в определенной области. Основные функции теорий – систематизация фактов, их объяснение, указание на закономерности и прогноз[8]. Важность же теорий заключается в том, что они облегчают эмпирические исследования, выступая своего рода путеводителями в сложной системе взаимосвязей между поясняющими фактами и ходом развития событий, и конечная причина интереса к развитию теорий коренится в практической заинтересованности.

---

[7] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 79.

[8] Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI веке. М., 2015. С. 10.

Известный американский ученый Т. Маккьюэн писал, что теории важны даже тогда, когда они не являются детально разработанными или твердо подтвержденными эмпирическими исследованиями, поскольку они могут сыграть важную роль при анализе политико–управленческих проблем[9]. Метод же следует понимать как «способ познания, способ воспроизведения в мышлении изучаемого предмета или как систему принципов, приемов, правил, требований, которыми необходимо руководствоваться в процессе познаний»[10]. Согласно другому определению, также отвечающему задачам настоящего исследования, методом принято считать совокупность приемов и операций, при помощи и посредством которых осуществляется какая-либо конкретная практическая или теоретическая деятельность[11]. Следует также отметить, что познание базируется на двух видах мышления: эмпирическом и аналитическом. Эмпирическое мышление основано на чувственных восприятиях и характеризует первую общедоступную ступень мышления. Научную же ступень характеризует аналитическое мышление, основанное на абстрактном мышлении[12].

Методологическая основа диссертации опирается прежде всего на исторические принципы, но при этом допускает привлечение смежных политологических методов, которые позволяют провести более комплексное исследование заявленной проблемы. Настоящая диссертация построена в соответствии с принципом объективности, историзма (являющегося «методологическим фундаментом всей области исторического знания в целом»[13]) и многофакторного анализа, что дает возможность изучить исторические явления в динамике их развития, в контексте связи между

---

[9] Маккьюэн Т. Методологические вопросы изучения международных отношений // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: пер. с англ. и фр. / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. М., 2001. С. 123.

[10] Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. М., 2015. С. 26.

[11] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ соч. С. 79.

[12] Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. М., 2001. С. 23.

[13] Маныкин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2001. С. 7.

провозглашением властями США установления «нового мирового порядка» и эволюции мысли о суверенитете государства. Принцип историзма важен еще и для изучения традиции понимания суверенитета, поскольку без достаточных знаний об эволюции объекта исследования сложно сформировать правильное представление о нем и перспективах его развития. Важными являются методы анализа и синтеза, которые помогают создавать более полное представление о государстве, праве и, как следствие, суверенитете[14]. В силу необходимости изучения истории мысли невозможно обойтись также без инструментального наблюдения (включая метод изучения документов), реализуемого посредством непрямого наблюдения за событием или объектом, и обобщения, дающего возможность определить схожие черты в рассматриваемых объектах для выявления подобия в остальных характеристиках[15]. В работе использовался проблемно–хронологический подход, а также те концепции, которые актуальны при изучении внешней политики и теории международных отношений. Так, для анализа истории мысли будет полезен историко-генетический метод, поскольку он позволяет последовательно раскрывать свойства и изменения изучаемой проблемы в процессе исторического движения[16]. Данный метод напоминает «метод исторического изображения» (Historical Representation), который вводит американский ученый К. Данн, позволяющий проанализировать то, как предмет исследования был представлен во времени и пространстве в различных теориях и концепциях[17]. Аналогичной цели служит и историко-динамический метод, опирающийся на диалектический подход, что дает возможность изучить закономерности изменений во времени характеристик рассматриваемого понятия и подходов к нему[18]. Следовательно,

---

[14] Марченко М.Н. Указ. соч. С. 31.

[15] Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ю.В. Косова. Спб., 2012. С. 47–49.

[16] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 184.

[17] Dunn K. Historical representations // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D. N.Y., 2009. P. 79.

[18] Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 433–438.

использование этих методов, направленных прежде всего на анализ развития, позволит проследить эволюцию, которую претерпевала мысль о суверенитете в США в рассматриваемый период и выявить причинно–следственные связи этой трансформации. Эти методы были также необходимы для изучения изменений, происходивших в международных отношениях, их влияния на мысль о суверенитете в конце XX – начале XXI в.

В работе были также использованы историко-описательный (помогающий в группировке, систематизации и классификации данных[19] и дающий первичную фактологическую информацию, на которой и могут основываться все последующие теоретические построения[20]) и сравнительно-исторический (обладающий широкими познавательными возможностями) методы[21]. С помощью этих подходов, а также путем выявления и систематизации эмпирических данных стало возможным провести анализ международно-правовых документов, где закреплены искомые понятия, сравнить многочисленные мнения научного сообщества о суверенитете, изучить и охарактеризовать интересы геополитических игроков, прежде всего США, в поднимаемых вопросах. Следует отметить, что результатом сравнительного анализа должна быть констатация как черт сходства, так и различия исследуемых объектов. При этом нельзя ставить вопрос о том, возможно ли сравнивать два объекта в принципе, поскольку, как утверждает отечественный автор М. Ф. Румянцева, если такой вопрос возник, значит, сравнение уже началось[22]. Важность историко-описательного метода, в свою очередь, подчеркивается в труде Богатурова А. Д., Косолапова Н. А. и Хрусталева М. А., где он описывается как основа истории дипломатии, международных отношений и внешней политики отдельных государств, многочисленных работ по анализу явлений и процессов текущей

---

[19] Мировая политика и международные отношения. Указ. соч. С. 48.

[20] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 81.

[21] Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 186.

[22] Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 221–223.

международной жизни[23]. Следует упомянуть и еще один метод, помогающий при изучении истории мысли, – «анализ дебатов» (Discourse Analysis), позволяющий на основе сопоставления высказываний и заявлений (в первую очередь политических деятелей) понять почему было принято такое решение, были ли возможны другие сценарии развития событий, какие существовали мнения о том или ином объекте[24]. Этот метод дает возможность проанализировать точки зрения официальных лиц США о государственном суверенитете при трех администрациях, которые находились у власти в изучаемый период, и выяснить, как объяснялись и в чем заключались причины политики вмешательства во внутренние дела других стран и нарушения их суверенитета, которую проводили США.

Данная диссертация близка по теме к трудам, изучающим историю идей и внешнеполитической мысли, поэтому следует обратить внимание на методологическую традицию исследований такого рода в отечественной науке. Среди работ советских ученых, поднимающих подобную тематику, можно выделить, например, монографии Г. А. Трофименко «США: политика, война, идеология»[25]; К. С. Гаджиева «Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии (50–70-е годы)»[26]; «Современные внешнеполитические концепции США» под редакцией Г. А. Трофименко[27] и другие. Хотя основной методологической базой в трудах советских историков являлся инструментарий марксисткой диалектической логики и позиции исторического материализма, что порой приводило к несколько одностороннему изучению проблемы, эти исследования носят самобытный характер и доказывают важность изучения истории внешнеполитической

---

[23] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 81.

[24] Neumann I. Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D. N.Y., 2009. P. 62–63.

[25] Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М., 1976.

[26] Гаджиев К.С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии (50–70-е годы). М., 1982.

[27] Современные внешнеполитические концепции США / Отв. ред. Г.А. Трофименко. М., 1979.

мысли[28]. Следует добавить, что советские ученые пытались показать некоторую эволюцию в развитии тех или иных идей и их связь с политикой, проводимой государством. Подобный многофакторный анализ и принцип историзма важны и для данного диссертационного исследования.

В современной отечественной науке изучение истории идей и теоретических концепций продолжается. Примером могут служить труды В. В. Романова «В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913 – 1921 гг.)»[29], С. И. Аппатова, В. В. Глебова, И. Н. Коваль, П. Я. Райнова «США: современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80–х годов»[30], В. Т. Юнгблюда «Внешнеполитическая мысль США 1935–1945 годов»[31] и т.д. Эти работы отличаются попытками избежать классового подхода и подойти к изучению поднимаемых вопросов с большей долей объективности. Отмечается также необходимость рассматривать эволюцию внешнеполитической мысли в общем контексте с важнейшими институциональными изменениями, происходящими в государстве и имеющими отношение к формированию внешней политики[32]. Важность изучения подобного аспекта представляется вполне оправданной. В настоящей диссертации предпринята попытка показать, каким образом и в какой степени риторика Дж. Буша-старшего о построении «нового мирового порядка», а также внешнеполитические доктрины Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего и внешнеполитическая мысль в США о принципе суверенитета влияли друг на друга.

Следует заметить, что авторы по-разному подходили к тому, как структурировать изучение истории идей и теорий. В частности, если В. В. Романов в своей книге выстраивает повествование вокруг конкретных

---

[28] Трофименко Г.А. Указ. соч. С. 3–4.

[29] Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов, 2005.

[30] США: современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80-х годов / С.И. Аппатов, И.Н. Коваль, П.Я. Райнов, В.В. Глебов. Одесса, 1992.

[31] Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998.

[32] Там же. С. 4.

персоналий, руководящих страной, отталкиваясь от их взглядов на проблему, то в монографии «США: современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80–х годов» авторы предпочитают рассматривать весь комплекс вопросов в рамках основных направлений исторической и внешнеполитической мысли. Подобные подходы имеют свои положительные стороны, но в данном исследовании внешнеполитическая мысль будет изучаться через рассмотрение ряда проблем, таких как влияние глобализации на суверенитет; право наций на самоопределение и суверенитет; суверенитет и гуманитарные интервенции и т.п. Это позволит провести наиболее репрезентативный анализ внешнеполитической мысли в рамках каждой выделенной темы. Методологический опыт советских и отечественных ученых был, безусловно, полезен для диссертационного исследования, но для полноценного изучения внешнеполитической мысли о государственном суверенитете необходимо использовать более широкий набор методов не только исторической, но политологической науки.

Современное развитие наук характеризуется все более ярко проявляющейся тенденцией к их интеграции. Тем более, как справедливо отмечал академик И. Д. Ковальченко, «историческая наука по сравнению с другими общественно–гуманитарными науками выступает как наука комплексная, интегральная и имеет дело со всеми общественными явлениями, которые изучаются этими науками»[33]. В данном исследовании при изучении дискуссий в США по проблеме суверенитета государства применяются методы как исторической, так и политической наук. О необходимости соотнесения методов разных научных дисциплин в силу мощных интеграционных процессов в современных социальных и гуманитарных науках писала и отечественный ученый М. Ф. Румянцева[34]. Отметим, что главное отличие теории международных отношений (наука об отношениях между народами[35]) состоит в ее стремлении осмыслить

---

[33] Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 55.

[34] Румянцева М.Ф. Указ. соч. С. 54.

[35] Бордачев Т.В. Указ. соч. С. 7.

международные отношения в их целостности, охватить все их важные стороны и аспекты. И достичь поставленных целей в ее рамках можно только через обогащение достижениями других дисциплин[36].

В частности, при изучении политических отношений исследователи должны придерживаться следующих общих правил: во-первых, осуществления анализа ситуаций и процессов; во-вторых, выведения аналитических заключений; в-третьих, пересмотра ранее сформулированных выводов. Соблюдение этих правил в ходе изучения, в частности, мысли о суверенитете государства обеспечивает возможность проверки результатов множества отдельных исследований, посвященных не только конкретной проблеме, но и сопоставлению знаний в различных областях[37]. Экспертиза (а точнее, экспертное исследование, являющееся частью нормативного политического анализа), предполагающая выяснение мнения высококвалифицированных специалистов в целях получения вторичной информации об объекте[38], также будет в некоторой степени полезна для диссертации, поскольку в ее рамках проводится большая работа по изучению мнения американских экспертов. При осуществлении экспертизы необходимо использовать логико–интуитивный метод (непосредственное изучение исследуемого предмета или объекта на основе индивидуальных творческих способностей[39]), продуктами применения которого являются различные содержательные исследования[40]. Политическая теория, в свою очередь, сосредотачивает свое внимание на ключевых идеях и дискуссиях, ведущихся по фундаментальным политическим вопросам. Большое внимание в ее рамках уделяется характеристике или интерпретации трудов мыслителей

---

[36] Теория международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2013. С. 23.

[37] Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2005. С. 14.

[38] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2016. С. 29, 50.

[39] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 28.

[40] Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 39.

прошлого[41]. Особенно ценными для настоящей диссертации являются объяснительная (процедура подбора гипотетических причин к уже известным следствиям) и прогностическая (изучение гипотез относительно будущего развития событий или, что особенно актуально, эволюции феномена) функции политической теории[42].

Поскольку международные отношения по характеру являются социальными, следовательно, они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы[43]. Международные отношения – «это не просто совокупность каких-то отдельных компонентов, а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»[44]. Таким образом, в ходе работы будет использован также системный подход (формулирование методологии системного подхода к изучению международных отношений главным образом является заслугой неореализма[45]), который А. Д. Воскресенский справедливо считает одним из самых продуктивных теоретических макроподходов к исследованиям международных отношений, поскольку он отличается комплексностью и включает в себя многое из того, что по отдельности реализуется в иных методиках. В то же время автор отмечает, что ни одна система, достигшая определенного уровня сложности, не может быть познана полностью и использовать системный подход необходимо совместно с другими методологическими подходами[46]. Обозначенный подход, ставший достоянием науки о международных отношениях с середины 50-х гг. XX в., получил особенно широкое

---

[41] Боришполец К.П. Указ. соч. С. 9.

[42] Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000. С. 21.

[43] Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002. С. 5.

[44] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т.А Шаклеиной. М., 2014. С. 14.

[45] Бордачев Т.В. Указ. соч. С. 119.

[46] Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // Восток – Запад – Россия. Сб. ст. М., 2002. С. 143.

распространение после выхода работ представителей политической науки Т. Парсонса и Д. Истона[47]. Сам же термин «системный подход», по выражению отечественного автора М. А. Хрусталева, предполагает рассмотрение международных отношений как системы, то есть как некоего организованного целого, отграниченного от своего окружения (среды)»[48]. Системный подход «позволяет глубже анализировать мотивацию поведения стран или военно-политических блоков, выявлять удельный вес тех или иных факторов, детерминирующих их действия, исследовать механизм, определяющий динамику мирового сообщества в целом, а в идеале – прогнозировать его развитие»[49]. Таким образом, системный подход позволяет не только фиксировать те или иные изменения в функционировании международных отношений, но и обнаруживать причинные связи таких сдвигов с эволюцией международной системы, выявлять факторы, влияющие на поведение государств[50]. В результате системный подход, показывающий логику, движущие силы событий мировой политики в их не всегда очевидной взаимосвязи[51], в том числе позволит учитывать специфику времени, в рамках которого происходила изучаемая дискуссия по поводу принципа суверенитета, и исследовать процесс формирования, а также эволюцию концепции суверенитета как в научном сообществе, так и в ходе принятия решений на государственном уровне. Применение системного подхода отвечает вполне определенному методологическому вызову – «потребности концептуализации и формализации исследовательского процесса и доказательств верифицируемости его результатов», что дает исследователю богатые теоретические и методологические возможности[52].

---

[47] Там же. С. 133.

[48] Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 10.

[49] Манькин А.С. Указ. соч. С. 11.

[50] Теория международных отношений. Указ. соч. С. 70.

[51] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 112.

[52] Теория международных отношений. С. 54.

Анализ документов международного права, в которых закреплен принцип суверенитета государства, невозможен без сравнительно-правового метода[53]. Особенно этот метод, помогающий проводить сравнение в форме сопоставления или противопоставления, полезен для изучения того, как закреплены и соотносятся друг с другом право наций на самоопределение, постулат о территориальной целостности государства и право на невмешательство во внутренние дела государства. Следует отметить также экспликативные (позволяющие сделать выводы о природе и содержании явлений и процессов) методы, необходимые для данного исследования: контент-анализ и когнитивное картирование[54] (их еще называют методами анализа содержания[55]). Первый, позволяя в том числе определить частоту использования слова «суверенитет», был полезен для систематизированного изучения содержания научных журналов и официальных государственных документов США. Использование контент-анализа помогает проанализировать актуальность самой проблемы в разные промежутки времени и выявить зависимость популярности обращения к ней и политических событий, происходивших в конце XX – начале XXI в.

При изучении проблематики международных отношений и внешней политики необходимы особые научно–методологические подходы, отвечающие достаточно сложной задаче исследования различных объективных и субъективных факторов на основе официально-правовых источников. Можно выделить такую базовую школу мысли, распространяющую свое влияние на изучение международных отношений, как политический реализм, получивший распространение после Второй мировой войны. Он основан на подходе к политике как к объективной реальности, определяемой набором так называемых рациональных факторов: военным и экономическим потенциалом, государственными интересами.

---

[53] Марченко М.Н. Указ. соч. С. 31.

[54] Бордачев Т.В. Указ. соч. С. 94.

[55] Основы общей теории международных отношений: учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2009. С. 33.

У истоков реализма стоит Г. Моргентау, который выделял три главных положения данного направления: основные участники международных отношений – государства; поведение государств на международной арене носит рациональный характер; аккумуляция силы и борьба за влияние являются приоритетными задачами любого государства[56]. Однако в конце 1970 – 1980-х гг. данный подход претерпел ряд изменений и появился «неореализм» или «структурный реализм», основоположником которого принято считать американского ученого Кеннета Уолтца. При этом подходе главным источником международных конфликтов считается не поведение отдельных государств, а жесткое сдерживающее воздействие структурных ограничений международной системы[57]. Неореалисты подчеркивают активную роль государства, сохраняющего главенствующее положение в системе международных отношений, а вместе с ним отмечают важность и суверенитета как принципа. В рамках данного направления принято считать, что структура международной системы заставляет государства бороться друг с другом из заботы о своей безопасности, потому что власть является отличным инструментом для поддержания своего статуса в рамках системы[58]. Представители неолиберального подхода (Р. Хаас, Р. Кеохейн, Дж. Най), в свою очередь, считают, что суверенитет не должен быть фундаментальным принципом международных отношений, которые должны базироваться исключительно на праве, а применим именно к государственности и подчеркивает ее отличие от других общественных явлений, связан с волей населения конкретной территории и остается объективной реальностью, предполагающей использование его в качестве основы других государственно-правовых явлений[59]. Постпозитивисты (Г. Молл, А. Этциони, М. Марчарт) же полагают, что в результате глобализации и передачи

---

[56] Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1949. P. 241.

[57] Основы общей теории международных отношений. Указ. соч. С. 146−147.

[58] Waltz K. Theory of International Politics. Reading, 1979. P. 118–126.

[59] Jackson R. Sovereignty in World Politics: a Glance at the Conceptual and Historical Landscape // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 431–456.

полномочий на наднациональный уровень исчезнет само государство, а следовательно, и суверенитет как принцип. Более того, постпозитивисты считают принцип суверенитета не только неизбежно исчезающим, но и вредным в силу того, что государства пользуются им для легитимизации экспансионистской политики во внешней сфере и репрессивной во внутренних делах. Теоретико-методологическими рамками изучения принципа суверенитета во внешнеполитической мысли США может также стать институциональный подход в современных разновидностях[60]. «Старый институционализм» прекратил существование в 1950-х гг., а «новый» получил развитие в начале 1980-х гг[61]. Между этими периодами исследователи уделяли основное внимание реалистическим теориям международных отношений с акцентом на анализе государства как главного деятельного субъекта. Учет национальных (государственных) интересов, борьбы за их осуществление служил основой реалистической традиции. В отличие от нее главными постулатами неоинституционализма были рассмотрение институтов как полноправных участников политического процесса, которые способны иметь собственные интересы; признание за институтами определяющего воздействия на поведение человека через установление рамок индивидуального выбора, формирования и выражения предпочтений; указание на способность институционального контекста хотя бы частично определять способность субъектов политики осознавать свои цели[62]. Неоинституционализм отличают более широкая трактовка понятия «институт», пристальное внимание к концепциям политического развития и исследованию неформальной структуры политических институтов. Неоинституционалисты нередко полагают, что суверенитет серьезно ограничен наднациональными организациями, а также международным

---

[60] См.: March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y., 1989; Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Innstitutionalism // Political Studies. – 1996. – Vol. 44. – Issue 5. – P. 936–957.

[61] См.: Rhoder R.A. The Institutional Approach // Theory and Methods in Political Science / Ed. by Marsh D., Stoker G. N.Y., 1995; Hay C. Political analysis. Hampshire, N.Y., 2002.

[62] Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. – М., 2007. – Т. 5. – №3(15). – С. 83–88.

правом и перспективы этого ограничения будут только усиливаться. В итоге стоит отметить, что, несмотря на различные мнения (в рамках различных методологических направлений) о перспективах развития суверенитета государства в целом и его ограничении в частности, большинство ученых признают исключительную значимость изучаемого принципа, его заслуги и центральное положение, которое он исторически занимал в системе международных отношений. Однако исследований, относительно того, что суверенитет – принцип важный, но устаревший, также достаточно много. Авторы, придерживающиеся такого мнения, часто говорят о необходимости реформирования международного права и международных отношений для переоценки значения суверенитета, который должен быть существенно ограничен.

Важно упомянуть и теорию конструктивизма в изложении Мари-Клод Смутс, которая считает, что мировое сообщество и его составляющие дополняют друг друга, а международные отношения это не только содержание, процессы и последствия взаимодействий, но также и их оценка[63]. Следует обратить внимание в связи с этим на теорию структурации (английского ученого Э. Гидденса), объединяющую теории международных отношений (ищет объяснение деятельности государств в особенностях внешней и внутренней среды) и внешней политики (в рамках которой идет попытка проанализировать, как на действия субъекта принятия решений по международным вопросам влияют его внутренние характеристики)[64]. Теория структурации рассматривает влияние субъекта и структуры в качестве взаимообуславливающих. Это важно, поскольку мысль о принципе суверенитета во всем своем многообразии и политика официальной власти США неизбежно влияли друг на друга.

---

[63] Лебедева М.М., Цыганков П.А. Теоретические поиски в международных исследованиях конца XX столетия // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. М., 2001. С. 19.

[64] Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Указ. соч. С. 71.

Таким образом, сложно выделить методологическую теорию, которая является единственно верной при изучении указанной темы. Как отмечают некоторые ученые (ряд из них занимается в том числе и принципом суверенитета), необходим синтез теоретических направлений. Так, например, Р. Кеохэйн писал, что для решения научных проблем надо надлежащим образом связать воедино имеющиеся теории и их элементы. Такой же точки зрения придерживался и С. Смит, который отмечал, что для понимания международных отношений следует иметь дело со всеми тремя традициями и необходим диалог между ними. Это можно назвать своего рода межпарадигмальным подходом, о котором пишут Л. А. Бурняшева и Л. Х. Газгиреева, отмечая его преимущество в наиболее глубоком всестороннем анализе международных отношений[65]. В связи с этим можно согласиться, что представители разных теоретических направлений и школ должны отказаться от претензий на единоличную истину и от разрушительной «войны парадигм». Вместо этого требуется осознание неизбежной собственной близорукости, «теоретическая скромность» и скептицизм в отношении «нетленности» своих достижений, поскольку «ни один из нас не должен быть чересчур уверен в том, что наш выбор будет интеллектуально продуктивным»[66].

Необходимо использовать не одну теорию при изучении международных отношений, а их синтез. Так, можно согласиться с рационализмом неореалистов и неолибералов, поскольку как первые правы в том, что государства действуют исходя из собственных интересов на основе власти и принуждения, являясь однородными единицами, так и вторые справедливо отмечают роль экономического благосостояния и стремления к выгоде в качестве главных факторов миролюбивой политики или конфликтов между странами. Однако доля истины есть и в теории неофункционалистов, утверждающих незаменимую роль, которую играют институциональные

---

[65] Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Актуальные проблемы мировой политики и международных отношений в условиях нового миропорядка: политический дискурс. Пятигорск, 2017. С. 149.

[66] Лебедева М.М., Цыганков П.А. Указ. соч. С. 15.

изменения, а также и в теории принятия решений (важное значение отводится отстаиванию групповых интересов внутри государства), и в теории транснационализма (значительное внимание обращается на транснациональные и трансправительственные организации), и в теории социологии международных отношений (связь между внутренней и внешней политикой). Следовательно, исследование должно носить комплексный характер и опираться на различные теории, применяя те из них, которые могут помочь в изучении ставящейся проблемы. Синтез наук при изучении истории внешнеполитической мысли в США по вопросу суверенитета позволит в должной мере проанализировать то, какую роль отводят этому принципу в современном мире, «объем» этого принципа, его слабые стороны (в частности, вопрос об ограничении суверенитета) и его необходимость для современного государства.

Такой подход можно отнести к «интегризму»[67], сторонниками которого являются Х. Булл, М. Уайт, Дж. Винсент и другие (их также можно назвать последователями теории «международного общества»). Интегристы, оставаясь на позициях рационализма и относя себя к представителям классического подхода в изучении международных отношений[68], считают, что государства – главный инструмент поддержания порядка, а отмирание общества государств приведет к гибели всей международной системы. Можно сделать вывод о том, что интегристы считают суверенитет, являющийся неотъемлемым атрибутом государства, важнейшим принципом системы международных отношений. Интегристы, разделяя ряд идей как либералов, так и реалистов, полагают, что в основе порядка одновременно лежит утилитарная заинтересованность государств в безопасности и императив морали и закона (последнее сближает их с либералами), а также он обеспечивается определенными институтами, в том числе и балансом сил (это, в свою очередь, находит отражение в концепции реалистов). Интегризм

---

[67] Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Указ. соч. С. 111.

[68] Булл Х. Теория международных отношений: пример классического подхода // Теория международных отношения: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М., 2002. С. 187–189.

также близок к реалистам в том, что относит международные отношения к сфере борьбы за безопасность и выживание. Интегризм, соединяющий во многом идеи реализма и либерализма, предполагает многосторонний анализ международных отношений (в частности, дискуссии по проблеме суверенитета), признавая в целом их сложный характер. Слабой же стороной интегризма является некоторое игнорирование экономической взаимозависимости государств и рост значения транснациональных организаций в международной политике[69]. Для компенсации указанных недостатков полезно использовать, например, методы транснационализма и неофункционализма, поскольку суверенитет в XXI в. подвержен влиянию, в том числе, ТНК и глобализации.

Уверенность в необходимости междисциплинарного подхода для изучения международных отношений и особенно истории мысли высказывает и американский ученый Т. Маккьюэн[70]. О популярности и неизбежности междисциплинарного общения в теоретическом формате пишут также известные отечественные исследователи И. М. Савельева[71] и Н. А. Косолапов[72]. В свою очередь, М. М. Лебедева отмечает, что наиболее интересные результаты можно получить на стыке различных дисциплин[73]. На необходимость тесного творческого контакта между всеми областями общественно–гуманитарных наук указывал и И. Д. Ковальченко[74].

В итоге следует отметить, что научный анализ развития принципа суверенитета в обозначенный период, имея большое теоретическое и практическое значение, приобретает особую важность в современных

---

[69] Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Указ. соч. С. 111–114.

[70] Маккьюэн Т. Указ. соч. С. 145.

[71] Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 25–53.

[72] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 78.

[73] Лебедева М.М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2000. С. 18.

[74] Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 55.

условиях развития не только внутригосударственных, но и международно-правовых отношений. Изучение же теоретических аспектов для настоящей работы необходимо еще и потому, что как наука без эмпирического подтверждения будет выглядеть преждевременной, так и исследование без теории просто невообразимо[75]. Применение указанных теорий в качестве методологической основы работы обеспечивает более полный и глубокий анализ конкретных исторических фактов, позволяет дать состоятельное объяснение исследуемому явлению. Вышеобозначенные методы как исторической, так и политологической науки позволяют должным образом изучить не только историю международных отношений, но и историю мысли. При этом появляется возможность проанализировать соотношение событий, разворачивавшихся на рубеже веков, и концепций суверенитета государства, разрабатывавшихся и активно обсуждавшихся в научном и политическом сообществе Соединенных Штатов.

Источниковой базой для диссертации послужил значительный объем государственных документов США, а также материалы международно–правового характера. Среди правительственных деловых бумаг США можно выделить официальную документацию администрации президентов США (Public Papers of the US Presidents), документы Комитета Сената США по международным отношениям (US Senate Committee on Foreign Relations), документы Белого дома (The White House Papers), материалы Государственного департамента США (U.S. Department of State) и многие другие. Все документы находятся в публичном доступе и, хоть могут не отражать действительных причин принятия решений или являться популистскими, однако все же незаменимы для понимания официальной позиции руководства США по поднимаемым вопросам. Среди же документации международно-правового характера стоит прежде всего обозначить официальные документы Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и т.д.

---

[75] Ларсен С. Теория и методы в социальных науках. М., 2004. С. 259.

Эти документы – важнейшие источники современного международного права, отражающие текущее состояние мировой внешнеполитической мысли. Поскольку в диссертации поднимается вопрос восприятия принципа суверенитета американским академическим сообществом, следовательно, источником для диссертации служит широкий набор аналитических и исследовательских материалов, опубликованных в 1990-е – начале 2000-х гг., в том числе в ведущих американских журналах по внешней политике (например, «Форин афферс» (Foreign Affairs) и «Форин полиси» (Foreign Policy). В итоге можно констатировать, что данная тема в достаточной мере обеспечена источниками.

Касательно **использованной литературы** стоит отметить, что существует множество отечественных и зарубежных работ, подробно изучающих принцип суверенитета государства, анализирующих перспективы его развития и мнения различных ученых по этой проблематике. Однако дискуссии вокруг этого вопроса продолжаются, оставаясь достаточно острыми. В связи с этим отечественный ученый М. Н. Марченко справедливо отмечает, что с развитием государства и права роль принципа суверенитета и число работ, посвященных ему, будет только возрастать и данный принцип будет продолжать занимать исключительное место в жизни современных государств[76].

Положения, выносимые на защиту:

1. Ввиду перестройки системы международных отношений, установления единоличного лидерства США в мире и ускорения процесса глобализации на рубеже XX – XXI вв. в американской внешнеполитической мысли существенно актуализировалась проблема переосмысления концепции государственного суверенитета. Его неограниченность, по мнению многих экспертов, тормозила дальнейшее развитие демократического мироустройства. Несмотря на то что на протяжении всего изучаемого периода суверенитет воспринимался как наиважнейший принцип

[76] Марченко М.Н. Указ. соч. С. 453.

международного права и основополагающая функция государства, мнение о неизбежности его ограничения являлось трендом, охватившим значительную часть внешнеполитической мысли США. Отличия же были в том, какими виделись основные причины этого ограничения и насколько сильно они влияли на изучаемый принцип. Одни авторы не оставляли места для суверенитета в будущем мироустройстве, другие «дробили» принцип суверенитета и настаивали на его «трансформации», третьи по-прежнему говорили о непререкаемой важности суверенитета и преждевременности его кардинального изменения, однако игнорировать явления современного мира, влияющие на искомый принцип, также не могли. Главными ограничивающими суверенитет факторами зачастую виделись глобализация, интеграция, право наций на самоопределение. Эту позицию разделяли как официальные представители власти в США (в администрации Дж. Буша, Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего), так и большинство историков, политологов и юристов.

2. На рубеже XX – XXI вв. актуализировалась полемика в политических и ученых кругах США о суверенитете своей страны, в результате которой признавалась возможность существования некоторых его границ, несмотря на множество опасений подобного ограничения прав государства. Однако подавляющим большинством экспертов и политиков утверждалось, что, хотя суверенитет и несколько ограничивается, это не влияет на сам принцип кардинальным образом, не ставит действия государства и его внутренние институты и нормы в подчиненное положение, и оно имеет право в любой момент выйти из международных договоренностей. Данная дискуссия без каких-либо серьезных изменений продолжалась на протяжении всего изучаемого периода, и вышеописанная концепция возможного ограничения суверенитета со стороны международных организаций остается предметом дискурса и в настоящее время.

3. Во внешнеполитических кругах США в обозначенный хронологический период доминировала точка зрения о приравнивании

соблюдения прав человека к существованию государства, границы которого не должны препятствовать интервенции для защиты гуманитарных ценностей. В ходе развития внешнеполитической мысли по этому вопросу американское научное сообщество пришло к концепции «ответственности за защиту прав человека», которая обобщила все изыскания предыдущих лет и нашла отражение в 2001 г. в документе «Ответственность за защиту» (Responsibility to Protect). Суть заключалась в том, что суверенитет должен был пониматься прежде всего не как принцип, дающий некие права, а как принцип, налагающий обязательства за соблюдение прав человека на территории государства. Если же страна не могла их обеспечить, то ее суверенитет объявлялся ограниченным настолько, что ей отказывалось в праве на противодействие внешнему вмешательству и она могла стать объектом гуманитарной интервенции. Эта концепция активно поддерживалась официальной властью США и использовалась для теоретического обоснования многочисленных гуманитарных интервенций 1990-х гг.

4. Теории об ограниченном и «разделенном» суверенитете, разрабатывавшиеся в академическом сообществе США на рубеже XX – XXI вв., были использованы при создании внешнеполитических доктрин страны. Увязывание принципа суверенитета с понятием ответственности и его деление на части в духе неолиберализма было удобно для внешнеполитических действий Соединенных Штатов. Это позволяло заявлять о важности суверенитета как принципа, одновременно вторгаясь в суверенные дела других государств либо под предлогом недопустимости нарушения «нового мирового порядка» при президентстве Дж. Буша или защиты прав человека при Б. Клинтоне, либо под прикрытием риторики об ответственности за поддержку международного терроризма при администрации Дж. Буша-младшего. В данном вопросе у американских ученых и политиков наблюдалось единодушие относительно того, что указанное ограничение является необходимым и естественным, а также логично следует из всего хода исторического развития и эволюции принципа

суверенитета. В этом заключалась тесная взаимосвязь теорий о суверенитете и внешнеполитического контекста, при котором они создавались.

Структура диссертации. В академическом сообществе США в изучаемые годы обсуждалось несколько основных факторов, влияющих на суверенитет наиболее сильно: международное право; гуманитарные интервенции и, как следствие, проблема вмешательства во внутренние дела государства и права человека; многогранный процесс глобализации; наднациональные институты власти и интеграция; право наций на самоопределение. В связи с этим фактором и вышеупомянутыми задачами структура работы (введение, три главы, заключение, список источников и литературы) будет строиться следующим образом.

Во введении обосновывается актуальность темы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, методология диссертации. Отдельные разделы посвящены анализу использованных источников и литературы.

В первой главе диссертации, носящей характер вводной, в целях полноценного понимания содержания принципа суверенитета исследуется то, как толковался суверенитет государства в зарубежной науке; какие определения давались этому принципу и в чем заключались ключевые различия в понимании суверенитета разными учеными. Следует заметить, что в американской научной мысли, несмотря на признание большинством важности суверенитета в целом, были распространены точки зрения о неизбежности «размывания», «дробления» суверенитета или о «десуверенизации». Различия между основными течениями мысли в основном наблюдались лишь в оценке степени влияния современного развития международных отношений на искомый принцип. Мнение же о существенном ограничении суверенитета, например ввиду развития гуманитарного права, являлось очевидным трендом. Во втором параграфе первой главы исследуется, какое отражение нашел искомый постулат в официальных международно–правовых источниках и каким виделось ученым

и политикам влияние международных организаций, в частности, ООН и ОБСЕ, на суверенитет: закрепляют ли они его или, напротив, ограничивают.

Во второй главе диссертации внимание уделено тому, какое отношение было в американских научных и политических кругах к суверенитету США. Новый виток полемики по этому вопросу развернулся на фоне создания ВТО в 1995 г. и вступления в нее Соединенных Штатов, а также из-за роли ООН после окончания холодной войны. Затем поднимается вопрос о взаимовлиянии внешнеполитических доктрин и установок США в 1990-е гг. и академической дискуссии о принципе суверенитета. В чем была разница между суверенитетом для США и для других стран; оставался ли суверенитет важнейшим принципом для государства или он должен быть существенно ограничен; как коррелируют друг с другом суверенитет (подразумевающий невмешательство во внутренние дела) и стремление обеспечить во всем мире соблюдение прав человека; связывался ли американскими экспертами суверенитет все еще с правом и привилегией государства или стал обозначать ответственность государства за благосостояние своего народа и соблюдение его прав; когда суверенитет мог исчезнуть, открыв путь к интернационализации внутреннего конфликта, – то, как ставили и отвечали на все эти вопросы представители американской внешнеполитической мысли, исследуется на страницах второй главы.

В третьей, заключительной, главе на основе проанализированного материала с учетом выводов, сделанных в предыдущих главах, изучаются вопросы того, как виделось в американском академическом сообществе влияние глобализации и интеграции на суверенитет. Множество историков, политологов и политиков пытались понять перспективы ограничения суверенитета. Вследствие распада ряда стран (например, СССР, Югославии) появилось больше субъектов международных отношений, что актуализировало проблему противоречия суверенитета и такого принципа, как право наций на самоопределение, – еще одна тема, исследуемая в третьей главе диссертации. Ситуация осложняется тем, что процесс образования новых государств не теряет своей актуальности и в XXI в. При этом только

около десяти процентов государств являются этнически однородными и только половина из них имеет одну этническую группу, на долю которой приходится 75 процентов населения страны. Это вынудило американское ученое сообщество в конце XX – начале XXI в. обратить пристальное внимание на вопросы соотношения суверенитета (и принципа территориальной целостности, из него вытекающего) и права наций на самоопределение, изучить перспективы применения последнего и понять, является ли право на самоопределение эквивалентом «права на отделение».

В заключении подведены основные итоги исследования, сделаны выводы по теме диссертации, а также кратко освещен интерес современного научного и политического сообщества США к проблеме государственного суверенитета.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность исследования обусловлена привлечением широкого круга источников и критическим анализом представленного в них материала, а также изучением и осмыслением отечественной и иностранной научной литературы по теме диссертации. Результаты диссертационного исследования получили отражение в материалах Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2019»[77], Международной научно-практической конференции «Перспективы развития науки и образования»[78] и Всероссийской научной конференции «Многосоставные государства: опыт и перспективы развития»[79].

Отдельные положения работы опубликованы в восьми научных статьях общим объемом 11 п.л., вышедших в журналах, включенных в Перечень

---

[77] Катков А.Д. США и непризнанные государства постбиполярного мира: особенности внешнеполитической практики // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М: МАКС Пресс, 2019.

[78] Катков А.Д. Проблема наличия суверенитета у союзных республик СССР на фоне распада государства // Вестник научных конференций. – 2019. – №1 (3). – С. 34–36.

[79] Катков А.Д. Внешнеполитическая дискуссия о проблеме влияния интеграционных процессов на принцип суверенитета государства // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.) / Под ред. А. Д. Гулякова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 214–218.

рецензируемых научных изданий ВАК[80]. В том числе пять статей опубликовано в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных Ученым советом МГУ им. М. В. Ломоносова для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03.

В заключении хочется отметить, что проблема изучения государственного суверенитета оказалась злободневной в американской внешнеполитической мысли на рубеже XX – XXI вв. Более того, интерес к принципу суверенитета растет с каждым новым кризисом в системе международных отношений. В этой диссертации проанализирован тот беспрецедентный вызов, которому подвергалась концепция суверенитета со стороны научного сообщества в указанный период. Остается ли она, по мнению американского академического сообщества, важнейшей для существования государства, мировой политики и безопасности или существует только на страницах книг о международном праве и международных отношениях.

---

[80] Катков А.Д. Влияние принципа суверенитета на политику признания государств (на примере конфликта в Косово) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – №4. – С. 37–48; Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. – 2019. – №3(17). – С. 1–14; Катков А.Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе // Вестник Дипломатической академии МИД России. – 2020. – №3(25). – С. 27–52; Катков А.Д. Принцип самоопределения наций, его природа и историческое развитие (на примере конфликта в Западной Сахаре) // Человеческий капитал. – 2018. – №8(116). – С. 53–62; Катков А.Д. Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико–академической дискуссии) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – №1. – С. 61–78; Катков А.Д. Внешнеполитическая мысль США о суверенитете государства в условиях «гуманитарных интервенций» (1990-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. – Май, 2019. – № 3(37). – С. 129–147; Катков А.Д. История американской внешнеполитической мысли: трактовки суверенитета США в конце XX – начале XXI веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т.19. – №1: История. – С. 43–59; Катков А.Д. Понятие суверенитета в международно–политических исследованиях в США на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – №3. – С. 92–127.

Источниковедческий обзор

В современном мире в международных отношениях основной задачей для утверждения прочного миропорядка является «обеспечение соблюдения международно-правовых норм и ответственности за их нарушение»[81]. Официальная документация, в том числе и правового характера, – это фундамент для современного межгосударственного общения. В настоящей диссертации используются как политические документальные источники (заявления, внешнеполитические выступления, интервью, декларации), так и юридические (решения судов, соглашения, конвенции, договоры)[82]. Под источником права чаще всего понимают «фактор, творящий право»[83]. Источник же международного права – это форма выражения и закрепления нормы международного права[84]. Основными источниками в теории международного права признаются международный договор, международный обычай (доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы), акты международных конференций и совещаний, документы международных организаций[85]. Поскольку работа ставит целью представить внешнеполитическую мысль в Соединенных Штатах Америки по исследуемой проблематике, то в настоящей диссертации был использован большой объем источников, которые представляют весь спектр доступных официальных правительственных документов этого государства. Для изучения понятия суверенитета в современной международно-правовой системе и процессов, его ограничивающих, исключительно ценной является официальная документация Организации Объединенных Наций, а именно Устав, резолюции и декларации Генеральной Ассамблеи ООН и Совета

---

[81] Хохлышева О.О. Международно-правовые проблемы силового миротворчества ООН и возможные варианты их решения. Н.Новгород, 2000. С. 6.

[82] Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Указ. соч. С. 75.

[83] Марченко М.Н. Источники права. М., 2014. С. 45.

[84] Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. М., 2012. С. 85.

[85] Там же. С. 9.

Безопасности ООН, а также стенограммы отдельных заседаний Совета Безопасности ООН. Не менее значимыми представляются документы и региональных организаций, важнейшая среди которых ОБСЕ, а также ряд международно-правовых договоров. Хочется отметить, что недостаток всех официальных источников подобного рода заключается в том, что они не всегда отражают тенденции и явления так называемой «реальной политики». Однако с их помощью формируется само право, на которое в наши дни ссылается значительная часть политиков и экспертов. Более того, официальные источники – это итог развития политической мысли предыдущих десятилетий, именно поэтому они имеют такое весомое значение для данной диссертации.

Все изучаемые источники можно условно разделить на несколько групп. Первая – это открытые правительственные документы США, включающие официальные заявления президентов, государственных секретарей и других правительственных деятелей, стенограммы брифингов высокопоставленных лиц государственного аппарата США с прессой. Для изучения официальной позиции администрации Соединенных Штатов по вопросу суверенитета государства особенно значимыми представляются «Публичные документы президентов США» (Public Papers of the Presidents)[86], в которых содержится большинство официальных обращений, выступлений, заявлений, замечаний, записок президентов и членов администраций, в том числе и Дж. Буша, Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего и их официальных представителей[87]. Не менее важная и полезная публичная документация подобного рода представлена и на официальном сайте Белого дома (The White House)[88], например «Стратегия национальной безопасности в новом столетии», которая

---

[86] Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/ (дата обращения: 05.12.2020).

[87] См., напр.: Bush G. Remarks at Maxwell Air Force Base War College in Montgomery. 13.04.1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-maxwell-air-force-base-war-college-montgomery-alabama (дата обращения: 01.12.2019); Bush G.W. Remarks on the Middle East. 24.06.2002 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-middle-east (дата обращения: 01.12.2019).

[88] The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/ (дата обращения: 05.12.2020).

была принята при администрации Б. Клинтона в 1997 г.[89] или выступление Дж. Буша-младшего на радио[90]. Официальный сайт Белого дома был запущен в октябре 1994 г. Он содержит различную информацию о президенте и вице-президенте, их семьях, а также пресс-релизы, различные прокламации, приказы, тексты речей представителей правительства. Для настоящей диссертации очень ценной является также открытая публичная документация, находящаяся в архивах Государственного департамента США (U.S. Department of State)[91], которая содержит официальные заявления представителей государственного ведомства США по внешнеполитическим вопросам и стенограммы общения с прессой. Так, например, можно выделить доклад Р. Хааса, главы отдела по планированию политики в Государственном департаменте США в 2001 – 2003 гг.[92]; выступления государственного секретаря США М. Олбрайт[93] и другие документы. Помимо этого, были полезны доклады, записки, выступления сенаторов и других должностных лиц, различная документация Комитета по международным отношениям Сената США (US Senate Committee on Foreign Relations)[94]. Мнение представителей власти Соединенных Штатов можно найти и не в официальных источниках, а на страницах научных журналов, посвященных

---

[89] A national security strategy for a new century. May 1, 1997 // The White House Official Website. URL: https://clintonwhitehouse2.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/ (дата обращения: 05.03.2018).

[90] President Bush Discusses Iraq in Saturday Morning Radio Address // The White House Official Website. President George W. Bush, April 10, 2004. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (дата обращения: 29.11.2020).

[91] U.S. Department of State Archive. URL: http://2001-2009.state.gov/; https://1997-2001.state.gov/; https://2009-2017.state.gov/ (дата обращения 05.12.2020).

[92] Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities // U.S. Department of State Archive. January 14, 2003. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2019).

[93] См., напр.: Albright M. The United Nations: What's In It For Us? // U.S. Department of State Archive. March 4, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/mar96_why_united_nations.html (дата обращения: 01.12.2019); Albright M. The UN, the U.S. and the World // U.S. Department of State Archive. September 12, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/un-tm-ga.html (дата обращения: 01.12.2019).

[94] US Senate Committee on Foreign Relations. URL: http://www.foreign.senate.gov/ (дата обращения 30.11.2020).

внешней политике и международным отношениям[95], в мемуарных источниках[96]. Необходимо сразу обратить внимание на то, что в работе были использованы только общедоступные публикации официальных правительственных документов США. Безусловно, наиважнейшие решения и документы, принятые Белым домом, остаются под грифом «секретно». Следовательно, данная работа изучает официальную позицию США по вопросу суверенитета государства, насколько это позволяют сделать опубликованные документы, и не претендует на окончательное объяснение причин политики страны. Помимо этого, следует заметить, что были использованы документы архива Государственного департамента США начиная только с 1997 г. (электронный архив ведомства ведется с этого года), это связано с невозможностью получения доступа к бумажному архиву в Вашингтоне. Вместе с тем хочется обратить внимание на то, что документация сайта президентов США за весь хронологический период, а также мнения научно-политических кругов, изложенные в печатных изданиях, были изучены полностью.

Вторая группа – это источники Организации Объединенных Наций, главный учредительный документ которой вступил в силу 24 октября 1945 г. На настоящий момент, после того как был принят в ООН Южный Судан в 2011 г., в организации стало 193 государства – члена против 51 страны, которые являлись соучередителями ООН. Важно, что ООН является не мировым правительством, а инструментом или площадкой, объединяющей все государства мира, и существует на их взносы. Так, Ш. Тарур, специальный помощник К. Аннана, который в тот период был заместителем генсека ООН по миротворческим операциям, отметил, что «во всем, что просят сделать Организацию Объединенных Наций, она может преуспеть

---

[95] См., напр.: Talbott S. Globalization and diplomacy: a practitioner's perspective // Foreign policy. – September 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019); Albright M. United Nations // Foreign policy. – September 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019).

[96] См., напр.: Baker J.A. The politics of diplomacy: revolution, war and peace, 1989–1992. G.P.: Putnam's Sons, 1995; Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004.

настолько, насколько ей это позволят»[97]. Характерно, что за исключением Индонезии, временно приостановившей членство в 1965 г., больше ни одна страна не выходила из состава организации.

Вторую группу источников можно разделить на три подгруппы: Устав ООН, декларации и резолюции, стенограммы заседаний. Наиболее значимым является Устав ООН[98] – документ, имеющий непререкаемый авторитет, своеобразный кодекс поведения[99] для государств мира, которые признают его доминирующее положение над всеми другими договорами. Устав ООН предусматривает строгую субординацию обязательств государств – членов организации. Постулаты и цели ООН, нашедшие отражение в Уставе, складывались постепенно. Работа над Уставом начинается 12 июня 1941 г. с подписания декларации в Сент-Джеймском дворце. Идеи развивались в Атлантической хартии 1941 г., Декларации Объединенных Наций 1942 г., в ходе конференций в Москве и Тегеране в 1943 г. Наконец, в основу Устава были положены предложения, выработанные представителями Великобритании, Китая, Советского Союза и США в Думбартон-Оксе в августе–октябре 1944 г. Завершилось все подписанием окончательного документа в Сан-Франциско 26 июня 1945 г., который после ратификации большинством стран вступил в силу 24 октября того же года. Первые заседания основных органов ООН прошли в Лондоне в Вестминстерском дворце в январе 1946 г[100]. Устав состоит из 111 статей и преамбулы и, поскольку является официальным основополагающим документом самой разветвленной на настоящий момент международной организации и всего международного права в целом, то проверка подлинности или актуальности данного источника нецелесообразна. Вопрос о точности перевода также не стоит, потому что русский язык – официальный

---

[97] Цит. по: Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций. М., 2012. С. 23.

[98] Устав ООН, 26 июня 1945 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/ (дата обращения: 01.12.2019).

[99] ООН и современные международные отношения / Под ред. Г.П. Жукова. М., 1986. С. 194.

[100] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2008. С. 180.

язык организации. Но помимо Устава было проработано и привлечено большое количество резолюций и деклараций ООН, принятых на протяжении существования организации[101]. Несмотря на то что данные источники не являются юридически обязательными, они подтверждают и конкретизируют основные положения Устава и рассматриваются как важнейшие элементы процесса формирования международного права, а также создают общий правовой климат для международных отношений, обладая огромным политическим весом. Доказательством может служить тот факт, что на их основе довольно часто формировались международные договоры и конвенции[102]. Также был привлечен ряд официальных стенограмм отдельных заседаний Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по вопросам, актуальным для настоящего исследования[103]. Эти стенограммы дают возможность понять оценку политических явлений со стороны участников Совета Безопасности, и, даже несмотря на официозность и завуалированность дипломатических речей, можно отследить отношение государства к разворачивающимся событиям.

К третьей группе относится официальная документация некоторых региональных организаций, а также ряд отдельных конвенций, договоров и заявлений. Особо следует отметить Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ[104] от 1975 г., который, несмотря на его подчиненное положение к постулатам Устава ООН, определил принципы взаимоотношений между

---

[101] См., напр.: Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Резолюция Генассамблеи 1514 (XV), 14 декабря 1960 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 29.10.2020); Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция Генассамблеи 36/103, 9 декабря 1981 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 29.11.2020).

[102] Хохлышева О.О. Указ. соч. С. 10.

[103] См., напр.: Выступление представителя Китая на 4011–м заседании Совета Безопасности ООН по вопросу о Косово. 10.06.1999 // Официальный сайт ООН. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/854/46/PDF/N9985446.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.12.2019); Предварительный стенографический отчет Совета Безопасности ООН. 2491-е заседание от 27 октября 1983 года. S/PV. 2491 // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.2491 (дата обращения: 01.12.2019).

[104] Хельсинкский Заключительный акт, 1 августа 1975 года // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505 (дата обращения: 29.11.2020).

государствами, подписавшими его. Развитие положений Заключительного акта шло поступательно на протяжении всего времени после его подписания. Важными вехами являются Парижское совещание стран – участниц договора и Московское заключительное совещание Конференции по человеческому измерению СБСЕ и некоторые другие договоры. Своеобразным политическим поворотом явилась Хельсинская встреча 1992 г., на которой был подписан документ «Вызов времени перемен» (The Challenges of Change)[105]. После него СБСЕ начинает превращаться из площадки для политического диалога в региональную организацию, целью которой стало обеспечение политического и военного спокойствия в Европе. ОБСЕ, включающая 57 государств Европы, Северной Америки и Центральной Азии, в настоящий момент претендует на более значимые позиции в области обеспечения сотрудничества и стабильности в Европе, участвуя в урегулировании множества кризисов и ведя делопроизводство на шести основных европейских языках. Заключительный акт, принятый спустя 30 лет после создания ООН, является своего рода дополнением к ее Уставу, призванным повысить роль права в международных отношениях. Также в ходе работы над диссертацией был изучен Устав Организации американских государств[106], доклад «Ответственность за защиту»[107] и ряд других документов.

Наконец, поскольку настоящая диссертация изучает историю внешнеполитической мысли, источником можно считать многочисленные научные статьи и очерки по проблеме суверенитета, опубликованные в ряде американских периодических изданиях, в частности в «Форин афферс» (Foreign Affairs) и «Форин полиси» (Foreign Policy) – самых авторитетных аналитических американских журналах по вопросам внешней политики

---

[105] The Challenges of Change, July 10, 1992 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/node/39530 (дата обращения: 07.11.2020).

[106] Charter of the Organization of American States (A-41), February 27, 1967 // The OAS official site. URL: http://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.asp (дата обращения: 01.12.2019).

[107] Responsibility to Protect, 2001 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/key-documents.shtml (дата обращения: 29.11.2020).

США. В архивах данных изданий собрано большое количество исследований ведущих ученых, теоретиков и практиков американской внешней политики, и в этом исследовании был использован широкий спектр статей С. Хантингтона, Ч. Купчана, М. Мандельбаума, Дж. Ная, Ш. Тарур, Д. Йоффе, Т. Карпентера, и многих других[108]. Хочется отметить, что помимо журнала «Форин афферс» (Foreign Affairs), издающегося с 1922 г., в работе были использованы материалы[109], размещенные на официальном сайте организации, выпускающей этот журнал, – «Совета по международным отношениям» (Council on Foreign Relations[110]). Этот совет – самая мощная частная организация, оказывающая влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов Америки. Журнал «Форин полиси» (основан в 1970 г. профессором Гарвардского университета С. Хантингтоном и американским дипломатом У. Маншелем), в свою очередь, существует при поддержке старейшего экспертно–аналитического центра США в области международных отношений – Фонда Карнеги. Также были использованы статьи, размещенные на страницах журнала «Каррент Хистори» (Current

---

[108] См., напр.: Huntington S. The lonely superpower // Foreign affairs. – March-April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (дата обращения: 29.11.2020); Kupchan C. Independence for Kosovo // Foreign affairs. – November-December, 2005. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2005-10-01/independence-kosovo (дата обращения: 30.11.2020); Nye J. Redefining the national interest // Foreign Affairs. – July/August, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest (дата обращения: 30.11.2020); Tharoor S. Why America Still Needs the United Nations // Foreign affairs. – September/October, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-09-01/why-america-still-needs-united-nations (дата обращения: 30.11.2020); Joffe J. Rethinking the Nation-State: The Many Meanings of Sovereignty // Foreign affairs. – November-December, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/1999-11-01/rethinking-nation-state-many-meanings-sovereignty (дата обращения: 30.11.2020); Carpenter T. The new world disorder // Foreign policy. – September 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

[109] См., напр.: Otterman S. Iraq: The sovereignty issue // Council on Foreign Relations. – February 2, 2005. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/iraq-sovereignty-issue (дата обращения: 30.11.2020).

[110] Council on Foreign Relations. URL: http://www.cfr.org/ (дата обращения: 05.12.2020).

History)[111], «Нэшнл интерест» (The National Interest)[112] и ряда других. Прежде всего, именно статьи в научных журналах, будучи исключительно актуальными исследованиями своего времени, чутко реагирующими на события в мировой политике и на заявления официальных властей Соединенных Штатов, позволяют проследить эволюцию во внешнеполитической мысли в США по проблеме суверенитета в конце XX – начале XXI в. Подобные исследования помогают понять, как влияли внешнеполитические события, происходившие в изучаемый период, на развитие мысли о суверенитете.

Таким образом, указанные источники дают возможность всесторонне исследовать внешнеполитическую мысль и официальную позицию США по проблеме суверенитета государства, понять, какое отражение получил принцип суверенитета в правовых документах и актуальных исследованиях, оценить его значение для международного права и международных отношений в целом, изучить перспективы развития суверенитета, аспекты его ограничения в международно-правовой системе международных отношений.

---

[111] См., напр.: Ikenberry J. America and the ambivalence of power // Current History. – November, 2003. – Vol. 102. – Issue 667. – P. 377–382; Lawson L., Rothchild D. Sovereignty Reconsidered // Current History. – May, 2005. – Vol. 104. – Issue 682. – P. 228–235; Patrick S. America's Retreat from Multilateral Engagement // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

[112] См., напр.: Helms J. American Sovereignty and the UN // The National Interest. – December 01, 2000. – №62. – P. 31–34; Krauthammer C. The Short, Unhappy Life of Humanitarian War // The National Interest. – September 01, 1999. – №57. – P. 5–8.

Обзор использованной литературы

Необходимо уточнить, что данный раздел некорректно называть историографическим обзором в традиционном понимании. Причиной этому служит тот факт, что большинство привлеченных работ нельзя называть историческими в полной мере, так как написаны они, как правило, не только историками, но и политологами, правоведами и т.п.

Для полноценного решения поставленных в диссертации задач, помимо официальных и официально-правовых источников, привлечен большой объем литературы, которую можно условно разделить на несколько групп по характеру тематики и изложенного в них материала. Также необходимо акцентировать внимание на том, что существует определенная разница в подходах отечественных и зарубежных авторов, особенно когда речь идет о международном праве и постулатах, в нем обозначенных. Несмотря на, казалось бы, одни и те же закрепленные в международных договорах правовые нормы, многие исследователи изучают их под разным углом зрения, приходя к совершенно различным выводам. Основные расхождения возникают в вопросе, какая роль отводится в перспективе международному праву и суверенитету в будущем миропорядке. Зарубежные авторы, признавая ценность суверенитета, нередко склоняются к мысли о постепенном «отмирании» или ограничении этого принципа из-за различных кризисов, говоря таким образом о «десуверенизации», как это, например, делают в своих работах Р. Купер и Л. Хенкин[113], и принижают роль международного права (и ООН в качестве его гаранта) в современном мире. Большинство же российских исследователей, не отрицая возможного ограничения суверенитета, все же зачастую придерживаются позиции о необходимости отстаивания права и «полного» суверенитета как гаранта международной стабильности и существования полноценной государственности. Хотя, безусловно, и у отечественных авторов встречается

---

[113] См. Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London, 2004; Henkin L. International Law: Politics and Values. N.Y., 1995.

различное отношение к государственному суверенитету и перспективам его сохранения. Несмотря на то что критика современного положения ООН существует и у российских ученых, зарубежные авторы все же чаще высказываются за реформирование организации. В общем и целом, в то время как почти все признают значение суверенитета в прошлом, многие эксперты расходятся в понимании того, какое место он займет в будущем, в эпоху взаимозависимости государств.

Характерным для конца XX – начала XXI в. было определенное желание переосмыслить принцип суверенитета, и связано это было прежде всего с процессом глобализации и кризисом биполярной системы международных отношений. В связи с этим следует несколько слов сказать о том, какое отношение к суверенитету в этот период выработали основные направления научной мысли.

Активное переосмысление принципа суверенитета шло в рамках неолиберального подхода. Неолибералы заняли несколько ревизионистскую позицию в отношении суверенитета, подвергая этот принцип в известной степени «эрозии». Представители данного направления[114] полагали, что в современных условиях глобализации и взаимозависимости государств в вопросах экологии, экономики и в ряде гуманитарных направлений невозможно существование абсолютного суверенитета, который, правда, остается важнейшим свойством государства (это сближает их несколько с неореалистами) и благодаря которому обеспечивается верховенство и независимость государственной власти как внутри страны, так и в международных отношениях[115]. «Неореализм» или «структурный реализм» наследовал свое отношение к суверенитету как к основному свойству государства у классического реализма. Суверенитет государства

---

[114] См., напр.: Sassen S. Losing control? Sovereignty in an Age of Globalization. N.Y., 1996; Philpott D. Westphalia, Authority, and International Society // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. P. 566–589; Keohane R. Political authority after intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003; Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 03.07.2019).

[115] Haas R. Intervention. The Use of American Military Force in the Post-cold War World. N.Y., 1994. P. 4–5.

представителями данного течения мысли[116] предполагается как нечто системообразующее, объективное, очевидное, лежащее в основе международных отношений. Основными признаками суверенного государства должны быть развитые и эффективные институты власти, признанные границы, монополия на насилие во внутренней политике[117]. Ярким представителем неореализма (а конкретнее, структурного реализма) является К. Уолтц, который писал, что суверенитет позволяет государству самому определять, как оно будет решать свои внутренние и внешние проблемы, включая и тот факт, будет ли оно обращаться за помощью к другим странам и принимать на себя обязательства по ограничению своей свободы[118]. Таким образом, К. Уолтц не противопоставлял суверенитет и зависимость, и суверенитет – это главным образом свойство, благодаря которому государство действует как отдельный элемент международной системы. Неореалисты отстаивали суверенитет, поскольку опасались, что его ослабление увеличит угрозу использования военной силы в международных отношениях[119]. В конечном счете некоторые неореалисты занимали достаточно консервативную позицию в отношении суверенитета (считая, что концепции «дробления» функций суверенитета подрывают международную стабильность) и достаточно критично относились к любым новым трактовкам суверенитета. Однако нельзя утверждать это в отношении всех неореалистов, поскольку «неореализм» вынужден был реагировать на желание неолиберального течения переосмыслить принцип суверенитета и не мог игнорировать явления, происходившие в международных отношениях в

---

[116] См., напр.: Gilpin R. The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. Princeton, 2000; Gelb L., Rosenthal J. The Rise of Ethics in Foreign Policy: Reaching a Values Consensus // Foreign affairs. – May/June, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-05-01/rise-ethics-foreign-policy-reaching-values-consensus (дата обращения: 03.07.2019); Mandelbaum M. Lessons of the Next Nuclear War // Foreign affairs. – March/April, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/1995-03-01/lessons-next-nuclear-war (дата обращения: 30.11.2020).

[117] Конышев В.Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // Политэкс. – Спб., 2010. – №4. – С. 68–88.

[118] Waltz K. Op. cit. P. 96.

[119] Haas R. Paradigm Lost // Foreign affairs. – January/February, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1995-01-01/paradigm-lost (дата обращения: 12.04.2018).

конце XX в. Часть неореалистов[120] признавали, что государство, оставаясь главным участником международного общения, стало менее самостоятельным, что особенно отчетливо проявляется на примере Евросоюза. Особенно же суверенитет государства ограничен, когда дело касается вопросов мирового масштаба, таких как экология. Некоторые ученые (например, профессор международных отношений в Стэнфордском университете С. Краснер) не отрицали определенного ограничения суверенитета в том числе и из-за глобализации, подразумевающей интеграцию мирового сообщества по принципу единого государства[121]. Ряд неореалистов (Дж. Грико, Ч. Глэйзер, Р. Швеллер, Л. Грабер) также считали, что международные организации можно отнести к самостоятельным субъектам политики, что сближало их с позициями неолибералов[122]. Таким образом, лагерь неореалистов был неоднороден и в то время, как часть из них следовала логике К. Уолтца, другие были готовы пересмотреть содержание суверенитета в связи с современными политическими процессами, сближаясь с позицией С. Краснера. Однако для представителей данного течения мысли тенденции к ограничению суверенитета не отменяют его как принцип и государство, даже в условиях глобализации, остается важнейшим субъектом мировой политики.

Наиболее критическое же отношение к суверенитету наблюдалось у постпозитивистов[123]. Тогда как неореалисты и неолибералы были согласны, что государство все же главный субъект международного общения, а суверенитет – основное свойство государства, представители

---

[120] См., напр.: Kobrin S. Electronic cash and the end of national markets // Foreign policy. – June 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018); Drucker P. The Global Economy and the Nation-State // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/global-economy-and-nation-state (дата обращения: 03.07.2019).

[121] См.: Krasner S. Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton, 1999.

[122] Конышев В.Н. Указ. соч. С. 68–88.

[123] См., напр.: Teson F.R. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. Ardsley, 2005; Etzioni A. From Empire to Community: A New Approach to International Relations. N.Y., 2004; Maull H. Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign affairs. – Winter, 1990/91. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1990-12-01/germany-and-japan-new-civilian-powers (дата обращения: 05.03.2019).

постпозитивизма (социальный конструктивизм, постмодернизм, постструктурализм и другие), в свою очередь, отмечали тенденцию к снижению роли государства и одновременному усилению влияния неправительственных и наднациональных участников международных отношений. Суверенитету в рамках этой теории отводилась роль мифа, призванного оправдать интересы различных государств и их поведение в международной политике. В итоге тенденция на переосмысление принципа суверенитета была характерна для всех научных направлений в изучаемый период. Господствующей являлась неолиберальная точка зрения на суверенитет (как нечто среднее между неореализмом и постпозитивизмом в этом вопросе), согласно которой суверенитет играет важнейшую роль в современных международных отношений и говорить о «десуверенизации» нельзя, но можно утверждать, что данный принцип претерпевает определенные изменения, которые, однако, еще не завершены.

Переходя к непосредственному обзору использованной литературы следует начать с первой условно выделенной группы, в которую вошли общие работы по тематике международного права в целом, рассматривающие в том числе и концепцию суверенитета. Среди трудов отечественных ученых можно выделить Тункина Г. И. «Теория международного права»[124]; Мартенса Ф. Ф. «Современное международное право цивилизованных народов»; Марченко М. Н. «Проблемы общей теории государства и права»[125]; Черниченко С. В. «Международное право: современные теоретические проблемы»[126] и другие. Важной также представляется книга Каламкаряна Р. А., Мигачева Ю. И. «Международное право»[127], вышедшая в 2004 г., в которой излагаются все общетеоретические вопросы, касающиеся международного права, его основные принципы, характер и источники. Работа отлично структурирована и, несмотря на строгое юридическое

---

[124] Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000.

[125] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015.

[126] Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993.

[127] Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Указ. соч.

содержание, написана понятным языком. Авторы изучают все отрасли международного публичного права и отстаивают его верховенство.

Этой тематикой занимались также и зарубежные авторы, такие как К. Иглтон «Международное правительство»[128], Г. Эванс, Дж. Ньюхэм «Словарь международных отношений»[129], Л. Хенкин «Международное право: политика и ценности»[130]; Б. Бузан, Р. Литтл «Международные системы в мировой истории. Переосмысление учения о международных отношениях»[131] и т.д.

Ко второй, самой обширной, группе относятся специализированные работы по суверенитету, его месту в системе международного права. Их авторы пытаются проследить зарождение суверенитета, пути его развития, понять, какое место отводится этому принципу в современном мире и изучить потенциал его сохранения. Труды Палиенко Н. И.[132]; Гусейнова А. А.[133]; Ушакова Н. А.[134]; Кокошина А.А.[135]; Дмитриева Ю. А., Магомедова Ш. Б., Пономарева А. Г.[136]; Лукьянова Г. В. и Рябинина А. Л.[137]; Ноженко М. В.[138]; Каламановой С. В.[139]; Моисеева А. А.[140] и многих других

---

[128] Eagleton C. International Government. N.Y., 1957.

[129] Evans G., Newnham, J. The Penguin Dictionary of International Relations. N.Y., 1998.

[130] Henkin L. Op. cit.

[131] Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. Oxford, 2000.

[132] Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903.

[133] Демократия и суверенитет. Многообразие исторического опыта / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2010.

[134] Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963.

[135] Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006.

[136] Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Пономарев А.Г. Суверенитет в науке конституционного права. М., 1998.

[137] Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Л. Рябинин. М., 2011.

[138] Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. Спб., 2007.

[139] Каламанова С.В. Суверенитет государства в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012.

[140] Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009.

отечественных исследователей были использованы в данной работе для того, чтобы в полной мере изучить принцип суверенитета.

Следует отдельно упомянуть монографию одного из виднейших отечественных государствоведов И. Д. Левина «Суверенитет»[141]. Впервые книга была издана в 1948 г., однако она сохраняет научную актуальность и в наши дни во многом благодаря своей фундаментальности и многостороннему подходу к изучению суверенитета. Актуальность также объясняется и тем, что основные постулаты международного права не претерпели сильных изменений с 1945 г. Конечно, с учетом года издания можно говорить о некоторой идеологической составляющей работы. Вместе с тем она прослеживается крайне редко, и И. Д. Левин достаточно конструктивно и непредвзято анализирует труды зарубежных политологов и юристов. Доказательством тому могут служить обвинения ученого в 1948 – 1949 гг. со стороны власти в космополитизме и некритичном отношении к работам зарубежных коллег. И. Д. Левин логично и в доступной форме рассматривает вопрос о самоограничении суверенитета, его неделимости, внутреннем и внешнем аспекте, а также о его месте в международном праве, а выводы автора цитируются экспертами даже в настоящее время. Говоря о суверенитете, И. Д. Левин уходит от классового подхода и трактует его как состояние полновластия государства, связанное с единством государственной власти, монополией и концентрацией властного принуждения в руках государства и неограниченностью государственной власти[142]. И. Д. Левин, безусловно, писал в духе своего времени и исходил из понимания СССР как последнего оплота настоящего суверенитета, но благодаря фундаментальности исследование не только дает представление о точке зрения на суверенитет у отечественных ученых в тот период, но и интересна для современников позицией автора по ряду проблем. Изучение книги И. Д. Левина позволяет более глубоко проанализировать природу не только суверенитета, но и государственной власти.

---

[141] Левин И.Д. Суверенитет. Спб., 2003.

[142] Там же. С. 9.

Несколько подробнее следует остановиться на изучении отечественной традиции понимания суверенитета. В советское время суверенитет имел две основополагающие характеристики, безусловно, характерные и для постсоветских определений: верховенство внутри государства и независимость в международных отношениях. Так, дипломат, ученый Н. А. Ушаков определял суверенитет как «присущее государству верховенство на своей территории и независимость в международных отношениях»[143]. В то же время И. Д. Левин: «суверенитет есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств»[144]. В 1990–е гг. понимание суверенитета в отечественной науке не претерпело значительных изменений. Советский правовед и дипломат С. В. Черниченко писал о суверенитете как о «верховенстве государства в пределах его границ и независимости на международной арене» и, отдавая дань значению суверенитета, говорил, что суверенитет государства – это символ его личности, сравнивая его с государственным флагом[145]. Российский ученый А. А. Чобан видел суверенитет как «двуединое понятие, означающее, с одной стороны, – верховенство, проявляющееся преимущественно во внутренних отношениях, а с другой – независимость, направленную вовне, на взаимоотношения с другими государствами»[146]. Особенно выделяется определение, данное авторами в работе «Суверенитет в науке конституционного права», где суверенитет анализируется только с юридической точки зрения и определяется как «конституционный принцип организации государственной власти»[147]. Позднее отечественные авторы начали конкретизировать основные атрибуты суверенитета, в результате чего определения принципа становились более очерченными. Также можно

---

[143] Ушаков Н.А. Указ. соч. С. 6.

[144] Левин И.Д. Указ. соч. С. 71.

[145] Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. С. 26–27.

[146] Чобан А.А. Государственный суверенитет. Теоретико-правовые аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1993. С. 60–61.

[147] Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Пономарев А.Г. Указ. соч. С. 98.

проследить тенденцию к более отчетливому разделению понятия суверенитет на две части: внутренний и внешний. Отечественные исследователи Е. Г. Пономарева и Г. А. Рудов пишут, что суверенитет «означает систему внутриполитических и внешнеполитических возможностей и способностей государства, направленных как на обеспечение собственного развития, так и противостояние любому давлению извне»[148]. Профессор А. С. Строева определяет суверенитет как способность государства контролировать свою территорию, осуществлять в отношении нее и проживающего на ней населения верховенство власти и его независимость в международных отношениях[149]. Не давая точного определения, ученый и государственный деятель А. А. Кокошин вводит понятие «реального суверенитета» и говорит о нем как «о способности государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства»[150]. Похожую мысль можно найти и у И. Д. Левина, который на примере правительств в изгнании писал о потере ими суверенитета, несмотря на то что декларативно они продолжали утверждать о своей полноте власти и суверенности[151]. Так же высказывались и отечественные ученые Н. А. Косолапов[152] и М. Н. Марченко[153]. Е. Г. Пономарева и Г. А. Рудов различали «суверенитет факта» и «суверенитет признания»[154]. Российский исследователь Е. С. Кузнецова пишет, что «основу суверенитета составляют отсутствие внешнего по отношению к государственному аппарату органа власти, обладающего законодательными

---

[148] Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М., 2016. С. 60

[149] Строева А.С. Международно-правовое признание Косово. М., 2014. С. 85.

[150] Кокошин А.А. Указ. соч. С. 63.

[151] Левин И.Д. Указ соч. С. 79.

[152] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 41.

[153] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 168–169.

[154] Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Указ. соч. С. 56.

или контролирующими полномочиями, право государства на применение силы и его статус законодателя, и, наконец, иммунитет от нелегитимного, то есть предпринимаемого в обход международного права, вмешательства других субъектов международной политики во внутренние дела государства»[155]. Отечественный политолог М. В. Ноженко определяет суверенитет как «верховенство государства в пределах собственных границ (внутренний суверенитет) и самостоятельность в международных делах (внешний суверенитет)»[156]. О внутреннем и внешнем суверенитете пишут и исследователи Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев[157]. Известный отечественный ученый М. Н. Марченко отмечает, что суверенитет обозначает верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене. Верховенство, в свою очередь, проявляется в способности государственной власти (имеющей непререкаемый приоритет перед другими социальными властями, существующими в государстве[158]) самостоятельно издавать общеобязательные для всех членов общества правила поведения, устанавливать и обеспечивать единый правопорядок, определять права и обязанности граждан и организаций[159]. Независимость же государства трактуется как его полная самостоятельность в решении своих не только внутренних, но и внешних проблем, в формировании и осуществлении внешней политики государства, в установлении и развитии на равноправной основе отношений с другими суверенными государствами[160]. В коллективной работе отечественных ученых «Международное право» суверенитет определяется как верховенство государства в пределах своей территории и независимость за ее пределами и отмечается, что данный

---

155 Кузнецова Е.С. Ускользающий суверенитет: статус–кво против идеологии перемен. М., 2013. С. 15.

156 Ноженко М.В. Указ. соч. С. 16.

157 Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Указ. соч. С. 118–119.

158 Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 455.

159 Там же. С. 168.

160 Там же. С. 456.

принцип не является абсолютным (ограничен международным правом). При этом указывается, что суверенитет – это свойство государства, при отсутствии которого оно теряет не только международную правосубъектность, но и государственность. Государство может утратить свой суверенитет в случае распада на несколько новых государств, вхождения в состав другого государства или путем объединения с другим государством[161]. Таким образом, некоторое ограничение допускается, но незначительное и «авторитет» суверенитета видится непререкаемым. Отечественный ученый С. В. Каламанова (подобно М. Н. Марченко, Ю. А. Дмитриеву, Ш. Б. Магомедову, А. Г. Пономаревой) также рассматривает суверенитет с юридической точки зрения и считает, что суверенитет предполагает лишь формально–юридическую возможность обладать суверенными правами, т.е. суверенные права не составляют суверенитета, но предполагаются им и из него вытекают[162]. Она также считает суверенитет неделимым и не отчуждаемым, выделяя два его основных неразрывных признака: верховенство и независимость[163].

В то время как многие зарубежные авторы часто говорили об относительной независимости государства или называли термин суверенитета устаревшим, отечественные ученые утверждали, что только независимое государство способно отстаивать интересы населения, проживающего на его территории. С этим был согласен И. Д. Левин, который отмечал, что государство, обладающее лишь внутренним или внешним суверенитетом, не может именоваться суверенным государством, а «лишь протекторатом или конфедерацией»[164]. Исключительную важность независимости для государственного суверенитета отстаивает в своей работе и Р. А. Сетов, говоря о «полном суверенитете», который означает, что суверенное государство «формально и фактически независимо от воли других

---

[161] Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 125–126.

[162] Каламанова С.В. Указ. соч. С. 39.

[163] Там же. С. 47–50.

[164] Левин И.Д. Указ. соч. С. 112.

государств в осуществлении своих как внешних, так и внутренних функций»[165].

Однако независимость не означает, что суверенитет не может быть несколько ограничен. И если в американском экспертном сообществе это ограничение признается, то в отечественной науке далеко не все согласны с такой точкой зрения. Например, А. А. Моисеев пишет, что «невозможно ограничить качество суверенитета государства без нарушения самого международного права»[166], ведь суверенные права государства – это есть его государственные права. Отечественный ученый П. П. Кремнев также пишет о том, что суверенитет как юридическая категория это «неотъемлемое, неотчуждаемое качество, он един и не может быть ограниченным, делимым, совмещенным, потенциальным и т.д.»[167]. С другой стороны, в частности, И. Д. Левин придерживался мнения, что «границы суверенитета существовали всегда»[168], отмечая, что «развитие международного права приводит и к некоторому правовому ограничению суверенитета»[169]. С этим согласен и В. И. Кузнецов, утверждая, что «суверенитет не означает полной независимости государств»[170]. В том же духе высказывается и Р. А. Сетов, допускающий ограничение суверенитета, говоря о наличии у государства либо полного, либо частичного суверенитета[171]. Автор также пишет, что частичное ограничение может быть не только принудительным, но и добровольным, например, при вступлении государства в федерацию с передачей части прав федеративным органам или в военно-политический союз, как правило, для достижения определенных общих целей[172].

---

[165] Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. М., 2010. С. 76–77.

[166] Моисеев А.А. Указ. соч. С. 64.

[167] Кремнев П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. М., 2005. С. 164.

[168] Левин И.Д. Указ. соч. С. 15.

[169] Там же. С. 143.

[170] Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы // Отв. ред. Б.М. Клименко. М., 1990. С. 132.

[171] Сетов Р.А. Указ. соч. С. 76.

[172] Там же.

Е. С. Кузнецова также допускает подобное ограничение суверенитета[173], называя его «переходом части суверенных функций государства к внешнему агенту, каковым может быть правительство другой страны (или стран) или наднациональный орган власти, наделенный самостоятельностью в принятии решений в установленных границах полномочий и/или имеющий в своем распоряжении механизмы контроля за соблюдением принятых в ходе интеграционного процесса обязательств»[174]. В итоге автор приходит к выводу, что «классический суверенитет перестает быть надежным «маяком» в хаотическом море международной политики», добавляя, что если «мир XXI века и станет миром управляемым и предсказуемым, то этот мир будет основан на четкой и последовательной доктрине ограничения суверенитета»[175]. Взвешенную позицию в вопросе ограничения суверенитета занимал С. В. Черниченко, который справедливо заметил, что «не может быть ни абсолютного верховенства, ни абсолютной независимости, особенно в современных условиях, при интенсивном росте взаимозависимости государств»[176].

В результате в отечественной науке можно наблюдать известную долю преемственности в отношении понимания и определения суверенитета. Тем не менее с течением времени определения приобрели более комплексный характер. Ответом на процессы, ограничивающие суверенитет, стало принятие возможности этого ограничения, однако, отмечалось, что «полный суверенитет», «суверенитет факта» или «реальный суверенитет» этих ограничений в известной степени лишен. Суверенитет в конечном счете по-прежнему видится важнейшим принципом, сохраняющим свои основополагающие характеристики, а теории о «разделенном» суверенитете, популярные в американской науке, – как рассуждения о его отсутствии.

---

[173] Кузнецова Е.С. Указ. соч. С. 19.

[174] Там же. С. 73.

[175] Там же. С. 229, 233.

[176] Черниченко С.В. Указ. соч., 1999. С. 12–13.

Среди работ зарубежных ученых можно выделить труды Ф. Хинсли «Суверенитет»[177], Джексона Р. «Квазигосударства: Суверенитет, международные отношения и Третий мир»[178], Ф. Фукуямы «Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке»[179], Аб. Чайеса и Ант. Чайес «Новый суверенитет: его соответствие международным нормативным соглашениям»[180], Х. Ханнума «Автономия, суверенитет и самоопределение. Согласование конфликтующих прав»[181], Дж. Бартелсона «Генеалогия суверенитета»[182], А. Вендта «Социальная теория международной политики»[183], М. Китинга «Многонациональная демократия: нации без государства в пост–суверенную эру»[184] и ряд других. Важной работой, посвященной изучению суверенитета, является книга профессора Стэнфордского университета и главы отдела по планированию политики в Государственном департаменте США в 2005 – 2007 гг. Стивена Д. Краснера «Суверенитет. Организованное лицемерие»[185], изданная в Принстоне в 1999 г. Автор, выделяя четыре сущности суверенитета, писал о том, что государство может владеть лишь некоторыми из них[186]. С. Краснер в своей книге фокусируется в большей степени лишь на одной сущности, а именно на «вестфальском суверенитете», который сводится к недопущению посягательства на внутренние дела государства. Отдавая дань принципу суверенитета, С. Краснер все же говорит о его неизбежном исчезновении из

---

177 Hinsley F.H. Sovereignty. Cambridge, 1986.

178 Jackson R. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the Third World. Cambridge, 1990.

179 Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

180 Chayes Ab., Chayes Ant. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. London, 1995.

181 Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1990.

182 Bartelson J. Op. cit.

183 Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

184 Keating M. Plurinational Democracy: Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era. N.Y., 2002.

185 Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999.

186 Ibid. P. 4.

правового поля. В то же время причины кризиса суверенитета по С. Краснеру достаточно логичны: это транснациональные корпорации, процесс интеграции, интернет и ряд других. Приводя в пример Евросоюз, автор утверждает о неизбежности некоторой «десуверенизации», которая, правда, возможна не для всех государств.

Стоит также отдельно выделить сборник статей, освещающий конфликт суверенитета государства и гуманитарного права, гуманитарных интервенций, – «Гуманитарная интервенция: этические, правовые и политические дилеммы» под редакцией Дж. Холзгрефе и Р. Кеохейна[187]. Авторы анализируют этические, правовые и политические условия, при которых может быть оправдано гуманитарное вмешательство, раскрывая в то же время опасность его использования. Несмотря на то что ряд авторов поддерживает гуманитарные интервенции, указывая на ряд принципов, по которым они должны осуществляться, они отмечают возможность существования злоупотреблений подобными доктринами со стороны могущественных государств. Принцип же суверенитета – естественная защита от подобных проявлений. Символом непростого компромисса между защитой суверенитета и необходимостью гуманитарных операций видится вмешательство в ситуацию в Косове. В заключительной части сборника (посвященной политическим аспектам гуманитарных интервенций) Р. Кеохейн пишет, что суверенитет может быть разделен, поскольку в таком случае будет удобнее защищать внутренний аспект суверенитета (укрепляя институты самоуправления) и станет возможным отказаться от внешнего аспекта, так как международное участие видится фактором, способствующим росту стабильности. Сборник интересен тем, что в нем представлены различные, причем иногда противоположные, мнения известных ученых о гуманитарных интервенциях, рассматриваются всевозможные сценарии развития этой проблемы и изучены разные сюжеты гуманитарных операций.

---

[187] Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003.

Более категоричной и «однoплановой» является монография коллектива авторов Денг Ф., Кимаро С., Лионс Т., Ротшильд Д., Хартман В. «Суверенитет как ответственность: управление конфликтами в Африке»[188]. Авторы на вопрос о том, должно ли в условиях нового мирового порядка международное сообщество придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела государства, если ситуация не угрожает международному миру и безопасности, дают отрицательный ответ. В книге отстаивается мнение о том, что суверенитет – это ответственность за выполнение «общественного договора», в котором легитимность проистекает из усилий по содействию улучшения благосостояния и соблюдению прав граждан. Страны, которые не в состоянии нести эту ответственность, обязаны принять право других государств или международных организаций вмешиваться в конфликтные ситуации. В оправдание приводятся примеры разного рода кризисных ситуаций в Африке. Информация же подобрана таким образом, чтобы читающий согласился со мнением о необходимости превращения суверенитета в условное понятие, что помимо прочего не позволяет относиться к точке зрения, изложенной в этой работе, без известной доли критичности. Однако невозможно отрицать ценность данного труда для формирования понимания концепции превращения суверенитета в принцип, налагающий ответственность, концепции, получившей серьезное развитие в 1990-х – начале 2000-х гг.

Следует также отдельно упомянуть монографии, посвященные процессу глобализации, а также анализирующие его влияние на суверенитет. Это, например, труды С. Сассен[189]; Р. Холтона[190]; Дж. Грея[191] и ряда других. Кратко заметим, что отечественные авторы также изучали эту проблему. В частности ученый И. И. Антонович, отмечая, что глобализация

---

188 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Sovereignty as Responsibility: Conflict management in Africa. Washington, D.C., 1996.

189 Sassen S. Op. cit.

190 Holton R.J. Globalization and the Nation-State. N.Y., 1998.

191 Gray J. False dawn: The delusions of Global Capitalism. N.Y., 1998.

подразумевает собой совокупность всеохватных процессов, регулирующих материальное производство, распределение, потребление и социальное поведение во всех странах мира[192], пишет, что глобализация – это прежде всего денационализация, предполагающая эрозию или заметное ослабление национально-государственных институтов[193]. С фактом о том, что процесс глобализации «размывает» государственный суверенитет солидарен и отечественный исследователь М. Лебедева[194]. Профессор А. И. Уткин ищет плюсы в развитии глобализации, полагая, что за утрату суверенитета своих правительств отдельные сегменты общества получат возможность совершить материальный скачок вперед и ни одна сфера человеческой деятельность не избежит в той или иной степени влияния глобализации. Таким образом, вследствие глобализации наступит фаза ускоренного экономического роста, которая в 2050 – 2080 гг. доведет общемировую консолидацию до уровня мировой федерализации[195]. О неизбежности ограничения суверенитета пишет и Е. Г. Пономарева, утверждая, что «несмотря на всевозможные трансформации, конфликты и войны суверенитет государства оставался до конца XX в. основным условием, императивом сохранения мирового порядка». В то же время, по ее словам, уже с конца 1940-х гг. «суверенитет постепенно стал утрачивать свою политическую сущность, а к концу века стал, прежде всего, синонимом территориального государства, вне зависимости от степени его реальной автономии»[196]. Ученый Л. Е. Гринин пишет, что сокращение объема суверенных прерогатив в связи с глобализацией ведет как к позитивным, так и к негативным последствиям. Например, большая открытость границ не только обеспечивает рост торговли, но и способствует распространению терроризма и облегчает наркотрафик. И при этом баланс плюсов и минусов выглядит различным для

---

[192] Антонович И.И. Глобальная цивилизация и ассиметричный мир. М., 2002. С. 3.

[193] Там же. С. 21.

[194] Лебедева М.М. Указ. соч. С. 13.

[195] Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 69.

[196] Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Указ. соч. С. 54.

разных стран и регионов[197]. Наименее ограниченный же суверенитет остается у стран идеологически или экономически закрытых (Китай, Северная Корея, Саудовская Аравия), хотя и у них объем неограниченных прерогатив сокращается, в то время как в развитых странах тенденция к делегированию части своего суверенитета наднациональным структурам проявляется достаточно четко. Некоторое исключение могут составлять только США, которые открыто ставят свои национальные интересы выше мировых, не обращая особого внимания порой на международное право. Л. Е. Гринин отмечает, что глобализация имеет двойственный эффект. С одной стороны, она приводит к уменьшению объема суверенных полномочий, с другой – бурному росту национализма и стремлению даже немногочисленных народов обрести собственное государство и суверенные права. Автор в связи с этим приходит к выводу, что национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы[198]. М. М. Лебедева также замечает усиление попыток укрепления суверенитета молодыми странами в ответ на процесс глобализации и пишет, что новообразованные государства стремятся укрепить свой суверенитет всеми доступными силами и ответом на вызов этому принципу со стороны, например, глобализации и международных организаций, является усиление власти, что нередко приводит к появлению авторитарных режимов, очагов нестабильности и напряженности[199]. Действительно, глобализация может иметь своим следствием не только усиление региональной интеграции, но и усиление в некоторых странах и среди некоторых народов, особенно малых и немногочисленных, национализма, патриотизма, фундаментализма как обращения к истокам культуры и религий[200].

---

[197] Гринин Л.Е. Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М., 2008. С. 113.

[198] Там же. С. 124.

[199] Лебедева М.М. Указ. соч. С. 14.

[200] Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Глобализация и развитие человека // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002. С. 25.

Отдельно необходимо выделить монографии, посвященные изучению истории международных отношений на рубеже XX – XXI вв. и внешней политики Соединенных Штатов в частности. Эти труды помогли оценить взаимосвязь развернувшейся дискуссии о суверенитете с комплексом внешнеполитических событий и инициатив в изучаемый период. Это прежде всего работы «Современная мировая политика: прикладной анализ» под редакцией А. Д. Богатурова[201], «Россия и США в новом мировом порядке» за авторством Т. А. Шаклеиной[202], «Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия» под редакцией М. М. Лебедевой[203], Н. П. Подгорнова «Проблема Западной Сахары. Миф и реальность»[204], В. О. Печатнов и А. С. Маныкин «История внешней политики США»[205], «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков» авторов Е. Г. Пономаревой и Г. А. Рудова[206], «ООН и современные международные отношения» под ред. Г. П. Жукова[207], Р. Купер «Разрушение государств. Порядок и хаос в двадцать первом веке»[208], Х. Холм и Г. Соренсен «Чей мировой порядок? Неравномерная глобализация и конец Холодной войны»[209], Р. Хаас «Интервенция. Использование американской военной силы в период после окончания Холодной войны»[210], Н. Хомский «Государства-изгои. Право сильного в мировой политике»[211], Д. Райк «Государственность и

---

[201] Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010.

[202] Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М., 2002.

[203] Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2000.

[204] Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность. М., 2013.

[205] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М., 2012.

[206] Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Указ. соч.

[207] ООН и современные международные отношения. Указ. соч.

[208] Cooper R. Op. cit.

[209] Holm H., Sorensen G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of Cold War. Boulder, 1995.

[210] Haas R. Op. cit., 1994.

[211] Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М., 2003.

право на самоопределение»[212], А. Слоутер «Новый мировой порядок»[213] и другие.

Среди прочих также можно выделить монографию «Норма против силы. Проблема мироурегулирования» за авторством Ю. П. Давыдова. Книга, изданная в 2002 г., является примером работы, в которой поднимаются проблемы взаимодействия права и реальной политики. Нужно в первую очередь выделить крайне удачную структуру книги, в которой автор, начиная с краткого раскрытия понятия и феномена международного права как такового, продолжает анализом роли ООН в современном мире и месте Устава организации в праве, а заканчивает исследованием соотношения правовых норм и практических действий государств мира. Несмотря на спорную позицию автора по вопросу о необходимости в современном мире Организации Объединенных Наций, Ю. П. Давыдов показывает, как соблюдается принцип невмешательства и особенно право наций на самоопределение в политике великих держав. Отдельно поднимается вопрос о понятии силы в международных отношениях и проблемы мироурегулирования. В результате анализа автор приходит к выводу о доминировании силовой системы международных отношений. Он также заключает, что суверенная воля отдельных государств в настоящее время на практике стоит выше, по сути, любой нормы права. Ю. П. Давыдов привлекает большой массив литературы и приводит несовпадающие точки зрения отечественных и зарубежных экспертов, давая читателю возможность самому сделать выводы. Автор говорит о существующих перспективах сохранения принципа суверенитета в реальной политике, однако данной монографии явно не хватает как такового анализа этого принципа.

Наконец, важнейшую группу составляют статьи (за исключением тех, которые по обозначенной причине являются для настоящей работы источниками) в периодических изданиях, в частности в специализированном журнале «Международные процессы». В редакционную коллегию журнала

---

[212] Raic D. Statehood and the Law of Self-determination. Boston, 2002.

[213] Slaughter A.M. A New World Order. Princeton, 2004.

входят ученые из разных стран, занимающиеся проблематикой международных отношений. Главная ценность статей, как исследуемых в настоящей работе[214], так и в целом, – в их исключительной актуальности и узконаправленной тематике, что позволяет изучить мнение ряда ведущих политологов и историков, а также проследить тенденции в развитии мысли по интересующим вопросам. Это характерно и для других журналов внешнеполитической направленности, в частности американских[215].

После анализа научной литературы можно говорить о том, что существует множество исследований, где так или иначе затрагивается тема суверенитета, его различные аспекты и дефиниции. Использованная литература (хотя и в меньшей степени, чем источники) в силу того, что либо является частью пласта работ, вышедших в изучаемый период, либо опирается на них, также позволяет проследить некоторые тенденции в изменении понимания принципа суверенитета в 1990-е – начале 2000-х гг. Особенно полезна литература для анализа того, как состояние международных отношений, сложившееся на рубеже веков, влияло на внешнеполитическую мысль о суверенитете. Несмотря на то что существует ряд исследований по истории развития принципа суверенитета[216] или влияния на него современных процессов (как правило, подобные работы изучают прежде всего влияние глобализации на многие сферы жизнедеятельности, в том числе и на искомый принцип)[217], на данном этапе в отечественной науке не существует специализированного, всеобъемлющего

---

[214] См., напр.: Бартенев В.И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. – М., 2009. – Т. 7, №1(19). – С. 84–92; Большаков А.Г. Указ. соч.; Кузнецова Е.С. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. – М., 2006. – Т.4. – №2(11). – С. 90–99.

[215] См., напр.: Keating J. How does the U.S. decide which governments to recognize // Foreign policy. – April, 2010. URL: http://foreignpolicy.com/2010/04/13/how-does-the-u-s-decide-which-governments-to-recognize/ (дата обращения: 02.12.2019); Krasner S. Who Gets a State, and Why? // Foreign affairs. – March, 2009. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-03-30/who-gets-state-and-why (дата обращения: 02.12.2019).

[216] См., напр.: Моисеев А.А. Указ. соч.; Левин И.Д. Указ. соч.; Кокошин А.А. Указ. соч.; Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. М., 2013.

[217] См., напр.: Sassen S. Op. cit; Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М., 2008; MacCormick N. Questioning Sovereignty. Cambridge, 2009; Каламанова С.В. Указ. соч.

труда по эволюции взглядов на суверенитет в изучаемый период, учитывающего многочисленные политические изменения, наблюдавшиеся в мире. Более того, нет работы, полноценно исследующей принцип суверенитета во внешнеполитической мысли (как научного сообщества, так и политического истеблишмента) в США в конце XX – начале XXI в. Следовательно, изучение поставленной проблемы остается достаточно актуальным, как и анализ природы суверенитета, аспектов современного мира, его ограничивающих, и его места в международно-правовых документах.

Глава I. Суверенитет государства в новейшей истории

§1. Основные позиции в трактовке суверенитета государства к концу XX века: согласие и полемика в научном мире[218]

На протяжении исторического развития множество мыслителей разных стран вносили посильный вклад в формирование концепции суверенитета, чтобы она приобрела такой смысл и вид, какой имеет в настоящее время. Прежде чем переходить непосредственно к изучению проблемы определения суверенитета в американской науке на рубеже XX – XXI вв., следует кратко проследить основные вехи в истории «становления» принципа суверенитета, поскольку, как еще в начале XX в. сказал немецкий юрист Г. Еллинек, «для выяснения содержания суверенитета более чем для других понятий права необходимо исследовать его историческое развитие»[219]. Хочется отметить, что Г. Еллинек видел суверенитет, как способность государства к исключительному правовому самоопределению. Автор считал, что суверенная власть – это власть, не знающая над собой никакой другой высшей власти, является тем самым независимой и верховной властью[220]. Мнение о необходимости изучения данного принципа в историческом контексте для его полноценного понимания в настоящем разделяет и профессор МГУ им. М. В. Ломоносова М. Н. Марченко[221].

История суверенитета – это в первую очередь история возникновения и политико–юридического оформления абсолютизма, сменившего феодальную раздробленность. Активное развитие понятия суверенитета шло параллельно со становлением государства современного типа (1250 – 1350 гг.) и

---

[218] В основе параграфа лежит материал двух научных статей: Катков А.Д. Понятие суверенитета в международно–политических исследованиях в США на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – №3. – С. 92–127; Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. – 2019. – №3(17). – С. 1–14.

[219] Еллинек Г. Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 317.

[220] Там же. С. 346–363.

[221] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 467.

одновременно с концентрацией власти в руках суверена[222]. В связи с этим понятие суверенитет достаточно долгое время было связано с сувереном, монархом, над которым не было другой власти, которая могла бы препятствовать осуществлению его воли. В Средние века, где господствовало теологическое мышление, суверенитет расценивался как делегированная от Бога человеку власть над определенной территорией, где существовало много центров принятия решения, от вассалов короля до церкви[223], а в период абсолютизма суть представлений о суверенитете очень точно определяет фраза, которую приписывают Людовику XIV: «государство – это я». Таким образом, различие в понимании суверенной власти в Средневековье и в Новом времени в том, что правитель Средневековья фактически был свободен лишь в принятии судебных решений, так как во внутренних делах он был связан обязательствами перед вассалами, а во внешнеполитических – могуществом церкви. В Новом же времени король был не только судьей, но и законодателем и создателем политических и юридических норм. Следовательно, можно говорить о том, что с течением времени поменялась сама суть власти, а с ней и суверенитет. Позднее суверенитет стал во многом обозначать контроль государя над территорией страны, что закреплено в Вестфальском договоре 1648 г., подписание которого ознаменовало завершение Тридцатилетней войны.

Развитие суверенитета в современном виде берет начало с Аугсбурского соглашения, заключенного между императором Священной Римской империи Карлом V и лютеранскими князьями, где было прописано право невмешательства в духовные дела сюзеренов. Наконец, Вестфальский мирный договор 1648 г. стал важнейшим рубежом, первым шагом к изменениям в международных отношениях. По Вестфальскому миру германские князья получили полные и неотчуждаемые права над контролируемыми ими территориями, независимость и от светской, и от церковной власти. В результате появилось около 300 новых участников

---

[222] Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000. С. 862.

[223] Демократия и суверенитет. Многообразие исторического опыта. Указ. соч. С. 138.

международных отношений, а международное право стало неотъемлемым атрибутом в отношениях между государствами. Так, американский ученый Ч. Тилли писал: «Вестфальский мир в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями»[224]. Другой американский автор К. Иглтон утверждал, что после Вестфальского мирного договора ни одно государство более не было полностью независимым[225]. Государства становятся относительно независимыми, ограничивая часть своего суверенитета, поскольку их национальное право оказывается в подчиненном положении по отношению к международному.

Сформулировал же концепцию суверенитета именно как политический принцип известный французский мыслитель Жан Боден в XVI в. В работе «О Республике» (De La Republique), написанной в период ожесточенных религиозных войн во Франции, Ж. Боден хотел представить суверенную власть государя неограниченной и свободной от права[226]. Важно, что Ж. Боден уже тогда выделял независимость государства вовне как одну из главнейших функций суверенитета, утверждая, что суверенитет неделим как функционально, так и территориально. Французский мыслитель также разрабатывал необходимые суверенной власти признаки, а именно неограниченность власти (власть должна охватывать всю страну и всех подданных государства), неделимость, монополия на господство (обладание всей полнотой властных полномочий), постоянство и беспрерывность, независимость (отсутствие какой бы то ни было более высшей власти)[227]. Ж. Боден дал классическое понимание суверенитета и заложил, по сути, фундамент на все последующие века.

---

[224] Цит. по: Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. М., 2012. С. 12.

[225] Eagleton C. Op. Cit. P. 25.

[226] Bodin J. On sovereignty: Four Chapters from Six Books of the Commonwealth. Cambridge, 1992. P. 124–125.

[227] Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Пономарев А.Г. Указ. соч. С. 8.

Со временем происходит эволюция мысли о суверенитете, которая иллюстрирует постепенную конкретизацию его функций, а порой и «сужение» понимания самого принципа и отход от его «абсолютности». Эту проблему в своих трудах поднимали Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо, Г. Гегель, Г. Гроций, К. Маркс и многие другие.

На рубеже XIX – XX вв. суверенитет трактовался как «абсолютное право государства решать все внутренние вопросы независимо от воли других и вступать с другими государствами во всевозможные соглашения». Говорилось о том, что «международное общение возможно только при взаимном признании государственного суверенитета»[228]. В этот же период возникает и понятие несуверенных или полусуверенных государств, монархии которых обладают властью внутри государства, но являются вассалами другого государства и могут получить свои полномочия только после утверждения их кандидатуры в государстве-патроне. Суверенитет все чаще понимался как высшая, но не исключительная государственная сила, принимающая решения. Так, немецкий философ и политический теоретик К. Шмитт уже в начале XX в. писал, что суверен это тот, кто принимает решение о введении чрезвычайного положения[229]. В это время учение о суверенитете связано в первую очередь с широким распространением теории правового государства, утверждавшей, что современное государство в отличие от государств предшествующих эпох основано не на силе, а на праве, все изменения в обществе должны происходить на основе права и его объективные нормы стоят над государственной властью. Суверенитет стал пониматься как некое свойство или способность государственной власти. Этой проблемой занимались Г. Еллинек, В. Уиллоуби, М. Краббе, Г. Кельзен, М. Вебер и другие. Однако несколько позже (в 1920-е гг.) появляется концепция К. Шмитта о «децизионистской доктрине» суверенитета, согласно которой государство, будучи источником права, не должно быть связано им.

---

[228] Кокошин А.А. Указ соч. С. 54.

[229] Мусихин Г.И. Суверенитет, монархия и революция: история становления и взаимоотношения понятий // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина и И.В. Кудряшовой. М., 2008. С. 46–47.

Государство вправе, установив нормы, не только нарушить их, но и изменить, поскольку только так может быть достигнуто верховенство, независимость и самостоятельность – суверенитет. Речь в данном случае идет не о систематическом применении насилия, а о том, что государство всегда имеет способность и возможность применить насилие в случае крайней необходимости.

На рубеже же XX – XXI вв. научное сообщество продолжало с не меньшим интересом и активностью рассматривать принцип суверенитета, понимая, что суверенитет прошел наивысшую стадию своего развития, отмеченную абсолютизацией независимости, заложенной в суверенитете. Поэтому одной из основных тем изучения в данной сфере становится проблема ограничения суверенитета. Это обусловлено прежде всего новыми вызовами, с которыми сталкивается государство на пороге нового тысячелетия: глобализация, роль международных организаций, транснациональные компании, развитие гуманитарного права.

В результате ряд американских авторов предложили следующую классификацию стадий развития суверенитета: так называемый вестфальский суверенитет (начавшийся с подписания Вестфальского договора), когда суверен был абсолютно независим как внутри страны, так и вовне; период эрозии суверенитета (берущий свое начало с конца Второй мировой войны), связанный с развитием демократических ценностей, прав человека, международных организаций; третий период связан с концом холодной войны (дальнейшее утверждение прав человека и «реактивное утверждение суверенитета государствами, желающими скрыть свою внутреннюю политику от наблюдения со стороны международного сообщества»); современный период – попытка объединить понятие суверенитета с ответственностью государств[230].

Хочется отметить, что различные мнения и споры по поводу ограничения суверенитета существовали еще в начале – середине XX в.

---

[230] Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 2.

Например, Г. Кельзен считал, что суверенитет может быть ограничен только международным правом. Позже, в 1950-е гг., Г. Кельзен выступал за создание такой системы безопасности в мире, которая предполагала бы «отмирание» суверенитета[231]. В то же время американский юрист В. Уиллоуби считал, что суверенные государства могут вступать в соглашения по моральным или политическим, но не юридическим мотивам. Похожую позицию занимал и Г. Геллер, утверждавший, что суверенная власть выше всякого права, как национального, так и международного, в том числе благодаря тому, что за государством остается право отказаться от заключенного им договора[232]. Эта позиция во многом абсолютизирует суверенитет и перекликается с теорией неограниченного суверенитета, существовавшей во времена Т. Гоббса.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что принцип суверенитета был ответом на вызов времени, реакцией на раздробленность, на властолюбие и амбиции князей, баронов, церкви и королей. Так, профессор международных отношений Стэнфордского университета С. Краснер писал, что Ж. Боден и Т. Гоббс, признавая существование божественного и естественного права, верили, что именно слово суверена является законом, что, по их мнению, должно способствовать установлению стабильности и порядка, без которых невозможна справедливость[233]. Очевидно, что мир кардинально изменился с того времени и принцип суверенитета видоизменился вместе с ним. Важно подчеркнуть, что суверенитет необходим современному миру, он предохраняет от анархии, и суверенитет будет существовать постольку, поскольку существуют государства. Однако большинство авторов признавали, что суверенитет более не является тем принципом, каким он был в XVI в. и не может более означать исключительную или абсолютную независимость на международной арене.

---

231 Kelsen H. Collective Security under International Law. Washington, D.C., 1957. P. 45–46.

232 Ушаков Н.А. Указ. соч. С. 71–72.

233 Krasner S.D. Sovereignty // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 21. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

Внутренний аспект суверенитета страны могут и должны осуществлять более независимо, чем внешний, но и он в силу хотя бы подчинения внутренних законов международным (например, подчинение международным судам или уважение права на самоопределение) не является абсолютным. Важно отметить, что все ограничения, принимаемые государством, сами по себе проявления суверенности страны.

Но как же определяли суверенитет в американской внешнеполитической мысли на рубеже XX – XXI веков? В изучаемый период отсутствовало универсальное понимание суверенитета, которое было бы принято всеми специалистами в этой области. Такая ситуация во многом сложилась из-за того, что из всех юридических принципов, суверенитет является наиболее политизированным. Характерны в связи с этим слова В. М. Гессена, написанные им в начале XX в. о том, что учение о суверенитете «до тех пор будет представлять из себя непроходимый лабиринт бесчисленных контроверз и недоразумений, пока терминология в этой области не будет установлена на прочных и непоколебимых основах»[234].

Прежде всего следует отметить, что в Соединенных Штатах вопросы, связанные с суверенитетом государства, волнуют ученых и государственных деятелей уже не один десяток лет. На примере анализа архива журнала «Форин афферс» (на страницах которого печатаются ведущие эксперты страны в области теории и истории международных отношений) возможно сделать общий вывод об интересе американских авторов к суверенитету в целом. Следует констатировать, что тема суверенитета занимала умы американских ученых на протяжении всего XX в., оставаясь одинаково актуальной (приблизительно 20 – 40 работ в год, затрагивающих в той или иной степени вопрос суверенитета). Неуклонный рост (незначительно прерывавшийся только в 1993 и 2007 гг.) интереса к изучаемой нами проблематике наблюдается начиная с 1990-х гг. вплоть до настоящего времени (50 – 80 работ в год в 1990-е гг. и пик в 2016 – 2017 г. – около

---

[234] Гессен В.М. Общее учение о государстве. Спб., 1912. С. 55.

213 исследований). Всего же с 1989 по 2000 г. было опубликовано не менее 326 работ, в той или иной степени посвященных суверенитету государства. В то время как за предыдущее десятилетие с 1978 по 1988 г. подобных работ было практически в два раза меньше – 179 и такое же количество было характерно для всех десятилетий до 1990-х гг. (1922 – 1933 гг. – 186 работ; 1934 – 1944 гг. – 138; 1945 – 1955 гг. – 172; 1956 – 1966 гг. – 160; 1967 – 1977 гг. – 158). После 1990-х гг., как уже было сказано, интерес к суверенитету оставался высоким и с 2001 по 2011 г. напечатано около 370 исследований подобного рода, а за неполное десятилетие с 2012 по 2020 г. таких работ уже насчитывается более 600. В другом известном профильном американском журнале «Форин полиси» прослеживается аналогичная динамика. Если с 1979 по 1989 г. на страницах журнала было опубликовано 89 статей, затрагивающих проблематику суверенитета, то с 1990 по 2000 г. таких работ уже 164. Безусловно, такой анализ не является в полной мере репрезентативным, однако путем экстраполирования этих данных на все американское научное сообщество и истеблишмент можно обрисовать общую картину интереса к тематике суверенитета, в частности не только количество ученых, занимающихся этой проблематикой, но и интерес редакции журналов, а следовательно и читателей, к этим вопросам. Таким образом, проблема суверенитета волнует англоязычных авторов все больше с 1989 г. (с прихода Дж. Буша-старшего и провозглашения им построения «нового мирового порядка»[235], распадом СССР и увеличивающимся числом региональных конфликтов), оставаясь актуальной и требующей дальнейшей разработки. С избранием президентом США Д. Трампа в 2016 г., выступавшего с предвыборным лозунгом «Сделаем Америку снова великой!» (Make America Great Again!), интерес в США к суверенитету государства, в том числе и к своему собственному, только обострился.

---

[235] Bush G. Address Before the 45th Session of the United Nations General Assembly in New York. 01.10.1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-45th-session-the-united-nations-general-assembly-new-york-new-york (дата обращения: 17.04.2019).

Но как эта динамика роста интереса к суверенитету связана с развитием международных отношений? Подобное усиление внимания к суверенитету, помимо обозначенных выше причин, вызвано новыми вызовами и угрозами, которые ставит постбиполярный мир. Так, государственный секретарь США при Дж. Буше-старшем Д. Бейкер в своих мемуарах писал, что при подготовке к переходу к «новому мировому порядку» правительство США осознавало необходимость начать проработку долгосрочных стратегий для решения появившихся проблем транснационального характера, которые не подпадали под традиционные категории вызовов внешнего мира: терроризм, наркоторговля, проблемы экологии и нераспространения оружия массового уничтожения[236]. Среди таких вызовов можно выделить также рост образования государств, в том числе появление ряда новых непризнанных стран, само существование которых обостряет международную обстановку в регионе. Ответом США на возникающие вызовы стала в том числе выработка концепции, выделявшей категорию так называемых «неудавшихся государств» (Failed States)[237]. Американский ученый Р. Ротберг писал, что «неудавшиеся государства» прежде всего имеют слабые институты власти, не способны контролировать свои границы, не могут обеспечить основные права человека, используют террор против собственного населения и так далее. К таким странам автор причислял Афганистан, Анголу, Бурунди, Либерию, Сьерра Леоне, Судан, Сомали и Демократическую Республику Конго[238]. В результате в 1990-е гг. Соединенные Штаты сталкиваются с новым типом конфликтов, который уже не включает прямое противостояние крупных держав, а, скорее, различного рода кризисы в регионах и странах мира, что актуализирует тему суверенитета. Под кризисом же следует понимать «фазу конфликта, которая характеризуется резким повышением интенсивности конфликтных действий со стороны одного или более

---

[236] Baker J.A. Op. cit. P. 46.

[237] Кокошин А.А. Указ. соч. С. 60.

[238] Rotberg R.I. Failed States in a World of Terror // Foreign affairs. – July/August, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-07-01/failed-states-world-terror (дата обращения: 30.11.2020).

участников и содержит в себе потенциал перевода конфликта в более опасную фазу и угрозу трансформации конфликтных отношений в конфронтацию, чреватую новыми кризисами и войной»[239].

Таким образом, западные, и в частности американские, авторы посвятили не одно десятилетие изучению суверенитета. Но как же они понимали это понятие в изучаемый период и существовало ли единое, всеми принятое определение суверенитета в американской литературе. К сожалению, термин суверенитет не получил общепризнанного определения ни в отечественной, ни в западной литературе и, принимая «базовые» свойства суверенитета (так, например, Г. Эванс и Дж. Ньюхэм в книге «Словарь международных отношений» понимают суверенитет как исключительную компетенцию во внутренних делах и самостоятельность во внешней политике[240]), большинство ученых вырабатывало собственную концепцию понимания всего комплекса вопросов, связанных с суверенитетом. Разделить же представленные определения можно по широте постановки проблемы и главным образом по отношению к основным свойствам суверенитета. Отметим, что для работ западных ученых в этот период характерна попытка переосмысления принципа суверенитета, сужение возможного круга его применения. Такое мнение озвучивалось и ранее. Например, американский автор К. Иглтон писал о суверенитете как о «сфере относительной внешней независимости и исключительной юрисдикции, зарезервированной за государством с согласия сообщества и ограниченной этим сообществом»[241]. Профессор Принстонского университета Р. Кеохейн – один из основоположников неолиберализма – считал, что суверенитет может быть делим и не является статичным, а главный ограничительный его фактор – глобализация. В то же время ученый замечал, что суверенитет – это важнейший институт, который, хоть и

---

[239] Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2005. С. 18.

[240] Evans G., Newnham J. Op. cit. P. 54.

[241] Eagleton C. Op. cit. P. 25–26.

подвержен эволюционным изменениям, продолжает обеспечивать порядок в отношениях между государствами[242]. Были ученые, занимающие несколько иную позицию, в частности американский политолог и основоположник теории неореализма К. Уолтц, который считал, что над государством не должно быть более высокой власти и государство суверенно лишь тогда, когда самостоятельно решает, как оно будет справляться с внутренними и внешними проблемами[243]. При этом, по мнению К. Уолтца, суверенитет не подразумевает возможность для государства действовать безрассудно и является в некоторой степени зависимым элементом от структуры международных отношений и его содержание определяется прежде всего местом государства в этой структуре[244]. Важнейшее значение суверенитета подчеркивал также бывший президент Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабер[245].

Однако, как уже было упомянуто в обзоре использованной литературы, именно в 1990-е гг. мнение о неизбежном ограничении суверенитета стало особенно популярно во всех течениях мысли, в том числе и в неореализме, который не мог не реагировать на современные процессы (кризис биполярной системы, глобализация, гуманитарные интервенции и т.д.). Ограничение прерогатив суверенитета наблюдается, по мнению большинства авторов, прежде всего во внешнем аспекте суверенитета. В этом огромное отличие отечественной традиции в этом вопросе от англоязычной.

Большинство западных авторов (представители неолиберального и постпозитивистского течений мысли) того периода, зачастую не отрицая важности суверенитета как такового, предприняли попытку уже в определении ограничить свойства искомого принципа, несколько смягчив его «абсолютность». Так, профессор Гарварда Д. Филпотт рассматривал

---

[242] Keohane R. Op. cit., 1984. P. 65–75.

[243] Waltz K. Op. cit. P. 96.

[244] Ibid. P. 90.

[245] Wildhaber L. Sovereignty and International Law // The structure and process of international law: essays in legal philosophy, doctrine and theory / Ed. by MacDonald R., Johnston D. Boston, 1983. P. 438.

суверенитет как наивысшую власть в пределах конкретной территории[246], не добавляя в свое определение, как видно, постулата о независимости на международной арене. Заслуженный профессор политологии Орхусского университета, представитель неолиберального течения мысли Г. Соренсен видел суверенитет как полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключающую подчинение правительствам иностранных государств, в том числе в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета[247]. Г. Соренсен также отмечал, что неизменность или изменчивость суверенитета зависят от того, к каким аспектам суверенитета обращаться. Суверенитет меняется, если говорить об изменении и развитии государственности, и остается неизменным, если рассуждать о независимости государства. Таким образом, суверенитет – это очень сложный феномен и правильно говорить об одновременных процессах его изменения и стабильного существования[248]. Более категоричную позицию занимал публицист, бывший спичрайтер президента США Дж. Кеннеди Т. Соренсен, отмечая, что традиционная концепция принципа суверенитета устарела в результате роста трансграничных неконтролируемых государствами потоков беженцев, денег, информации, торговли наркотиками и оружием и так далее[249]. В похожем ключе высказывался и профессор Тринити-колледжа Р. Холтон, который писал о том, что суверенитет никогда не был абсолютным и существовало постоянное несоответствие между идеями и реалиями политического суверенитета[250].

---

246 Philpott D. Westphalia, Authority, and International Society // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. P. 570.

247 Sorensen G. Op. cit. P. 590–604.

248 Sorensen G. Op. cit. P. 590–604.

249 Sorensen T. America's First Post-Cold War President // Foreign affairs. – Fall, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-09-01/americas-first-post-cold-war-president (дата обращения: 13.04.2018).

250 Holton R.J. Op. cit. P. 83.

Итак, как уже отмечалось, попытки изменить понимание суверенитета предпринимались очень часто. Профессор Университета Тафтса Х. Ханнум писал, что суверенитет, равно как и право на самоопределение, не является абсолютным правом, он ограничен не только правами других государств и бесчисленными политическими и экономическими связями между странами, но и «законным международным интересом к правам человека, окружающей среде и другими вопросами, ранее считавшимся исключительной юрисдикцией самого государства»[251]. Аналогично высказывался и редактор «Уолл-стрит джорнэл» (The Wall Street Journal) М. Бут, утверждая, что в настоящее время великие державы нарушают суверенитет других не ради аннексий или из соображений национальной безопасности, а по гуманитарным мотивам[252]. Близкие к постпозитивисткой школе (наиболее сильно подвергавшей ревизии принцип государственного суверенитета) бывший посол США при представительстве ООН в Женеве Г. Хельман и сотрудник Совета по международным отношениям С. Ратнер писали, что суверенитет – это нечеткое и аморфное понятие, призванное оградить государства от вмешательства извне и таким образом мешать защите прав человека, контролю за экологией, борьбе с наркотиками и т.п.[253]. Старший научный сотрудник Йельского университета, один из ведущих представителей современного левого течения общественной мысли И. Валлерстайн определял суверенитет как абсолютное полновластие государства и независимость от прямых или косвенных действий со стороны других стран внутри своих границ. Однако и Валлерстайн соглашался с общим трендом, замечая, что внутренний суверенитет государства никогда не был абсолютно полновластным в силу существующего сопротивления власти

---

[251] Hannum H. The Specter of Secession: Responding to Claims for Ethnic Self-Determination // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

[252] Boot M. Paving the Road to Hell: The Failure of U.N. Peacekeeping // Foreign affairs. – March/April, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2000-03-01/paving-road-hell-failure-un-peacekeeping (дата обращения: 05.04.2018).

[253] Helman G., Ratner S. Saving failed states // Foreign policy. – December 01, 1992. – P. 5–11. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

внутри стран. Внешний же суверенитет ограничивается вынужденной взаимозависимостью государств и международным правом. По его мнению, на протяжении всей истории существования государства и суверенитета одни страны были значительно сильнее других, потому навязывали им свою волю, это говорит о том, что абсолютного суверенитета в том или ином виде не существовало никогда[254].

Профессор Дж. Най также, размышляя об ограничении суверенитета, пришел к выводам, что суверенитет ограничивается как де-факто в результате проникновения сквозь национальные границы транснациональных сил, так и де-юре. Свидетельством этому служат санкции в ответ на режим апартеида в ЮАР, развитие Международного уголовного суда, бомбардировка Югославии из-за политики в Косове. Автор считал, однако, что ограничение суверенитета будет происходить постепенно, на протяжении десятилетий и даже столетий, и данный процесс довольно противоречив. Несмотря на то что «десуверенизация» способствует продвижению уважения прав человека, особенно в странах с репрессивными режимами, это явление одновременно ведет к значительной дестабилизации международных отношений. Суверенитет во многом противоречит праву наций на самоопределение и, отказавшись от суверенитета, мировое сообщество (в котором более 200 государств) может получить сотни народов, желающих образовать собственное государство, что приведет к очень трагичным и сложным последствиям[255]. Таким образом, Дж. Най не может до конца определиться в своем отношении к ограничению суверенитета.

Стоит также несколько подробнее остановиться на точке зрения представителя конструктивизма, профессора Чикагского университета А. Вендта, который, разделяя суверенитет на внешний (отсутствие другой, более сильной власти в отношениях с государствами) и внутренний (исключительная власть внутри государства), подобно Р. Кеохейну видел

---

[254] Wallerstein I. States? Sovereignty? The dilemmas of capitalists in an age of transition // States and Sovereignty in the Global Economy / Ed. by Smith D., Solinger D., Topik S. California, 1997.

[255] Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – July/August, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest (дата обращения: 30.11.2020).

суверенитет важнейшим фактором, обеспечивающим верховенство права в отношениях между государствами. Суверенитет – это институт, нормы которого принимаются государствами как должные и естественные, и который существует только в силу определенных межсубъективных договоренностей и ожиданий. Если же государства перестают действовать согласно этим нормам, их суверенность перестает существовать[256]. Государства уважают суверенитет друг друга добровольно, поскольку полагают, что таким путем достигается международная стабильность, а принуждение к соблюдению суверенитета возможно только в странах, желающих баланс разрушить. Таким образом, суверенитет, его взаимное признание, удерживают государства от агрессивной политики, нарушающей территориальные права друг друга. Автор прибегает к такому образному описанию: «Я не нарушаю интересы своих друзей не из-за возможных негативных или позитивных последствий подобных действий, а потому, что они мои друзья»[257]. Однако в изучаемый период в ситуациях с Сомали (1991 – 1994 гг.), Гаити (1994 г.), Югославией (1999 г.), Ираком (2003 г.) Соединенные Штаты вмешивались в ситуацию не потому, что эти страны переставали уважать суверенитет других государств и выступали таким образом в роли агрессора, а потому, что ситуация внутри их государств противоречила идеалам США или международного сообщества. В связи с этим А. Вендт указывал на рост влияния международных организаций, считая, что они постоянно выдвигают все новые и новые требования к тому, как должна быть устроена власть внутри государств. В этом А. Вендт видел снижающуюся роль не только внешнего аспекта суверенитета, но и серьезные предпосылки ограничения внутреннего. Государство остается включенным в международное сообщество и сохраняет свой суверенитет, только если соблюдает критерии, определяемые международными нормами и

---

256 Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – Spring, 1992. – Vol. 46. – No. 2. – P. 412–413.

257 Ibid. P. 415.

организациями[258]. Автор писал, что любая социальная система (в том числе и международное сообщество) в итоге противостоит своим членам, поощряя одно поведение и осуждая другое[259].

Профессор Гарвардского университета С. Хоффман считал, что суверенитет остается принципом обеспечения порядка, барьером против имперских и агрессивных замыслов. Однако сам суверенитет вступает в противоречие с либеральными ценностями, демократией, правом на самоопределение и с правами человека (которые зачастую не принимаются государством, ссылающимся на право на невмешательство), что порождает определенный хаос в международных отношениях. По мнению ученого, подобная ситуация рано или поздно приведет к ограничению суверенитета таким образом, что внешний аспект суверенитета полностью исчезнет, а внутренний будет разделен между частями государства. Это, в свою очередь, поспособствует помимо прочего еще и тому, что народы смогут воспользоваться правом на самоопределение с помощью международного сообщества, не обязательно в каждом отдельном случае образовывая новое государство и претендуя на свой суверенитет[260]. Однако в реальности данная концепция не принимается современными государствами, потому что только размывает само понятие государства и способствует некоторой анархии внутри стран, в то время как реальная власть может перейти к какому-либо наднациональному органу. Похожую позицию занимал и другой американский политолог – М. Уолцер, который считал, что суверенитет проистекает из права народов на самоопределение и потому воплощает в себе историю народа, а вмешательство во внутренние дела возможно, но только в виде ограниченной по времени и целям «справедливой войны»[261].

---

[258] Wendt A. Op. cit., 1999. P. 280–293.

[259] Wendt A. Op. cit. // International Organization. – Spring, 1992. – Vol. 46. – No. 2. – P. 411.

[260] Hoffman S. The crisis of liberal internationalism // Foreign policy. – March 01, 1995. – P. 168–170. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

[261] См.: Walzer M. Arguing about War. New Haven, 2004.

Однако не все авторы так скептически трактовали роль суверенитета в развитии международных отношений. В частности, другого мнения придерживались неореалисты. Так, почетный профессор Бостонского университета Р. Джексон определял суверенитет как юридическую идею и институт права, характерный для политического порядка, опирающегося на независимые государства и обеспеченного верховенством власти как внутри страны, так и во внешней политике. Р. Джексон писал, что именно на основе суверенитета в перспективе будет функционировать вся система международных отношений[262]. Из этого можно сделать вывод о том, что автор не разделял концепцию «отмирания» суверенитета в ближайшее время. Профессор отмечал, что суверенитет характеризует исключительно государственность, он связан с волей народа определенной оформленной территории и есть объективная реальность, предполагающая использование данного принципа в качестве основы государственно-правовых явлений[263]. Автор (это сближает его с неолибералами) полагал, что суверенитет периодически обновлялся, идя в русле исторических обстоятельств, но центральное понятие суверенитета – политическая независимость – осталось неизменным[264]. Такая точка зрения отлично иллюстрирует общий вектор понимания большинством неореалистов суверенитета в изучаемый период, допускающий определенные ограничения суверенитета в духе времени.

Следует отметить, что Р. Джексон не единственный отстаивал важность суверенитета. Ряд ученых (Ф. Хинсли[265], П. Данливи[266], Д. Бартелсон[267], Т. Зик[268], М. Дженис[269]) считали суверенитет идеей окончательной и

---

[262] Jackson R. Op. cit. // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 431–456.

[263] Ibidem.

[264] Ibidem.

[265] См.: Hinsley F.H. Op. cit.

[266] Dunleavy P. Introduction to politics. London, 1995. P. 7–8.

[267] Bartelson J. Op. cit. P. 14–17.

[268] Zick T. Are the States Sovereign? Virginia, 2005. P. 230.

[269] Janis M.W. An introduction to international law. N.Y., 2003. P. 186.

абсолютной власти в политическом сообществе, сущностной концепцией для понятия государственности в принципе. Так, Б. Мендельсон определял суверенитет как основополагающий принцип международного общества, источник порядка и считал, что отрицание принципа государственного суверенитета равнозначно отрицанию международного общества как такового[270].

Суверенитет, по мнению указанных авторов, важен не только потому, что обозначает монополию на власть, а также определяет роль и статус государств, их представителей, но и закрепляет равенство всех государств в мире, поскольку именно этот принцип способствовал оформлению идеи о том, что не существует более высшей власти, чем государство[271]. Значимость суверенитета в современном мире поддерживалась еще и тем, что во многих частях земного шара продолжаются ожесточенные споры о суверенном статусе различных территорий (спор Индии и Пакистана, Израиля и Палестины, Южной Осетии и Грузии, Молдавии и Приднестровья, России и Японии и т. п.).

Однако, как и Р. Джексон, большинство неореалистов не могли игнорировать такие явления современного мира, как глобализация и интеграция, и солидаризировались с общим трендом, отмечая не только исключительность этого принципа, но и одновременно его неизбежную трансформацию. По этой проблеме прослеживается их серьезное сближение с неолибералами. Научный сотрудник Гарвардского университета Д. Йоффе считал, что суверенитет в современном мире утратил актуальность, однако он согласен со С. Краснером[272] в том, что в настоящее время человечество не способно предложить другой, лучшей концепции, а значит миру нужен

---

[270] Mendelsohn B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. – 2005. – Vol. 31. – №1. – P. 61–67.

[271] Jackson J. Sovereignty-Modern: A new approach to an outdated concept // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 782.

[272] См. Krasner S.D. Op. cit., 1999.

принцип суверенитета[273]. При этом другой американский ученый А. Джеймс, определяя суверенитет как конституционную независимость, как власть, источником которой является конституция государства, считал, что суверенитет не обязательно должен выражаться в физической реальности (другими словами, для государства не обязательно обладать «реальным суверенитетом»), а достаточно, чтобы суверенитет выражался лишь в правовом поле (прослеживается влияние институционализма). Однако А. Джеймс согласен, в частности, с Ф. Хинсли в том, что суверенитет остается центральным понятием и организующим принципом в системе международных отношений[274]. Профессор Массачусетского университета Дж. Баркин и преподаватель Городского колледжа в Нью-Йорке Б. Кронин выделяли две разновидности суверенитета: государственный (заключается в нерушимости границ) и национальный (указывает на связь между властью и населением). Эти авторы также считали, что именно суверенитет призван обеспечить стабильность международной системы[275], указывали также на неизбежную трансформацию суверенитета во времени, отмечая, что эти изменения происходят в период значительных системных кризисов[276].

Существовал ряд ученых, которые наблюдая беспрецедентный кризис, которому подвергся суверенитет и слыша точки зрения некоторых ученых фактически о «десуверенизации», предпринимают попытку разделить свойства искомого принципа на несколько частей, чтобы он стал более «гибким» по отношению к новым вызовам. Это было призвано показать суверенитет как некий набор характеристик, некоторые из которых могут быть действительно ограничены, но при этом сам суверенитет сохранится (поскольку другие его качества останутся). В результате не будет подвергнут сомнению сам факт необходимости для государства и международной

---

273 Joffe J. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/1999-11-01/rethinking-nation-state-many-meanings-sovereignty (дата обращения: 30.11.2020).

274 Biersteker T., Weber C. State Sovereignty as Social Construct. Cambridge, 1996. P. 10.

275 Barkin J.S., Cronin B. The State and the Nation: Changing Norms and the Rules of Sovereignty in International Relations // International Organization. – 1994. – Vol. 48. – №1. – P. 108–110.

276 Ibid. P. 111–130.

системы суверенитета как такового. Эта теория получила заметную популярность в американской внешнеполитической мысли на рубеже веков среди всех течений мысли.

Профессор Стэнфордского университета С. Краснер, внесший значительный вклад в развитие понятия суверенитета, считал, что суверенитет главным образом означает автономность и независимость от других государств, а не верховную власть, поскольку власть внутри государства может быть организована по-разному[277] (например, федерация или конфедерация). С. Краснер выделял четыре вида суверенитета. «Внутренний суверенитет» (Domestic Sovereignty), в трактовке которого С. Краснер во многом следует за концепциями Ж. Бодена и Т. Гоббса, отличие заключается в том, что централизация власти происходит не столько в руках одного человека, сколько в праве народов на самоопределение, выборе структуры государства и прав человека. И, по сути, «внутренний суверенитет» у С. Краснера представляет собой организацию политической власти и способность этой власти осуществлять эффективное управление над подконтрольной ей территорией. «Суверенитет взаимозависимости» (Interdependence Sovereignty), предполагающий возможность государства контролировать финансовые и людские потоки, проходящие границы страны. Другими словами, государство должно уметь справиться и с потоками беженцев, и с гуманитарными катастрофами (следует оговориться, что суверенитету потенциально угрожает не вся миграция, а только нелегальные мигранты, беженцы и лица, ищущие убежища[278]). «Международный правовой суверенитет» (International Legal Sovereignty) – признание суверенной власти со стороны других суверенов, которые признают ее как единственного представителя данной общности и территории. «Вестфальский суверенитет» (Westphalian Sovereignty), суть которого в

---

[277] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 21. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[278] Meissner D. Managing migrations // Foreign policy. – March 01, 1992. – P. 68. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

недопустимости вмешательства во внутренние дела государства со стороны других участников международного общения[279]. Концепция С. Краснера не идеальна: в эпоху массовой миграции населения в Европу, наркотрафика и террористической угрозы по всему миру, многие государства, обладающие суверенитетом, согласно концепции С. Краснера должны лишиться его, так как не способны контролировать в должной мере свои границы и обеспечить «суверенитет взаимозависимости». Однако следует признать, что С. Краснер учел факт того, что выделенные им виды суверенитета могут присутствовать у государств в разном объеме. Концепция американского ученого вместе с тем отличается достаточной полнотой и логичностью, охватывая все аспекты суверенитета и очерчивая его границы. Интересно, что С. Краснер выделяет также «долевой суверенитет», который предполагает создание при помощи других государств или международных организаций властных структур на территории нестабильного государства. «Долевой суверенитет» подразумевается как временное явление (например, может быть установлен во время миротворческих операций ООН) и призван в конечном счете укрепить внутренний суверенитет, которым и будет замещен[280]. Отражение этой концепции можно наблюдать в политике и риторике Соединенных Штатов в ситуации их вмешательства в дела Ирака, Косова, Сомали и др[281].

Политологи Х. Хольм и Г. Соренсен, считая что у государств существует разный уровень суверенитета, также выделили три разновидности принципа. Первый – это «негативный суверенитет» (о нем писал также Р. Джексон[282]), применимый к странам, которые формально признаны независимыми и обладают определенными правами на подвластной им территории, но при этом фактически зависимы от государств-патронов или от бывших

---

279 Krasner S.D. Op. cit., 1999. P. 9–25.

280 Ibid. P. 119.

281 См., напр.: President Bush Discusses Iraq. Op. cit. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (дата обращения: 29.11.2020); Bader J. Testimony before the House International Relations Committee // U.S. Department of State Archive. February 13, 1997. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/970213_bader_hong_kong.html (дата обращения: 04.07.2019).

282 Jackson R. Op. cit., 1990. P. 27–28.

метрополий. Второй – «позитивный суверенитет», обозначающий полную независимость государства от внешнего окружения и исключительную власть внутри страны. И третья разновидность – это «операционный суверенитет», который применим к государствам, поступившимся некоторой долей свободы в обмен на участие в принятии значимых международных и региональных решений, другими словами, подписавшими различного рода международные договоры[283]. Авторы считали, что «негативный суверенитет» – своего рода постоянная величина и государства либо обладают им, либо нет, в то время как две другие разновидности могут быть относительными, изменяться и проявляться в разной степени. Авторы отмечают, что выделенные типы суверенитета проявляются у государств неравномерно. Они пишут, что было бы ошибкой считать суверенные государства равноправными в сфере международных отношений. Страны могут быть равноправны только в сфере формального, юридического равенства, что нашло свое отражение в концепции «негативного суверенитета»[284].

В начале 2000-х гг. эта концепция продолжает разрабатываться в американской внешнеполитической мысли. Профессор Нью-Йоркского университета Н. Фельдман также, характеризуя суверенитет, выделял составные части и три схожих ключевых компонента в концепции суверенитета государства: международный политический суверенитет, правовой суверенитет (находит выражение в признании своего статуса со стороны как международного сообщества, так и внутри страны) и суверенитет де-факто[285]. О «разделенном» (Divided) суверенитете писал также известный политолог М. Китинг[286], о «многослойном» (Layered) – специалисты в области международных отношений Б. Бузан и Р. Литтл[287], о

---

[283] Holm H., Sorensen G. Op. cit. P. 196–198.

[284] Ibidem.

[285] Otterman S. Op. cit. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/iraq-sovereignty-issue (дата обращения: 30.11.2020).

[286] Keating M. Op. cit., 2002. P. 5–8.

[287] Buzan B., Little R. Op. cit. P. 359.

«фрагментированном» (Disaggregated) – профессор Принстонского университета А. Слоутер[288].

Фактически теорию о «разделении» суверенитета поддержал и бывший президент Совета по международным отношениям и советник госсекретаря Колина Пауэлла Ричард Хаас. В свое время он говорил о суверенитете как о принципе, имеющем четыре главные характеристики. Во-первых, суверенное государство обладает высшей политической властью и монополией на применение легитимной силы внутри своих границ. Во-вторых, оно способно регулировать потоки товаров и людей на границах. В-третьих, суверенное государство принимает решения на международной арене независимо от других. И последнее, оно признается другими государствами как независимый субъект, имеющий право на свободу от внешнего вмешательства. Р. Хаас подчеркивал, что эти составляющие суверенитета никогда не были абсолютными, но вместе они обеспечивают предсказуемую основу мирового порядка. Он также добавлял, что в настоящее время каждый компонент: власть внутри страны, контроль за границами, политическая автономия, отсутствие вмешательства извне – подвергается сомнению в беспрецедентных масштабах[289].

Таким образом, «разделение» суверенитета на части по параметрам виделось указанным авторам логичным выходом из состояния кризиса, в котором, как они считали, находился принцип. Ограничение суверенитета затрагивало только отдельные его аспекты, а сам он продолжал играть краеугольную функцию в структуре международных отношений. Вся эта концепция будет фактически использоваться официальной властью США в операциях вмешательства, например, в Косове и Ираке. Она позволяла американцам декларировать важность самого принципа и сохранение своего права на независимую политику, одновременно на деле ограничивая различные аспекты суверенности иных стран путем вмешательства в их

---

[288] Slaughter A.M. Op. cit. P. 266–267.

[289] Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

внутренние дела. Описанные выше теории позволяли рассматривать такие действия как не противоречащие друг другу.

Суверенитет также изучался в качестве социальной конструкции. Некоторые исследователи считали, что социальное строительство суверенного государства требует многочисленных действий, включая стабилизацию государственных границ, признание территориальных государств как суверенных и предоставление прав на суверенность. Смысл данной концепции сводился к тому, что суверенитет не наделен какими бы то ни было конкретными характеристиками, а его суть наполняют действия государств и международной системы в целом. Подчеркивается также, что и то и другое изменчиво, а значит, меняется и суверенитет[290]. Такую позицию занимал, например, профессор международного права Г. Шермерс, который писал, что суверенитет имеет множество свойств, но ни одно из них не является стабильным и смысл понятия суверенитет находится постоянно в трансформации, особенно в последнее время. Будущее суверенитета он видит в том, что последний фактически перейдет из ведения государств к мировому сообществу в том или ином виде и мировое сообщество сможет помочь государству там, где оно действует неудачно[291].

В итоге суверенитету не было дано приемлемого и однозначного определения американским научным сообществом. Более того, большинство ученых и не задается целью объяснить природу суверенитета и дать ему определение, а скорее, понимая общий смысл термина, о котором говорилось ранее (независимость во внешней политике и верховенство во внутренней), рассуждает о будущем суверенитета, о перспективах его ограничения, укрепления или вообще «выживания» (об этом писали М. Бут, Д. Хелмс, Х. Ханнум, В. Рейнике, П. Спиро, Р. Пастор, Т. Франк, Дж. Най, Г. Молл, Ф. Гордон, Р. Хаас, К. Уолтц и другие). Это объясняется тем, что при определении понятия лишь дается первичное представление об объекте,

---

290 Biersteker T., Weber C. Op. cit. P. 278.

291 Schermers H. Different Aspects of Sovereignty // State Sovereignty and International Governance / Ed. by Kreijen G., et al. Oxford, 2002. P. 192.

которое по мере его дальнейшего изучения углубляется, обогащается и конкретизируется[292].

Как мы видим, в основном исследователи сходятся на том, что суверенитет означает прежде всего независимость. Недостаток многих концепций суверенитета заключается в том, что они не до конца отвечают на вопросы: в какой момент он проявляется, когда исчезает, какие государства могут его иметь и что конкретно он обеспечивает. Проблема, конечно, кроется в излишней политизации термина, в связи с чем просто не может существовать единого, полного и многогранного определения, которое было бы принято абсолютно всеми. Профессор М. Н. Марченко справедливо писал, что «несмотря на традиционность и кажущиеся простоту и обыденность определения понятия и содержания суверенитета, эта тематика имеет важное теоретическое и практическое значение»[293].

В итоге подавляющее число зарубежных авторов склонялись к постепенному «отмиранию» или ограничению суверенитета из-за различных кризисов, говоря таким образом о будущей «десуверенизации». Тренд на переосмысление принципа суверенитета в западной науке был очевиден во всех основных течениях мысли. Это приводит в том числе и к концепциям «дробления» функций суверенитета, дающим возможность ограничивать некоторые из них, не «уничтожая» на данном этапе суверенитет полностью. Это отличало американскую внешнеполитическую мысль тех лет. Однако на рубеже веков суверенитет, по мнению многих, все еще продолжал оставаться неотъемлемым атрибутом государственной власти, что подтверждают слова известного американского ученого С. Краснера, который писал, что суверенитет является прямым и наиболее весомым «входным билетом» на международную арену[294].

---

[292] Теория международных отношений. Указ. соч. С. 11.

[293] Марченко М.Н. Государственный суверенитет: Проблемы определения, понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – №1. – С. 186.

[294] Krasner S.D. Op. cit., 1999. P. 16.

§2. Проблема суверенитета в контексте становления международных организаций во второй половине XX века

Серьезный научный анализ международных проблем невозможен без учета места, которое занимают в них международные институты. Под международными институтами следует понимать «многосторонние институты, в рамках которых строятся отношения между более чем двумя государствами или негосударственными акторами», включая таким образом международные организации, интеграционные объединения, международные режимы и т.п[295]. Вместе с тем под международными институтам стоит понимать и правовые нормы, регулирующие международные отношения. Именно поэтому следует обратить также внимание и на то, какое место занимает принцип суверенитета в современном международном праве и какое отражение он нашел в уставах и декларациях основных международных организаций. Тем более, что, как писал профессор Университета Хофстра П. Спиро, международное право в настоящее время переживает ренессанс, все больше регулируя практически каждую сферу жизни государств, и этот факт, несмотря на периодические нарушения права, несет в себе позитивную тенденцию[296].

На протяжении истории люди неизбежно приходили к выводу, что для стабильного существования необходим порядок, именно поэтому идея права в системе управления, будь то обществом внутри государства, будь то всем миром, где субъектами, по мнению некоторых специалистов, могут являться исключительно государства[297], всегда играла основополагающую роль. В некотором смысле человечество постепенно пыталось внедрить в международные отношения правовую систему, безусловно, с некоторыми

---

[295] Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М., 2012. С. 383.

[296] Spiro P. The New Sovereigntists: American Exceptionalism and Its False Prophets // Foreign affairs. – November/December, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2000-11-01/new-sovereigntists-american-exceptionalism-and-its-false-prophets (дата обращения: 05.04.2018).

[297] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 2. М., 1996. С. 9.

модификациями, присущую внутреннему праву отдельно взятого государства. Однако объективные границы международного права явно указывают нам на то, что международное и внутригосударственное – это все же различные правовые системы, не имеющие верховенства друг над другом и функционирующие в различных юридических измерениях[298].

Разработка понятия международного права принадлежит испанскому юристу Ф. де Витория, который еще в XVI в. определил его как «право между народами»[299]. Международное право можно определить как систему предписаний, дозволений и запретов, выражающих волю участников межгосударственных отношений и созданных ими для урегулирования этих отношений[300]. Несмотря на безусловное несовершенство данного определения, которое признает и сам автор, оно достаточно полно характеризует систему норм международного права. Но более точным представляется определение, представленное в работе Р. А. Каламкаряна и Ю. И. Мигачева: «Международное право – это самостоятельная, специфическая система права, представляющая собой совокупность международно-правовых принципов и норм по регулированию сотрудничества между государствами и международными организациями как субъектами международного права»[301]. Международное право в отличие от внутреннего, где право находится как бы над человеком и основано на принципе субординации, функционирует не над государствами, а между ними, пытаясь контролировать их поведение. В итоге получается, что участниками международно-правового общения являются суверенитеты, которые, по идее, равноправны и не признают никакой другой высшей власти.

Согласно действующему международному праву все государства равны в осуществлении своего суверенитета. Равноправие и суверенное равенство

---

[298] Черниченко С.В. Указ. соч., 1993. С. 110.

[299] Давыдов Ю.П. Норма против Силы. Проблемы мироурегулирования. М., 2002. С. 92.

[300] Черниченко С.В. Указ. соч., 1993. С. 83.

[301] Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Указ. соч. С. 7.

закрепляются в основополагающем документе современного международного права – Уставе ООН (глава 1, статья 2, пункт 1)[302]. Также равенство закрепляется в Заключительном акте СБСЕ (раздел I, глава А, статья 1), где говорится, что все государства имеют равные права и обязанности и уважают суверенитет и своеобразие друг друга[303]. Нужно отметить, что суверенное равенство государств закрепляется в преамбулах или статьях многих деклараций и международных договоров[304]. Но, поскольку обязательства по Уставу ООН имеют преимущественную силу перед обязательствами стран по каким-либо другим международным договорам, о чем сказано в главе 16 статье 103 Устава[305], то говорить о них подробно нет необходимости. Понятие суверенного равенства, в свою очередь, включает в себя следующее: 1) государства юридически равны; 2) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету; 3) каждое государство должно уважать правосубъектность других государств; 4) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны; 5) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; 6) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами[306]. Однако, несмотря на то что любое предписание международного права, в том числе и суверенное равенство государств, обязательно к выполнению, и отказ от выполнения должен

---

[302] Устав ООН. Указ. соч.

[303] Хельсинкский Заключительный акт. Указ. соч.

[304] См., напр.: Декларация о предоставлении независимости колониальным странам. Указ. соч. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 29.10.2020); Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства. Указ. соч. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 11.01.2019).

[305] Устав ООН. Указ. соч.

[306] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2625 (XXV), 24 октября 1970 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.11.2020).

повлечь определенные наказания, на практике это не всегда соблюдается. В годы холодной войны некоторые политологи начали вообще отказываться от идеи верховенства международного права как такового (Г. Маргентау, Л. Пирсон, Д. Кеннан), утверждая, что международные отношения выражают стремление к господству, а следовательно, являются отношениями силы[307]. На практике получается, что исполнение различных установлений зависит в первую очередь от национальных интересов определенной страны и утверждений о ее суверенности, так как суверенитет часто рассматривается как возможность государства игнорировать установки, навязываемые извне.

Суверенитет – не только неотъемлемый атрибут государства, но и краеугольный камень современного международного права. Однако парадоксально то, что многие ученые поднимали вопрос об ограничении суверенитета на основании тех постулатов, которые суверенность и закрепляют. Острые дискуссии возникали и в процессе изучения влияния международных организаций на суверенитет. Стоит также отметить, что современное международное право отличается тем, что регулирует в большей степени не вопросы, связанные с войной и миром, а проблемы экономической, социальной, технической и цивилизационной кооперации, интеграции, прав человека, экологии, образования, науки и технологий, природных ресурсов[308] и т.п. Конечно, международное право обеспечивает соблюдение признанных правил поведения между государствами, что в идеале должно гарантировать стабильность и мир в отношениях между ними. Однако эти правила, очевидно, ведут и к ограничению суверенитета государств. Можно сделать вывод, что международный порядок всегда представляет собой смешанную систему, в которой взаимодействуют верховенство закона и силовая политика[309].

Среди официально-правовых документов ООН важнейший, безусловно, Устав, который является приоритетным по сравнению с другими

---

[307] Тункин Г. И. Указ соч. С. 250–252.

[308] Wildhaber L. Op. cit. P. 438.

[309] Ikenberry J. Op. cit. P. 377–382.

документами международного права[310] (глава 16, статья 103) и который заложил основы современной системы международных отношений. Однако еще в 1980-е гг. американский истеблишмент всё чаще стал сомневаться в эффективности и жизнеспособности ООН. Так, еще при Р. Рейгане начались активные нападки на Организацию Объединенных Наций, которую администрация президента называла «ареной бессмысленных споров; тиранией безответственного большинства и организацией, противоречащей интересам США»[311]. Критики международных организаций отмечали, что в рамках подобных институтов «не происходит ничего, кроме разговоров»[312]. Например, заместитель постоянного представителя США в ООН в 1982 г. указывал на то, что миротворческая роль ООН парализована, а разделения на блоки, а также двойные стандарты и идеологизированный подход к проблемам, царящие в организации, подрывают возможности ООН по обеспечению мира и безопасности, мешают выработке мирных путей решения проблем[313]. Однако политики в США все же признавали значение ООН как площадки для защиты своих интересов и ценностей.

Мнение о том, что ООН более неэффективна и работает больше на сохранение своего статуса остается достаточно популярным. Причиной тому – принцип голосования в Совете Безопасности, когда пять великих держав не могут достигнуть консенсуса, в итоге решения ООН блокируются. Еще одной проблемой является отсутствие постоянных вооруженных сил. В связи с этим многие политики и эксперты ставили вопрос либо о реформировании ООН, либо об игнорировании ее положений и указов. Британский политолог Ч. Пауэлл писал, что в условиях бездеятельности ООН США, Великобритания и их союзники должны быть «готовы к применению военной

---

[310] Устав ООН. Указ. соч.

[311] Ефимов Г.К. Устав ООН – инструмент мира. М., 1986. С. 61.

[312] Statement by the Assistant Secretary of State-Designate of International Organization Affairs (Abrams) Before the Senate Foreign Relations Committee. April 6, 1981 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1981. – P. 300.

[313] Prepared Statement by the Alternate Representative at the United Nations (Shwab) Before the Sixth Committee of the U.N. General Assembly. October 27, 1982 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1982. – P. 325.

силы без того, чтобы ООН их на это уполномочила»[314]. За широкое реформирование ООН высказывались профессора Йельского университета П. Кеннеди и Б. Рассетт[315] (с 1993 г. являлись соруководителями секретариата независимой рабочей группы по будущему Организации Объединенных Наций при поддержке Фонда Форда). Также еще Коффи Аннан, будучи Генсеком ООН, говорил о реформе организации и предлагал «не рассматривать национальные границы в качестве препятствия для вмешательства миротворческих соединений», ровно как и не рассматривать понятия территориальной целостности и суверенитета[316]. К. Аннан, ратуя за глубокую реформу ООН, высказывался и о реформировании Совета Безопасности, подразумевая увеличение его состава в том или ином виде до 24 членов без расширения круга государств, обладающих правом вето[317]. Таким образом, западные эксперты все настойчивее пытались подорвать в том числе и значение понятия суверенитета, апеллируя к тому, что в эпоху глобализации оно устарело и мешает развитию человечества.

С критикой ООН в 1990-х – начале 2000-х гг. выступали и официальные государственные деятели, например председатель Комитета Сената США по международным отношениям Д. Хелмс[318]. О реформировании ООН говорил также помощник государственного секретаря США по делам международных организаций Б. Хук[319]. Белый дом указывал на необходимость реформ, призванных сократить бюрократический аппарат ООН, снизить

---

314 Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 17.

315 Kennedy P., Russett B. Reforming the United Nations // Foreign affairs. – September/October, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1995-09-01/reforming-united-nations (дата обращения: 05.04.2018).

316 Бжезинский З. Указ. соч. С. 235.

317 Annan K. "In Larger Freedom": Decision Time at the UN // Foreign affairs. – May/June, 2005. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2005-05-01/larger-freedom-decision-time-un (дата обращения: 12.04.2018).

318 Helms J. Saving the U.N.: A Challenge to the Next Secretary-General // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-09-01/saving-un-challenge-next-secretary-general (дата обращения: 05.04.2018).

319 Statement of Brian H. Hook // US Senate Committee on Foreign Relations. September 11, 2008. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/HookTestimony080911a.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

финансирование и сделать деятельность организации более прозрачной[320]. Однако одновременно официальные власти США неоднократно утверждали, что ООН играет важнейшую роль в достижении мира между странами[321]. Дело в том, что Вашингтон зачастую воспринимает международные конференции и переговоры в качестве площадок, призванных легитимировать позицию США, а не выработать консенсус[322]. Поэтому если решения международных организаций не соотносятся с позицией США, начинаются дискуссии об их реформировании или о выходе из состава. В связи с этим существующее в политике США отношение к ООН вызывает справедливое сожаление профессора Массачусетского технологического института Н. Хомского, который писал, что если международная организация не служит интересам, отвечающим политике США, то нет особых оснований, чтобы позволять этой организации существовать[323].

Однако укрепление авторитета и повышение эффективности следует искать не в ревизии положений Устава ООН, а в неукоснительном их выполнении. О том, что новый мировой порядок должен быть основан на роли ООН (так как только концепция открытого мира может служить объединяющим принципом) и США не должны выступать в роли полицейского мира, писал и Дж. Сорос[324]. Несмотря на то что многие проблемы международных отношений чаще решаются в формате прямых переговоров или в рамках механизмов G20, НАТО, ЕС или других контактных групп, ООН все же остается организацией, которая осуществила 58 миротворческих миссий и еще 13 проводятся в настоящий момент по всей

---

320 Albright M. Op. cit. // U.S. Department of State Archive. March 4, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/mar96_why_united_nations.html (дата обращения: 01.12.2019).

321 Albright M. Op. cit. // U.S. Department of State Archive. September 12, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/un-tm-ga.html (дата обращения: 01.12.2019).

322 Patrick S. Op. cit. P. 430–439.

323 Хомский Н. Указ. соч. С. 9.

324 Soros G. Toward open societies // Foreign policy. – March 01, 1995. – P. 74. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

планете[325] в целях урегулирования конфликтов в странах третьего мира, прекращения кровопролития и предотвращения гуманитарных катастроф. В ее состав входят такие основополагающие международные структуры, как ЮНЕСКО, МАР, ВОЗ, ИКАО, МВФ, ЮНИСЕФ, ЮНЕП и многие другие, которые помогают достичь относительного мира и создают условия для диалога. Конечно, нельзя не согласиться с критиками ООН, когда речь идет об эффективности при решении споров между великими державами, однако если бы не было организации, то не было бы и сдерживающего начала такого, как Устав ООН, вынуждающего страны придерживаться норм и правил при общении друг с другом. С этим мнением был согласен ученый и дипломат, заместитель Генерального секретаря ООН по коммуникации и общественной информации Ш. Тарур, который в своей статье писал, что ООН необходима миру, поскольку является универсальной площадкой для суверенных государств, помогающей выстроить межгосударственные отношения на основе права и предоставить каждой стране возможность высказаться и донести свою точку зрения. Только ООН способна справиться со многими вызовами современности, и исключительно решения, принятые ООН, являются в полной мере легитимными в глазах всего мира, а каждая страна, в свою очередь, все же пытается, даже если не желает этого, действовать согласно Уставу ООН, а соответственно, согласно праву[326].

В настоящее время сложилась ситуация, при которой значительная часть стран признает приоритет норм международного права над их принципами внутреннего, национального права, а значит, в какой-то мере над своим суверенитетом, и безусловность этого подкрепляется 27-й статьей Венской конвенции о праве международных договоров[327] и в разделе I, главе A,

---

[325] List of peacekeeping operations // Официальный сайт ООН. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/unpeacekeeping-operationlist_3_0.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

[326] Tharoor S. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-09-01/why-america-still-needs-united-nations (дата обращения: 30.11.2020).

[327] Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 11.02.2015).

статье 10 Заключительного акта СБСЕ 1975 г[328]. Это также прописано в большинстве основных законов и конституций государств, что свидетельствует о закреплении во внутреннем праве стран некоторого ограничения суверенитета современного государства международным правом. Однако речь, скорее, об ограничении части внешнего аспекта суверенитета, так как в пределах собственных границ государство вольно действовать на основе собственного законодательства и может сослаться на пункт 7 статьи 2 главы 1 Устава ООН, в котором говорится о невмешательстве во внутренние дела государств[329]. Более того, государство добровольно идет на подписание международных договоров и берет обязательства, реализуя таким образом свой суверенитет. Необходимо, в свою очередь, отметить, что многие, особенно ведущие, страны нередко игнорируют постановления международных институтов. Неисполнение страной обязательств по международным договорам чаще всего объясняется суверенностью. В итоге, как справедливо отмечает И. И. Лукашук, хотя оспаривать факт растущего значения международных организаций трудно, пока еще преждевременно говорить об ослаблении роли суверенитета, поскольку эти организации создаются государствами и призваны служить их интересам[330]. Следовательно, в риторике политиков не случайна мысль о том, что суверенитет становится как бы выше международного права и, например, даже ООН не должна его ограничивать.

Влияние международных организаций, и особенно ООН, на суверенитет являлось предметом серьезного изучения американского академического сообщества. Точка зрения о том, что такие организации – один из самых серьезных ограничителей суверенитета достаточно популярна (соответственно, и абсолютного внешнего суверенитета у государства быть не может[331]). Например, отечественный ученый М. М. Лебедева пишет о том,

---

[328] Хельсинкский Заключительный акт. Указ. соч.

[329] Устав ООН. Указ. соч.

[330] Лукашук И.И. Международное право. М., 2005. С. 326.

[331] Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Указ. соч. С. 11.

что суверенитет сталкивается с серьезным вызовом как из-за международных организаций, начинающих все активнее вмешиваться во внутриполитические дела государства, так и внутригосударственных регионов, стремящихся к участию во внешнеполитической жизни порой наравне с центральным правительством[332]. С этим мнением согласны и зарубежные авторы. В частности, К. Иглтон, утверждавший, что подчинение государственного суверенитета возможно благодаря «мировому правительству, обладающему наднациональной властью, способному налагать обязательства на государства независимо от их согласия»[333]. А также Й. Делбрук, который писал, что международные организации все более ограничивают суверенитет стран – членов с юридической точки зрения. Ученый однако добавлял, что этот процесс носит неоднозначный характер и уважение принципа государственного суверенитета остается главным фактором в международных отношениях[334]. Подтверждением давно существующих опасений ограничения суверенитета может служить, например, факт того, что после Первой мировой войны Конгресс США отказался ратифицировать соглашение о вступлении страны в Лигу Наций в том числе из-за угрозы праву объявления войны, праву, которое составляет одну из основ суверенитета государства[335]. Еще один ученый, профессор международных отношений Г. Молл, являясь сторонником «десуверенизации», полагал, что передача суверенных прав наднациональным органам позволит развивать верховенство права в международных отношениях и «цивилизовать» международную политику[336]. Р. Кеохэйн добавлял, что уже совсем немногие

---

[332] Лебедева М.М. Указ. соч. С. 11.

[333] Eagleton C. Op. cit. P. 554–556.

[334] Delbruck J. Structural Changes in the International System and its Legal Order: International Law in the Era of Globalization // Swiss Review of International & European Law. – 2001. – №1. – P. 8.

[335] Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Указ. соч. С. 15.

[336] Maull H. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1990-12-01/germany-and-japan-new-civilian-powers (дата обращения: 05.03.2019).

государства могут с уверенностью заявить о том, что они абсолютно независимы на своей территории от внешних сил в юридической области[337].

Другая позиция у ряда отечественных авторов (Г. И. Тункин[338], С. Б. Крылов[339]), считающих, что существование суверенных государств не исключает создания эффективной международной организации, обладающей надгосударственными полномочиями в определенных вопросах. Известный американский профессор, один из главных архитекторов ВТО Дж. Джексон также отмечал, что отказаться полностью от принципа суверенитета невозможно, поскольку это влечет за собой отказ от международного права в целом[340]. Он, однако, писал, что необходимо переосмыслить и отказаться от суверенитета вестфальской модели и ввести в обиход термин «современный суверенитет» или «суверенитет современности». Автор отстаивал необходимость иного, более сбалансированного изучения сути суверенитета, отмечая, что какие-то свойства этого принципа все же могут остаться от классической модели. Автор не раз возвращается к идее о формировании «современного суверенитета», указывая на то, что такой суверенитет будет избавлен от пережитков «вестфальского» и отразит явления, происходящие в современных международных отношениях. Вместе с тем автор признается, что данная концепция несовершенна и требует дальнейшего изучения и дискуссии[341]. В итоге Дж. Джексон пришел к выводу, что искомый принцип значительно ограничен международным правом, которое вторгается также и во внутренние компетенции государства. Суверенитет в конечном счете в настоящее время понимается большинством людей как вопрос о

---

337 Keohane R. International institutions: can interdependence work? // Foreign policy. - March 01, 1998. P. 92. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

338 Моисеев А.А. Указ. соч. С. 206.

339 Крылов С.Б. Материалы к истории ООН. Выпуск 1. М., 1949. С. 38.

340 Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 782.

341 Ibid. P. 800.

принадлежности власти: он дает право принимать решения на уровне правительства государства, а не на «международном уровне»[342].

Официальные представители ООН также не раз высказывались об изучаемом принципе. Так, например, в 1992 г. Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали сказал, что уважение к фундаментальному принципу суверенитета государства не должно подвергаться сомнению, однако время абсолютного суверенитета прошло и теория такого суверенитета никогда не отражала реальное положение вещей. Б. Бутрос-Гали писал, что необходимо переосмыслить принцип суверенитета и признать, что он имеет более одной формы и выполняет более одной функции. Но важно, по мнению бывшего Генсека ООН, не «ослабить» при этом его сущности, что имеет решающее значение для международной безопасности и сотрудничества. Б. Бутрос-Гали считал, что основополагающие права человека и права народов являются аспектом всеобщего суверенитета, который заключен во всем человечестве и обеспечивает всем народам законное участие в вопросах, затрагивающих мир в целом. Выражение всеобщего суверенитета автор видит в международном праве, а ключевым субъектом – ООН, поскольку ни одно государство не может справиться с проблемами в одиночку, обладать тем объемом информации и осуществлять конструктивную деятельность, как ООН[343]. Через семь лет Кофи Аннан, также будучи в должности Генерального секретаря ООН, добавил, что эволюция суверенитета может подвергаться критике, неприятию и скептическому отношению, но это эволюция, и она должна быть принята[344].

Ряд американских ученых писали, что границы суверенитета стали размываться именно с принятия Устава ООН и подписания Декларации по правам человека[345], поскольку развитие международного права налагает

---

[342] Ibid. P. 791.

[343] Boutros-Ghali B. Empowering the United Nations // Foreign affairs. – Winter, 1992/93. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-12-01/empowering-united-nations (дата обращения: 09.04.2018).

[344] Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 787–788.

[345] Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 7.

определенные обязательства на государства и сужает их компетенции, несколько ограничивая тем самым суверенитет. Так, мнение о том, что суверенитет в современном мире не может быть абсолютным, можно встретить еще у Л. Вильдхабера, который писал, что суверенитет главным образом ограничен международным правом и, например, Устав ООН ограничивает государства в их суверенном праве объявления войны[346]. Однако ученый добавлял, что тот же Устав закрепляет суверенитет и фактически делает его тем постулатом, вокруг которого строится международное право в целом. Американский исследователь международного права Аб. Чайес отмечал, что суверенитет, позволяющий государствам действовать независимо, осуществляя исключительно свою волю, существует только на страницах книг о международном праве и международных отношениях. Даже самые высокоразвитые страны, не говоря о государствах меньших и более бедных, лишь иногда могут позволить себе действовать, опираясь только на свои возможности. Желая достичь экономического благополучия, процветания и безопасности, они вынуждены сотрудничать с другими участниками системы, включая также формирования, которые не являются государствами вовсе[347].

В конечном счете постулат, согласно которому суверенитет ограничен международным правом и международными организациями, представлялся вполне очевидным и поддерживался большинством американских экспертов, которые, правда, видели по-разному серьезность подобного ограничения.

Если же говорить об официальной позиции правительства США, то характерны в связи с этим слова 42-го президента США Б. Клинтона о том, что несмотря на растущую взаимозависимость современного мира, бросающую определенный вызов суверенитету, он является не только важнейшим принципом, но и останется таковым еще много лет. Президент, выражая однозначную позицию властей США в этом вопросе, также отметил,

---

[346] Wildhaber L. Op. cit. P. 441.

[347] Chayes Ab., Chayes Ant. Op. cit. P. 27.

что государства не отказываются от своего суверенитета при вступлении в ООН[348].

Проанализировав документы ООН, можно говорить о том, что, несмотря на некоторые ограничения принципа, организация все же защищает государственный суверенитет начиная с того, что согласно главе 2, статье 4, пункту 1 членство в ней является добровольным[349] и заканчивая закреплением суверенного равенства членов ООН вне зависимости от их военной мощи (глава 1, статья 2, пункт 1)[350], а также запретом вмешательства во внутренние дела государства (глава 1, статья 2, пункт 7)[351]. Существует ряд ученых, согласных с этой позицией. В частности, Б. Бади писал, что международные институты остаются главным охранителем государственно-центричной модели, а значит, являются и охранителями суверенитета[352]. В подобном ключе высказывался и Дж. Сорос, утверждая, что международная помощь государствам (в том числе в виде финансовой поддержки) не обязательно нарушает суверенитет государства, поскольку оно вольно самостоятельно решать нужна ли ему такая поддержка, и если и идет в связи с этим на определенные ограничения суверенитета, то поступает так добровольно[353]. Следует заметить, что в отечественной науке это мнение также распространено. А. В. Сеидов пишет, что международные организации не ограничивают суверенитет государств, поскольку они являются первичными учредителями международных договоров, реализуя таким образом свой суверенитет, а также могут в одностороннем порядке

---

348 Clinton W. The President's News Conference. January 29, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1217 (дата обращения: 31.01.2018).

349 Устав ООН. Указ. соч.

350 Там же.

351 Там же.

352 Бади Б. От суверенитета государства к его жизнеспособности // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: Пер. с англ. и фр. / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. М., 2001. С. 115.

353 Soros G. The people’s sovereignty // Foreign policy. – January 01, 2004. – P. 66. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

расторгнуть международный договор или выйти из международной организации. Государство, безусловно, подчиняется нормам международного права, но его содержание было определено именно самой государственной властью[354]. В свою очередь, М. Н. Марченко также отмечает, что ограничение суверенитета (под которым он понимает утрату материального аспекта суверенитета – потерю государством верховенства и независимости) не означает исчезновения или формально юридического ограничения суверенитета, это лишь сокращение возможностей проявления и осуществления суверенитета[355]. Похожую позицию занимает и другой отечественный исследователь – С. В. Каламанова, высказывающаяся резко против ограничения суверенитета в принципе. Она пишет, что государства, вступая в организации и объединения передают тем самым часть своих суверенных прав и функций, но не свой суверенитет. Это два принципа, которые она разделяет. Глобализация, как и интеграция (речь о которых также идет в диссертации), влияет не на суть существования суверенитета, а только на отчуждение ряда суверенных прав, которые имеют мало общего с суверенитетом[356]. Вместе с тем необходимо признать, что ограничение суверенитета в современную эпоху происходит и из-за норм международного права и деятельности интеграционных сообществ.

В итоге считалось, что на рубеже XX – XXI вв. суверенитет несколько ограничен международными институтами и обозначает не просто абстрактную исключительную независимость государства, которая сама по себе часто, если не всегда, относительна. Внешний же аспект суверенитета – это в первую очередь неподчиненность одного государства другому. В системе международных отношений экономическое давление и некоторая зависимость от внешних сил совершенно нормальны для государства. Эти факторы не влияют на потерю страной ее формального легального

---

354 Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета. М., 2005. С. 52–53.

355 Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 466.

356 Каламанова С.В. Указ. соч. С. 107–131.

суверенитета. Таким образом, суверенитет – это «внутреннее самоопределение и независимость от другой власти, однако это не независимость от международного права»[357].

Критика суверенитета начиналась нередко из-за того, что государства во многих случаях не могут справляться со своими обязанностями, потому нужны международные организации, осуществляющие часть внешнего аспекта их суверенитета. В связи с этим возникает мнение, что суверенитет – это статус, обозначающий существование государства как члена международной системы, а единственной возможностью реализации суверенитета для большинства государств является участие в различных институтах, регулирующих и управляющих международной системой[358]. Именно международные организации могут сплотить государства для борьбы с глобальными проблемами (от терроризма до изменения климата) и выработать честные взаимоприемлемые правила общения и кооперации между странами, что будет способствовать не только сохранению мира, но и развитию экономики. Однако как организовать голосование по важным вопросам и построить всю работу подобных международных организаций, вопрос пока нерешенный. Это вызывало разговоры о кризисе ООН и недоверии к ее решениям. Именно поэтому некоторые исследователи не были склонны драматизировать влияние международных институтов, они констатируют лишь неполное ограничение части внешнего аспекта принципа. В связи с этим споры по вопросу суверенитета в контексте международных организаций продолжаются в американской внешнеполитической мысли и в настоящее время.

***

Анализ зарубежной литературы отчетливо иллюстрирует неугасающий уже три десятилетия интерес к принципу суверенитета. Особенно же острые споры разгораются в работах по теории международных отношений, политической теории, правоведению и в исторических трудах. Так, на рубеже

---

[357] Wildhaber L. Op. cit. P. 437.

[358] Chayes Ab., Chayes Ant. Op. cit. P. 27.

XX – XXI вв. сторонники глобализма и постпозитивизма доказывали снижение роли государства и активный рост влияния на международной арене транснациональных и межправительственных организаций. Представители данных направлений настаивали на том, что суверенитет не является ничем большим как пережитком времени, в отличие от неореалистов и неолибералов, традиционно подчеркивающих ключевую роль государства в международных отношениях и, следовательно, важную роль суверенитета. Однако представители и этих течений отмечали неизбежное ограничение суверенитета, что отражено в их работах. Важно подчеркнуть, что концепция неолиберализма касательно изучения суверенитета, отстаивающая в том числе и исключительную роль права в отношениях между государствами, являлась превалирующей. Во многом острые споры по вопросу суверенитета государства связаны с распадом СССР и советского блока и вызванной этим трансформацией системы международных отношений. Определенную роль играет глобализация в плане попытки выяснить ее влияние на государство, а следовательно, и влияние на основной его атрибут – суверенитет. Помимо научного диспута принцип суверенитета государства подвергся серьезному вызову со стороны политики Соединенных Штатов в 1990-х – начале 2000-х гг., когда США, провозгласив построение «нового мирового порядка», использовали так называемые гуманитарные интервенции и другие методы в своей политике, стремясь отстоять право на вмешательство во внутренние дела других государств. Вместе с тем международные организации, как и международное право в целом, также ограничивают принцип суверенитета в некоторой степени, однако не умаляют его значение и не подрывают его каким-либо критическим способом, поскольку не только членство в них добровольное, но сама система международного права сформирована государствами в своих интересах.

В завершение анализа этого аспекта проблемы следует сказать, что суверенитет – одна из основных характеристик, которая позволяет государству быть таковым. Интерес же к проблеме суверенитета повышался с каждым новым кризисом в системе международных отношений. Суверенитет

– политическое и юридическое полновластие господствующих кругов внутри страны и способность государства, независимо от других стран, формировать и проводить в жизнь свою внутреннюю и внешнюю политику[359]. Суверенитет закрепляется практически во всех международно-правовых актах, в том числе и в Уставе ООН – документе, формирующем современное международное право. Несмотря на самоограничение суверенитета, связанное с необходимостью уважения прочих суверенитетов, и на ряд объективных его ограничителей (которые заложены в самом международном и внутригосударственном праве) можно с уверенностью утверждать, что ООН призвана охранять суверенитет. Это косвенно находит подтверждение и во многих других постулатах международного права, таких как право на невмешательство во внутренние дела государства, закрепленное в международно-правовых документах. Отечественные и западные авторы часто расходятся в оценках роли международного права в современном мире и дальнейшей судьбы суверенитета, но признают его исключительное историческое положение в системе международных отношений. Предпосылок для возможного исчезновения суверенитета, о чем говорили некоторые зарубежные эксперты, по сути, нет. В любой системе международных отношений – биполярной, однополярной или многополярной – большинство государств будут стремиться восстановить или упрочить свой суверенитет. Так, на протяжении XX в. в истории более других остались лидеры, добивавшиеся самостоятельности в определении внешней и внутренней политики своих государств и декларировавшие в той или иной форме незыблемость их суверенитета, как, например, Шарль де Голль во Франции, Маргарет Тэтчер в Великобритании или Гельмут Коль в Германии.

Подтверждением необходимости суверенитета для государства, причем как внутреннего, так и внешнего, являются сказанные еще в XIX в.

---

[359] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 59.

Леопольдом фон Ранке слова, что государство может достичь полного расцвета лишь в случае независимости от прочих государств[360].

[360] Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева. М., 1990. С. 141.

Глава II. Политико–академические дискуссии в США по проблеме суверенитета в 1990-е годы

§1. Трактовки суверенитета США на рубеже веков[361]

Суверенитет собственного государства для американцев всегда был одним из важнейших принципов, именно поэтому международные организации и процесс глобализации вызывали тревогу в связи с возможностью потери суверенитета, независимости при принятии решений. Новый виток полемики по этому вопросу развернулся в стране на фоне создания ВТО в 1995 г. и вступления в организацию Соединенных Штатов Америки. Некоторое усиление роли ООН после окончания холодной войны привело также к активизации дискуссии об ограничении суверенитета США со стороны этой международной организации.

Американцев достаточно сильно волновала проблема суверенитета государства, его сохранения и защиты. Помимо прочего об этом свидетельствовали, например, предвыборные речи кандидатов в президенты[362] или платформа Республиканской партии 1996 года[363], которые указывали, что суверенитет США сильно ослаблен вступлением в международные организации. Примером может также служить инициированный конгрессом проект закона «H.R. 3752», накладывающий ограничения на структуры, выполняющие обязательства США в области экологического международного сотрудничества. На этот билль было

---

[361] В основе параграфа лежит материал научной статьи Катков А.Д. История американской внешнеполитической мысли: трактовки суверенитета США в конце XX – начале XXI веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т.19. – №1: История. – С. 43–59.

[362] Dole R. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in San Diego. August 15, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-accepting-the-presidential-nomination-the-republican-national-convention-san-diego (дата обращения: 31.01.2018); Buchanan P. Republican Presidential Candidates Forum in Des Moines. January 13, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-presidential-candidates-forum-des-moines-iowa (дата обращения: 31.01.2018); Keyes A. Republican Presidential Candidates Forum in Durham. October 22, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-presidential-candidates-forum-durham-new-hampshire (дата обращения: 31.01.2018).

[363] Republican Party Platform of 1996. August 12, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1996 (дата обращения: 31.01.2018).

наложено вето президента, и администрация Б. Клинтона выступила с отдельным заявлением, объясняющим почему данное сотрудничество не угрожает суверенитету государства[364]. Подобные заявления делались Белым домом не раз[365]. Из этого можно сделать вывод о том, что суверенитет во многом увязывался с возможностью свободы действий, которой придавалось большое значение.

Среди «защитников» суверенитета Соединенных Штатов на рубеже веков можно выделить представителя Республиканской партии и председателя Комитета Сената США по международным отношениям Д. Хелмса, который говорил об угрозе суверенитету страны со стороны ООН (превратившейся, по его мнению, в квазисуверенное образование) и писал о необходимости реформы ООН или выхода США из этой организации для предотвращения усиления за счет национальных государств власти никем не избираемых бюрократов[366]. Сторонником защиты суверенитета США от международных организаций таких, как ООН или ВТО, являлся также лидер большинства республиканцев в Сенате Б. Дойл, считающий, что международные организации не позволяют Соединенным Штатам поступать опираясь на свои интересы и зачастую не учитывают идеалы и ценности США. Он отмечал, что членство в международных организациях оправданно только, если это позволяет создать многостороннюю группу, выступающую и действующую во благо американских интересов[367]. Чуть больше чем за месяц

---

[364] Statement of Administration Policy: H.R. 3752 - American Land Sovereignly Act of 1996. September 26, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-3752-american-land-sovereignly-act-1996 (дата обращения: 31.01.2018).

[365] Statement of Administration Policy: H.R. 901 - American Land Sovereignty Protection Act of 1996. September 23, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-901-american-land-sovereignty-protection-act-1996 (дата обращения: 31.01.2018); Statement of Administration Policy: H.R. 883 - American Land Sovereignty Protection Act. May 19, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-883-american-land-sovereignty-protection-act-0 (дата обращения: 31.01.2018).

[366] Helms J. Op. cit. // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-09-01/saving-un-challenge-next-secretary-general (дата обращения: 05.04.2018).

[367] Dole B. Shaping America's global future // Foreign policy. – March 01, 1995. – P. 36. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

до официальной даты организации ВТО президент страны Б. Клинтон выпустил отдельное заявление, в котором говорилось о достигнутом с республиканцами (и с Б. Дойлом в частности) понимании важности защиты суверенитета США при вступлении в торговую организацию и давалось обещание, что ее работа будет прозрачна и подотчетна[368]. Конгрессмен республиканец Б. Гудлатте несколько позже писал, что главенство международного права над внутренним, над конституцией недопустимо и это угрожает суверенитету государства[369]. Можно сделать вывод, что опасения о потере суверенитета США высказывались и на самом высоком политическом уровне, в том числе в среде республиканцев, которые зачастую придерживаются концепции необходимости фактически абсолютного суверенитета для своего государства, неограниченного даже со стороны международного права.

Конечно, и правительство демократов США в тот период не раз говорило о необходимости реформ в ООН, призванных уменьшить ее бюрократический аппарат, снизить количество средств, расходующихся на работу, и сделать деятельность более прозрачной[370]. Однако одновременно официальные лица Соединенных Штатов неоднократно высказывались о важнейшей роли, которую играет ООН в достижении мира между странами[371]. Бывший государственный секретарь США М. Олбрайт в статье, опубликованной в журнале «Форин полиси», чтобы успокоить самых ярых защитников суверенитета, писала, что ООН не является угрозой для суверенитета Соединенных Штатов, поскольку организация не имеет вооруженных сил, а также прав производить арест, взимать налоги,

---

368 Remarks on the General Agreement on Tariffs and Trade. November 23, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-general-agreement-tariffs-and-trade (дата обращения: 21.11.2020).

369 Goodlatte B. Judges without borders // Foreign policy. – July 01, 2004. – P. 12. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

370 Albright M. Op. cit. // U.S. Department of State Archive. March 4, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/mar96_why_united_nations.html (дата обращения: 01.12.2019).

371 Albright M. Op. cit. // U.S. Department of State Archive. September 12, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/un-tm-ga.html (дата обращения: 01.12.2019).

конфисковывать собственность, регулировать внутреннее законодательство, переписывать договоры. Совет Безопасности, конечно, обладает определенной властью, но не может действовать без согласия США и других постоянных членов, что означает, что ни один Генеральный секретарь не может быть избран, ни одна миротворческая операция не может быть проведена, ни один из трибуналов не будет созван без одобрения США[372]. Б. Клинтон, высказываясь в этом же ключе, утверждал, что международные договоры, отвечающие в полной мере национальным интересам государства не только не ограничивают суверенитет, но напротив, укрепляют его[373]. Важно отметить, что М. Олбрайт также утверждала, что Соединенные Штаты никогда не пойдут на формирование международного правительства. Членство же в ООН не расценивается властями США как нечто угрожающее суверенитету государства, поскольку у США есть право вето (от которого они не готовы отказаться или предоставить другим странам[374]) в Совете Безопасности ООН, что обеспечивает известную степень независимости и, таким образом, «ООН не представляет угрозы для конституции США» и полновластия правительства государства[375]. Однако из этого заявления следует, что ООН серьезно ограничивает суверенитет государств – членов организации, не обладающих правом вето, что отчасти подтверждается санкциями как экономическими, так и военными, которые водит ООН в отношении некоторых государств. В высказываниях М. Олбрайт видна разница в подходах и понимании «суверенитета для себя» и «суверенитета для остальных». Примером может служить реакция на действия Кубы в

---

372 Albright M. Op. cit. // Foreign policy. – September 01, 2003. – P. 22. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019).

373 Clinton W. The President's News Conference With President Ernesto Zedillo of Mexico in Mexico City. May 06, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-with-president-ernesto-zedillo-mexico-mexico-city (дата обращения: 31.01.2018).

374 UN Security Council Expansion // U.S. Department of State Archive. April 5, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/fs-unsc_expan_000405.html (дата обращения: 31.01.2018).

375 Albright M. Op. cit. // U.S. Department of State Archive. March 4, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/mar96_why_united_nations.html (дата обращения: 01.12.2019).

1996 г. по защите своего воздушного пространства, когда было уничтожено два американских самолета. В результате этого инцидента Соединенные Штаты заявили о неприемлемости подобных шагов и выступили с осуждением действий Гаваны, которая действовала «якобы в осуществлении своего суверенитета». Одновременно в тексте той же прокламации прозвучало, что США имеют право инспектировать и брать под полный контроль любое иностранное судно в пределах своих территориальных вод[376].

Несмотря на то что в Соединенных Штатах в начале 2000-х гг. только 17 процентов населения поддерживало идею сохранения за США роли единоличного мирового лидера в решении международных проблем, а большинство выступало за многосторонний подход[377], в США достаточно сильно оберегают свой суверенитет (в 2019 г. постулат о невозможности существования международного мира и процветания без активного руководства США поддержало только 9,5 процента опрошенного населения, в то время как среди экспертов по внешней политике – 47 процентов[378]). Любые же намеки на ограничение суверенитета вызывали острую дискуссию внутри государства. Американский журналист Р. Райт, приводя в пример ВТО, писал, что суверенитет неизбежно все больше ограничивается международными организациями[379]. Одним из активных защитников суверенитета США являлся также М. Тиссен (политолог и спичрайтер президента Дж. Буша-младшего), изобличающий в том числе и наступление глобализации на суверенные права Соединенных Штатов, поскольку это находится, по его мнению, в противоречии с демократическими ценностями

---

376 Clinton W. Proclamation 6867—Declaration of a National Emergency and Invocation of Emergency Authority Relating to the Regulation of the Anchorage and Movement of Vessels. March 01, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-6867-declaration-national-emergency-and-invocation-emergency-authority (дата обращения: 19.04.2019).

377 Ikenberry J. Op. cit. P. 377–382.

378 Bremmer I. Americans Want a Less Aggressive Foreign Policy. It's Time Lawmakers Listened to Them // Time magazine. – February 19, 2019. URL: http://time.com/5532307/worlds-apart-foreign-policy-public-opinion-poll-eurasia/ (дата обращения: 18.04.2019).

379 Wright R. My minivan and world peace // Foreign policy. – May 01, 2001. – P. 51. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

американцев[380]. Известный ученый-правовед Дж. Сорос писал, что США ревниво оберегают свой суверенитет, считая, что это единственный арбитр как правильных, так и неправильных решений[381]. Также президент Центра Никсона в Вашингтоне Д. Саймс на примере нежелания США участвовать в работе Международного уголовного суда объяснял то, как американские политики ревностно относятся к ограничению суверенитета своего государства[382]. Высказывались и более категоричные заявления. Например, ведущий обозреватель «Уошингтон Пост» (The Washington Post) С. Маллаби писал, что в то время как глобализация «наступает» на суверенитет по всему миру, в США она приводит к противоположному эффекту и правительству страны приходится постоянно вести переговоры внутри своих границ по вопросам сохранения суверенитета, что вынуждает американское правительство осуществлять слабую и непоследовательную внешнюю политику[383]. Таким образом, многие ученые в США относились очень ревностно к суверенитету собственного государства или отмечали эти настроения в академической среде. Подтверждением могут служить слова американского ученого Д. Дрезнера, который говорил, что к своим суверенным правам стоит относиться с осторожностью, поскольку суверенитет это невозобновляемый товар и после продажи его уже практически невозможно выкупить[384].

---

380 Thiessen M. Don’t tread on U.S. // Foreign policy. – March 01, 2001. – P. 68. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

381 Soros G. The age of open society // Foreign policy. – June 01, 2000. – P. 54. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

382 Simes D. America's Imperial Dilemma // Foreign affairs. – November/December, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-11-01/americas-imperial-dilemma (дата обращения: 09.04.2018).

383 Mallaby S. The Irrelevant Election // Foreign policy. – September 01, 2000. – P. 80. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

384 Drezner D. Sovereignty for sale // Foreign policy. – September 01, 2001. – P. 76–77. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

Процесс глобализации также виделся многим американским экспертам на рубеже веков как фактор, угрожающий суверенитету США. Несмотря на то что большинство поддерживало глобализацию, руководящую роль в которой пытались играть Соединенные Штаты, существовали и критики этого процесса (Б. Барбер, Д. Кортен, Г. Дейли, П. Бьюкенен, Дж. Кавана), которые отмечали, что он выгоден только меньшинству, поскольку способствует увеличению безработицы, уходу американского капитала в зоны дешевой рабочей силы, разрушая тем самым экономику и ослабляя позиции США в мире. По мнению этих ученых, культурные и национальные цели Соединенных Штатов требуют сохранения сильного государственного механизма[385]. Например, профессор Гарвардской школы права А. Слоутер отмечала, что глобализация и новый мировой порядок, пропагандируемый администрацией США в 1990-е гг., приведет к тому, что страна потеряет независимость (а значит, и утратит суверенитет), поскольку суд, регулирующий жизнь внутри государства и разрешающий различные споры, будет находиться в других странах, ВТО и МВФ будут диктовать финансовую и торговую политику, а ООН – решать за США, где применять их вооруженные силы[386]. Как полагает профессор Лондонской школы экономики Дж. Грей, глобализация отражает предпочтения авторов американской внешней политики и является ошибочным и вредным политическим проектом, оказывающим огромное влияние на мировые экономические и финансовые институты[387].

Официальные представители США также признавали, что глобализация – это вызов для суверенитета страны, поскольку уменьшается способность государств контролировать свои границы, регулировать

---

[385] Уткин А.И. Указ. соч. С. 83–84.

[386] Slaughter A.M. The Real New World Order // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/real-new-world-order (дата обращения: 19.04.2018).

[387] Gray J. Op. cit. P. 4.

трансграничные потоки и защищать граждан от внешних угроз[388]. США на официальном уровне всегда заявляли о важности принципа суверенитета. Так, глава отдела по планированию политики госдепартамента США при президенте Дж. Буше-младшем Р. Хаас писал, что суверенитет сталкивается с серьезным вызовом как ввиду неспособности государств осуществлять власть внутри страны, так и из-за глобализации и деятельности транснациональных компаний. Вместе с тем он признавал, что суверенитет во многом сформировал международное право, был источником стабильности на протяжении более чем двухсот лет и в начале XXI в. этот принцип остается существенной основой для мира, демократии и процветания[389].

Но с чем же связан для многих американцев страх потери собственного суверенитета? Бывший редактор «Ньюсуик» (Newsweek) М. Хирш в связи с этим справедливо отмечал, что причина этого явления уходит корнями в концепцию американской исключительности, приверженцы которой видят угрозу в глобализации и создании мирового правительства. Автор считал, что подобные опасения сильно преувеличены и государства продолжают определять мир, а международное сообщество не показывает никаких признаков содействия созданию мирового правительства[390]. Ученый С. Патрик, в свою очередь, писал, что именно чрезвычайный перевес сил и настоящая неуязвимость дают возможность американцам воспринимать свой суверенитет как неограниченный, что давно уже не позволяют себе страны слабее[391]. Подобное отстаивание суверенитета, вероятно, вызвано желанием сохранить лидирующие позиции США в мире, что многими экспертами

---

388 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

389 Ibidem.

390 Hirsh M. Bush and the World // Foreign affairs. – September/October, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/bush-and-world (дата обращения: 09.04.2018).

391 Patrick S. Op. cit. P. 430–439.

видится возможным только при наличии «полного» суверенитета государства.

В результате официальным представителям президента Б. Клинтона (так как они не могли не реагировать на возникшую дискуссию) приходилось объяснять политику США, уверяя общественность в том, что Белый дом не собирается ограничивать суверенитет страны. Торговый представитель США в период формирования ВТО М. Кантор отмечал, что «суверенитет Соединенных Штатов никогда не был так защищен за последние 47 лет существования ГАТТ, как в рамках итогового соглашения Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров», приведшего к созданию ВТО. Политик отметил, что этому способствует несколько факторов: законодательная база США остается превалирующей; обязательства США не могут быть расширены или изменены без их согласия; никакое решение или постановление ВТО не может повлиять на законы США; консенсусный порядок принятия решений; США разрешается поддерживать более высокие стандарты в области обеспечения защиты окружающей среды, охраны здоровья и т.п., нежели это установлено международными стандартами[392]. Заместитель государственного секретаря С. Тэлботт, дискутируя с американцами, опасающимися ослабления суверенитета страны, писал, что международные обязательства и всеобъемлющая стратегия международного участия не только не ослабляют, но и усиливают суверенитет государства, поскольку помогают, в частности США, использовать международные силы в интересах граждан и народов, разделяющих ценности Соединенных Штатов[393]. Официальные представители Государственного департамента США, конечно, признавали, что международные договоры и обязательства могут в некоторой степени угрожать суверенитету и ограничивать его. Однако, как говорил помощник госсекретаря Ф. Лой, Соединенные Штаты

---

[392] Kantor M. Press Briefing by U.S. Trade Representative Mickey Kantor. September 27, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-us-trade-representative-mickey-kantor (дата обращения: 21.11.2020).

[393] Talbott S. Op. cit. P. 82. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019).

должны проводить прагматическую линию во внешней политике и идти на подобные ограничения, если это удовлетворяет потребностям и интересам государства. Таким образом, в случае если преимущества от соглашения превалируют над фактом некоторого ограничения суверенитета, то ратификация договора будет правильным решением[394]. Следовательно, власти США признавали факт некоторого ограничения суверенитета международным правом, однако не видели в подобном ограничении существенной угрозы, нивелирующей суверенитет как таковой. Важным декларируемым аргументом в защиту сохранности суверенитета страны является также незыблемость и независимость от внешних сил американского законодательства.

О том, что международные экономические соглашения не подвергают опасности суверенитет государства, говорил еще Дж. Буш-старший[395]. На неизбежность некоторого ограничения суверенитета международным правом в связи с подписанием различных соглашений (в частности, НАФТА) указывал и Б. Клинтон[396], который, однако, отмечал, что данное ограничение не является ни при каких обстоятельствах нарушением суверенитета и не ограничивает его в сколько-нибудь серьезной степени[397]. На фоне вступления США в ВТО в администрации Б. Клинтона фактически заявляли (в ответ на беспокойство граждан страны по поводу возможной потери суверенитета в связи с соглашением[398]), что участие государства в международных

---

394 Loy F. Speech to American Committee on Foreign Relations // U.S. Department of State Archive. May 11, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2000/000511_loy_global-affs.html (дата обращения: 30.01.2018).

395 Bush G. Remarks to a Joint Session of the Congress in Brasilia. December 03, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-joint-session-the-congress-brasilia-brazil (дата обращения: 31.01.2018).

396 Clinton W. The President's News Conference. Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1217 (дата обращения: 31.01.2018).

397 Clinton W. Interview With the Texas Media. July 28, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-texas-media (дата обращения: 31.01.2018).

398 Clinton W. The President's News Conference in Jakarta. November 15, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-jakarta (дата обращения: 31.01.2018).

организациях не ведет к потере суверенитета, поскольку, как уже отмечалось, только законодательные органы могут изменять законы и стандарты[399]. Также и в резолюции конгресса США от 1995 г. подчеркивалось, что, несмотря на участие в международных и региональных организациях, военных объединениях и подписание ряда соглашений и обязательств, Соединенные Штаты должны всегда сохранять свой суверенитет и действовать односторонне, если это отвечает интересам государства[400]. В итоге на практике администрация США не обращала внимания на неприкосновенность границ и суверенитет некоторых стран (например, введение войск на Гаити или в Ирак), хотя и заявляла о приверженности этим принципам[401]. В связи с этим научный сотрудник Фонда Карнеги М. Пей писал о лицемерной политике Соединенных Штатов, которые, являясь самой националистической страной мира, вмешиваются в дела других государств, не обращая фактически внимания на их суверенитет, осуждая их национализм, навязывая свое видение устройства государства. Такая политика особенно очевидна, когда США подрывают глобальные институты во имя защиты американского суверенитета (например, в случае с Международным уголовным судом и Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний). Автор отмечал, что подобное поведение позволяет «набирать очки» во внутренней политике, но разрушает доверие к США со стороны различных государств мира[402].

---

399 GATT [General Agreement on Tariffs and Trade] - Background // The National Archives and Records Administration. 29.05.1994. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478070 (дата обращения: 29.01.2018).

400 Expressing the sense of Congress that the national security policy of the United States should be based upon a national strategy for peace through strength. H.Con.Res.100, 09/06/1995 // Official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-concurrent-resolution/100/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22sovereignty%22%5D%7D&r=28 (дата обращения: 29.11.2020).

401 Oval Office - Haiti/Iraq [Remarks]. 10/10/94 // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478384 (дата обращения: 29.01.2018).

402 Pei M. The paradoxes of American Nationalism // Foreign policy. – May 01, 2003. – P. 36. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

Официальная позиция властей Соединенных Штатов по изучаемому вопросу нашла отражение и в словах Ричарда Хааса. Несмотря на то что для него делегирование части суверенитета означает утрату «политической автономии и гибкости», в случае с суверенитетом своего государства Р. Хаас отмечал, что США должны быть готовы частично ограничить национальный суверенитет, когда берут на себя международные обязательства, но только в случае если преимущества этого шага перевешивают минусы[403]. Это заявление иллюстрирует, почему Соединенные Штаты в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО 12 июня 2002 г., не ратифицировали Киотский протокол, не стали участником Международного уголовного суда. Когда того требовала политическая обстановка, Соединенные Штаты реализовывали свои суверенные права, не раз нарушая правила ВТО (свидетельством этому являются обвинения со стороны России за введение экономических санкций и Китая за создание препятствий в международной торговле в области возобновляемых источников энергии). Можно сделать вывод, что США будут следовать своим международным обязательствам (ограничивая таким образом свой суверенитет) только до тех пор, пока это отвечает их интересам и суверенитет как таковой является для них наиважнейшим принципом, позволяющим действовать без оглядки на то, что встает на пути реализации этого принципа. Важность же суверенитета для США подчеркивается еще и тем, что их официальные представители постоянно упоминают суверенитет, говорят о его уважении и важности защиты[404].

Стоит сказать и об официальной позиции Соединенных Штатов по вопросу суверенитета в условиях интеграции. Так, Р. Хаас называл интеграционные процессы определенным вызовом для суверенитета, поскольку в таком случае государства делегируют свои суверенные права или

---

[403] Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

[404] См., напр.: CSCE, 12/94 - Departure Statement // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478530 (дата обращения: 29.11.2020); Bosnia Statement. 09/08/1995 // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/23903155 (дата обращения: 28.11.2020); и другие.

объединяют их. Однако США не видели в этом угрозу для существования суверенитета и считали интеграцию позитивным шагом на пути к развитию, отмечая, что суверенными правами можно и нужно поступиться, если это принесет определенные преимущества[405]. Бывший заместитель председателя Национального совета по разведке Г. Фуллер писал о неизбежном ограничении суверенитета государства со стороны международных и наднациональных организаций, указывая, правда, на то, что новообразованные развивающиеся государства с особенным напряжением переживают растущий процесс ограничения своего суверенитета[406]. Б. Клинтон признавал, что возможность государства действовать ограничена суверенитетами других стран[407], что возвращает нас к мысли о том, что суверенитет может быть ограничен и в первую очередь наличием других суверенитетов, в идеале равноправных. США в конечном счете выступают в защиту изучаемого принципа и готовы вмешаться, порой даже с помощью военной силы, в дела других государств для якобы укрепления их суверенитета, о чем не раз заявляли на протяжении 1990-х гг[408]. Однако, если суверенитет стран ограничивается интеграционными процессами, Белый дом будет считать это позитивным явлением и готов несколько отступиться от принципа, в защиту которого выступает в иных ситуациях.

Можно сделать вывод, что позиция трех администраций Белого дома в данном вопросе фактически идентична. Для Соединенных Штатов суверенитет во многом связан с осуществлением политики, отвечающей национальным интересам. США, хотя и признавали суверенитет государства

---

405 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

406 Fuller G. The next ideology // Foreign policy. – March 01, 1995. – P. 151. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

407 Clinton W. The President's News Conference With President Francois Mitterrand of France. March 09, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-with-president-francois-mitterrand-france (дата обращения: 31.01.2018).

408 См., напр.: Bush G. Remarks at Maxwell Air Force Base. Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-maxwell-air-force-base-war-college-montgomery-alabama (дата обращения: 31.01.2018).

несколько ограниченным международным правом, считали искомый принцип превалирующим в сравнении с международными обязательствами и позволяющим не выполнять их в одностороннем порядке.

Стоит отметить, что уже в 2000 г. тема возможного ослабления суверенитета США на фоне участия в различных международных организациях в некоторой степени теряет актуальность в политическом дискурсе, о чем свидетельствует и отсутствие данного постулата в предвыборной платформе как Демократической[409], так и Республиканской[410] партий США. В платформе последней можно наблюдать только уверения в необходимости сохранения и укрепления суверенитета страны, в то время как у демократов есть лишь краткое упоминание важности суверенитета. Таким образом, тема сохранения своего суверенитета была в США на политическом уровне особенно актуальна в основном в связи со вступлением в ВТО, а также с ролью ООН в постбиполярном миропорядке.

Несмотря на все официальные заявления, дискуссия в академических кругах по поводу ограничения суверенитета страны продолжалась на протяжении всего изучаемого периода, и тема суверенитета оставалась крайне актуальной. Профессор Колумбийского университета Д. Ранкопф писал, что наднациональные структуры будут со временем только укрепляться и суверенитет должен быть частично передан государствами этим организациям, что является позитивным трендом, поскольку это упрочит безопасность и процветание в мире. Вместе с тем автор замечал, что особенно остро на ограничение суверенных прав реагируют Соединенные Штаты, которые, например, хотя и принимали участие в создании ВТО, в настоящее время мешают эффективности ее функционирования, произвольно отказываясь от соблюдения Устава организации, некогда во многом ими же и

---

409 2000 Democratic Party Platform // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform (дата обращения: 01.02.2018).

410 2000 Republican Party Platform // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform (дата обращения: 01.02.2018).

разработанного[411]. Старший научный сотрудник Института Брукингса Ф. Гордон писал, что Соединенные Штаты относятся очень ревностно к своему суверенитету (из чего и следует такое нежелание подписывать ряд обязывающих международных договоров и хартий) в отличие от европейских стран, которые потратили последние десятилетия на выработку «привычки» жить в международном сообществе, ограничивая свой суверенитет. Причину разницы в подходах к суверенитету автор видит в том, что США обладают огромной свободой действий благодаря силе и влиянию, поэтому не испытывают большого интереса к механизмам, которые могли бы эту свободу ограничить, в то время как многие европейские страны готовы поступиться суверенитетом именно из-за своей «слабости» и желания укрепить положение путем участия в более крупном наднациональном образовании. Таким образом, Ф. Гордон считает, что именно сила государства является ключевым фактором при принятии решения страной о возможной степени ограничения своего суверенитета[412]. Отметим, что необходимо также учитывать исторический ход развития стран, о которых идет речь. Так, например, Соединенные Штаты не испытали соразмерного ущерба от мировых войн и долгое время придерживались изоляционизма в политике, что также отражается на желании упрочить суверенитет и защитить таким образом, как кажется американцам, свою конституцию. Характерно, что молодые государства, слабые в экономическом, военном и политическом отношении, вопреки концепции Ф. Гордона отстаивают свой суверенитет активнее «старых» стран, поскольку только недавно его обрели.

Профессор Университета Тафтса М. Гленнон писал, что американцы, безусловно, отвергают любую наднациональную власть: трудно представить обстоятельство, побудившее бы Вашингтон разрешить международному правительству, например, ограничивать размер дефицита бюджета США или

---

411 Rothkopf D. In praise of cultural imperialism? // Foreign policy. – June 01, 1997. – P. 45. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

412 Gordon P. Bridging the Atlantic Divide // Foreign affairs. – January/February, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-01-01/bridging-atlantic-divide (дата обращения: 09.04.2018).

контролировать его валюту, как это происходит в Евросоюзе. В связи с этим американцы, как правило, не видят никакого источника демократической легитимности выше национального государства[413]. О суверенитете США размышляют американские ученые и в настоящее время. В частности, С. Патрик пишет, что США должны более внимательно выбирать организации (следовательно, более серьезно относиться к обязательствам, которые на себя берут), чтобы минимизировать опасность для суверенитета. Международные обязательства не ограничивают конституцию государства, а потому не могут лишить государство суверенности[414]. Ограничение суверенитета своего государства до настоящего момента видится многими учеными и политическими деятелями США недопустимым (что входит в противоречие с политикой, проводимой США в отношении других стран).

Консенсуса в этом вопросе в научных кругах, однако, не наблюдается. Так, профессор Университете Эмори Р. Пастор высказывал мнение, что союзы и договоры между государствами, имеющие целью решение общих проблем, не только не ограничивают суверенитет, но и усиливают его, поскольку подобные действия соответствуют интересам государства[415]. Журналист и политолог К. Ито писал, что в связи с переплетенными экономическими интересами в мире частичная утрата суверенитета неизбежна, однако международный экономический совет и торговый суд могли бы сделать это ограничение рациональным и взаимовыгодным для стран[416]. Профессор Дж. Най не видел угрозы для независимости США со стороны международных организаций, оценивая положительно такое

---

413 Glennon M. Why the Security Council Failed // Foreign affairs. – May/June, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iraq/2003-05-01/why-security-council-failed (дата обращения: 13.04.2018).

414 См.: Patrick S. The sovereignty Wars: Reconciling America with the World // Council on Foreign Relations. – January 2, 2018. URL: https://www.cfr.org/teaching-notes/sovereignty-wars (дата обращения: 19.03.2018).

415 Pastor R. The Latin American option // Foreign policy. – September 01, 1992. – P. 124. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

416 Ito K. Trans-pacific anger // Foreign policy. – March 01, 1990. – P. 146. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

сотрудничество. Он писал, что США не хватает как международного, так и внутреннего потенциала для разрешения конфликтов, которые возникают в других государствах, а также для мониторинга транснациональных событий, которые угрожают Соединенным Штатам, поэтому помимо использования военной мощи, они должны мобилизовать международную коалицию для реагирования на общие угрозы и вызовы[417].

Сторонники неизбежности некоторого ограничения суверенитета в попытке примирить ряд авторов в вопросе отстаивания абсолютного суверенитета США и политики вступления страны в международные организации начали активно говорить о теории эволюции принципа. Об этом писал еще Л. Вильдхабер, утверждая, что суверенитет является относительным понятием, которое эволюционирует, приспосабливается к новым потребностям[418]. В итоге некоторые американские исследователи пришли к мнению, что современный кризис суверенитета не уникальное явление в принципе. С. Краснер писал, что признаки кризиса суверенитета следует оценивать как очередной исторический вызов, а состояние нестабильности в международных отношениях достаточно естественно[419]. Автор считал, что суверенитет – это не застывший во времени принцип, он постоянно меняется, а слабое государство может даже его лишиться. И. Валлерстайн полагал, что понятие суверенитета является динамическим по природе и его изменения (циклическая реструктуризация) происходили неоднократно[420]. С. Сассен писала, что изменения, происходящие с суверенитетом, – есть изменения в природе института суверенитета, которые, однако, не приведут к исчезновению этого принципа[421].

---

417 Nye J. U.S. Power and Strategy After Iraq // Foreign affairs. – July/August, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-07-01/us-power-and-strategy-after-iraq (дата обращения: 13.04.2018).

418 Wildhaber L. Op. cit. P. 441.

419 См.: Krasner S. Globalization and Sovereignty // States and Sovereignty in the Global Economy / Ed. by Smith D., Solinger D., Topik S. N.Y., 1999.

420 Wallerstein I. Op. cit.

421 Sassen S. Op. cit.

В попытке осмыслить «новую сущность» несколько ограниченного суверенитета, помимо теории эволюции изучаемого принципа появляется также концепция о возможном делегировании части суверенитета, его разделении или, наоборот, объединении (в похожем ключе высказывался и С. Краснер, формулируя концепцию «долевого суверенитета»). Эта концепция должна была объяснить несоответствие между декларацией руководством США важности суверенитета и абсолютным игнорированием его при вмешательстве в суверенные дела других государств. Например, Д. Джексон писал, что суверенитет нередко, иногда временно и номинально, разделяется или дробится для достижения дипломатического компромисса[422]. Так происходило, например, при администрации Б. Клинтона в ходе урегулирования ситуации на Ближнем Востоке по статусу Палестины (меморандум «Вай Ривер» 1998 г., устанавливающий совместный суверенитет над святыми местами) или «отложенный суверенитет» в Косове. О возможности делегировать полномочия в целях противостояния терроризму, демографическим трендам и глобализации писал и редактор «Ньюсуик» (Newsweek) неолиберал Ф. Закария[423].

На примере политики, проводимой Соединенными Штатами в Ираке в 2003 г., и заявлений президента Буша-младшего можно утверждать, что власти США руководствовались этими теориями, считая, что суверенитет может быть передан с помощью делегирования властных полномочий[424]. Об этом же говорил помощник государственного секретаря США в администрации Б. Клинтона, приводя в пример передачу Гонконгом своего суверенитета Китаю[425]. Также, еще будучи советником по национальной

---

422 Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 788.

423 Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 271.

424 President Bush Discusses Iraq. Op. cit. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (дата обращения: 29.11.2020); Interview of the President by Al Zaman Newspaper // The White House Official Website. President George W. Bush, May 18, 2004. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/05/20040520-13.html (дата обращения: 29.11.2020).

425 Bader J. Op. cit. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/970213_bader_hong_kong.html (дата обращения: 04.07.2019).

безопасности, К. Райс высказывалась о разделении суверенитета, выделяя несколько его типов: «преждевременный суверенитет» (Premature Sovereignty), «своего рода суверенитет» (Sort of Sovereignty), «не настоящий суверенитет» (Not Real Sovereignty), «суверенитет в принципе» (Sovereignty in Principle). Она не уточняла, в чем отличия всех этих типов от «полного» суверенитета, однако на примере Ирака (желание передать суверенитет, а следовательно власть в стране национальному правительству) объясняла, что все они недостаточны для полноценного функционирования государства[426]. В качестве вывода можно отметить, что официальные представители Соединенных Штатов всегда связывали принцип суверенитета главным образом с полнотой и независимостью государственной власти. Подтверждением служит тот факт, что власти США часто отмечали свою приверженность принципу суверенитета государств, заявляя о необходимости его восстановления или защиты.

На рубеже веков считалось, что суверенитет может быть обеспечен извне. Так, по мнению американцев, в отсутствие суверенитета международное сообщество должно помогать государству сформировать институты власти для его обретения. Р. Хаас приводит в качестве примера Восточный Тимор, а также Косово, где ситуация развивалась по этой схеме. Однако при этом не говорится о вероятной потере внешнего аспекта суверенитета и о том, насколько «крепок» суверенитет, построенный извне. Более того, Р. Хаас заявлял, что вмешиваться в таких обстоятельствах необходимо до того, как государство окажется в кризисной ситуации и до его распада, поскольку помощь во втором случае обойдется гораздо дороже[427]. Эта риторика расширяет и оправдывает спектр возможного вмешательства США во внутренние дела других стран под предлогом восстановления их суверенности.

---

426 Rice S. National Security Advisor Briefs Press on President's Trip to United Nations. September 22, 2003 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/national-security-advisor-briefs-press-presidents-trip-united-nations (дата обращения: 01.02.2018).

427 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

Забегая немного вперед, приведем в пример ситуацию в Косове, которая осталась напряженной даже после вмешательства в суверенные дела Сербии, поддержки и признания Соединенными Штатами независимости края в 2008 г. На слабость правительства, медленное экономическое развитие и продолжающиеся межэтнические столкновения в Косове указывала Тина Кайданов, первый посол США в этой стране[428]. О серьезных проблемах с правами человека и системой правосудия, о бессилии парламента и политических партий, коррупции, а также конфликтах на этнической почве сообщалось и в официальном докладе Государственного департамента США о ситуации в Косове от 2009 г.[429] (через год после признания). В подобном ключе высказывались вице–президент США Дж. Байден[430] и К. Райс[431]. Более того, о нескончаемых проблемах с демократическими институтами и сложившейся сложной криминогенной обстановке, угрожающей власти, правда, в отношении уже всех стран, некогда бывших республиках Югославии, говорил на заседании Комитета Сената США по международным отношениям дипломат Д. О'Браян[432]. В подобном духе высказывался член американского Агенства по содействию международному развитию К. Хилл[433]. Таким образом, суверенитет обеспеченный извне не может считаться полноценным.

---

428 Testimony of Tina Kaidanow // US Senate Committee on Foreign Relations. June 19, 2008. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KaidanowTestimony080619p.pdf (дата обращения: 08.04.2017).

429 Bureau of democracy, human rights, and labor. Advancing Freedom and Democracy Reports. // U.S. Department of State Archive. May, 2009. URL: https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/afdr/2009/eur/122912.htm (дата обращения: 28.11.2020).

430 Remarks by the vice president to the assembly of Kosovo // The White House Official Website. President Barack Obama, May 21, 2009. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/remarks-vice-president-assembly-kosovo (дата обращения: 17.11.2020).

431 Rice C. Remarks with Kosovo President Fatmir Sejdiu and Kosovo Prime Minister Hashim Thaci // U.S. Department of State Archive. July 18, 2008. URL: https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/07/107225.htm (дата обращения: 07.04.2017).

432 Testimony of James C. O'Brien // US Senate Committee on Foreign Relations. June 25, 2003. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/OBrienTestimony030625.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

433 Statement by Kent R. Hill // US Senate Committee on Foreign Relations. March 2, 2004. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/HillTestimony0403021.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

В качестве вывода стоит отметить, что суверенитет был и остается исключительно важным принципом в восприятии ученых и политиков в Соединенных Штатах. Именно этим объясняет отказ Сената США от ратификации Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний, нежелание администрации Б. Клинтона подписывать Конвенцию о противопехотных минах и Римский договор, учреждающий Международный уголовный суд, неприсоединение (наравне с Сомали) к Конвенции о правах ребенка и т.п. Договоры же о свободной торговле при условии, что они ограничены только торговлей, США подписывают, исходя из своих интересов. Такое усиление позиций суверенитета своего государства американский ученый П. Спиро (который, в свою очередь, считал некоторое ограничение суверенитета неизбежным) называл «новым суверенитизмом» (New Sovereigntism)[434]. Представители данного направления отмечали, что многие международные договоры разработаны ни перед кем не отвечающими бюрократами и слишком неопределенны для того, чтобы их подписывали США, поскольку это может угрожать свободе государства и конституции. По сути, многие в США были не готовы принять ограничение суверенитета государства, видя почти в каждом договоре угрозу тем или иным постулатам своей конституции, например принятие Международной конвенций по правам человека может нарушить федерализм, а Конвенция о химическом оружии – требование конституции о назначении должностных лиц исполнительной ветвью власти, а не международными органами и т.п. П. Спиро в связи с этим писал, что Соединенным Штатам придется пересмотреть ревностное отношение к ограничению суверенитета международным правом, поскольку иначе они будут играть роль «жалующегося, незарегистрированного члена международной жизни, отказываясь участвовать в процессах, которые тем не менее его связывают»[435]. Стоит отметить, что США все же ограничивают в некоторой

---

[434] Spiro P. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2000-11-01/new-sovereigntists-american-exceptionalism-and-its-false-prophets (дата обращения: 05.04.2018).

[435] Ibidem.

степени свой суверенитет, но при этом более активно говорят о потере суверенитета другими странами или просто нарушают его.

Согласно логике многочисленных высказываний представителей администрации США можно утверждать, что для Соединенных Штатов суверенитет обозначает прежде всего независимость государства и, что особенно важно, полновластие во внутриполитических делах и во внешней политике. Среди важнейших аспектов суверенитета официальные власти США выделяют также границы государства[436]. Таким образом, для американской внешней политики, характеризующейся желанием объединить реализм и идеализм[437], суверенитет – важнейший принцип, который может быть ограничен, но незначительно и, фактически, остается неограниченным. Парадокс в том, что для Соединенных Штатов выгодно развитие международного права и международных организаций в духе времени, поскольку это цементирует их лидирующую роль в мире. Однако при этом США оберегают свой суверенитет, предпочитая не присоединяться ко многим конвенциям, поэтому выбирают в основном свободное членство в гибких структурах, поскольку жесткие рамки могут ограничивать США, входя в противоречия с внутренними институтами и нормами[438].

---

[436] Bush G.W. Remarks on the Middle East. Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-middle-east (дата обращения: 01.12.2019).

[437] Talbott S. Self-Determination in an interdependent world // Foreign policy. – March 01, 2000. – P. 156. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[438] Patrick S. Op. cit. // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

§2. Принцип суверенитета и идея построения «нового мирового порядка» в первой половине 1990-х годов

Дискуссия о принципе суверенитета в американской внешнеполитической мысли обострилась в том числе в связи с проводимой в 1990-х – начале 2000-х гг. Соединенными Штатами политикой. Белым домом был провозглашен так называемый «новый мировой порядок», а также использовались гуманитарные интервенции и другие методы в целях закрепления за собой возможностей и права вмешиваться во внутренние дела других государств. Какой же в связи с этим наступил миропорядок? Прежде всего, современный мировой порядок нельзя охарактеризовать как новый, а скорее как продолжение Ялтинско-Потсдамского, поскольку созданные после Второй мировой войны правила межгосударственного взаимодействия продолжают существовать и поныне[439]. Стоит отметить, что, несмотря на многочисленные теории и концепции («многополярность», «полутораполярность», «постбиполярность», «бесполярность»), возникшие как реакция на переходный период, связанный с распадом СССР, в США доминировала именно теория однополярности. Впервые же о ней по окончании холодной войны заговорил американский политолог Ч. Краутхаммер[440]. В том, что в мире осталась только одна сверхдержава с ним был согласен видный американский ученый Дж. Най, однако, по его мнению, говорить о гегемонии США ввиду существования трех основных центров экономической силы в мире (Япония, Европа и США) и распространения власти через транснациональную зависимость было бы ошибочно[441]. В результате для полноценного изучения внешнеполитической мысли в США по данному вопросу необходимо осветить на каком фоне

---

[439] Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991 – 2016. М., 2016. С. 9.

[440] Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (дата обращения: 11.03.2018).

[441] Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

развивалась полемика, в чем отличие мнений историков и политологов от политики Белого дома на этом этапе.

В первую очередь импульс обсуждению принципа суверенитета придала риторика правительства США о необходимости построения «нового мирового порядка». После окончания холодной войны Дж. Буш-старший в конгрессе заявил, что необходимо строить стабильный демократический мировой порядок, где ключевая роль должна принадлежать Соединенным Штатам. Эта идея позже легла в основу внешнеполитической концепции США, огромная роль в разработке которой принадлежит неоконсерваторам, например, Ч. Краутхаммеру[442]. Он не отрицал возможности того, что в будущем многополярный мировой порядок может сформироваться, но ближайшее мироустройство он характеризовал как однополярное. Ученый считал США державой, у которой в обозримой перспективе не будет конкурентов (Германия и Япония развиты экономически, но то, что экономическая сила неизбежно переходит в геополитическое влияние, иллюзия), а формирующийся миропорядок возможно было обозначить как «псевдомногополярность», поскольку, по существу, великая держава действует в одиночку. Впервые в официальных речах властей фраза о «новом мировом порядке» (New World Order) прозвучала из уст Дж. Буша-старшего 28 февраля 1990 г. В своей речи он отметил, что новый мировой порядок впервые возник не в результате кровопролитной войны, а в результате падения диктатуры, имея в виду реформы, проводившиеся в Советском Союзе, а позднее и его распад[443]. Президент США добавил, что «новый мировой порядок» заключается в «новом партнерстве стран, которое выходит за рамки холодной войны: партнерство на основе консультаций, сотрудничества и коллективных действий, особенно через международные и

---

[442] Krauthammer C. Op. cit. // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (дата обращения: 11.03.2018).

[443] Bush G. Remarks at a Fundraising Dinner for Gubernatorial Candidate Pete Wilson in San Francisco. February 28, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-fundraising-dinner-for-gubernatorial-candidate-pete-wilson-san-francisco (дата обращения: 20.01.2019).

региональные организации»[444]. Одна из ключевых ролей в установлении нового порядка отводилась также и усилиям ООН по поддержанию мира. Среди же основных угроз выделялись вред, наносимый окружающей среде, терроризм, долговые обязательства, международный оборот наркотиков, проблема беженцев[445]. Первым примером построения «нового мирового порядка» стала операция США в Ираке «Буря в пустыне» (2 августа 1990 г. – 28 февраля 1991 г.), которая проходила при поддержке и с санкции ООН, чтобы остановить, как утверждалось, агрессию Ирака. Соединенные Штаты не раз в ходе конфликта заявляли о необходимости защитить суверенитет Кувейта[446]. Так, по словам Дж. Буша-старшего, «действия США в зоне Персидского залива направлены на борьбу с агрессией и защиту принципа суверенитета государства»[447]. В реальности же США начали войну в Персидском заливе, вероятно, по следующим причинам: нефть, необходимость обеспечения порядка в регионе, безопасность и лоббирование войны Израилем[448]. В итоге акция по ограничению суверенитета Ирака (были не только вытеснены иракские войска из Кувейта, но и из Курдистана в апреле – сентябре 1991 г., а также установлены запреты на полеты иракской авиации в северном и южном районах страны) серьезно повлияла на восприятие идей «гуманитарных интервенций» (ставших популярными при президентстве Б. Клинтона) в академическом и политическом сообществе.

---

444 Bush G. Address Before the 45th Session. Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-45th-session-the-united-nations-general-assembly-new-york-new-york (дата обращения: 17.04.2019).

445 Ibidem.

446 Bush G. Message to the Congress on the Declaration of a National Emergency With Respect to Iraq. August 03, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/message-the-congress-the-declaration-national-emergency-with-respect-iraq (дата обращения: 19.06.2019); Bush G. Proclamation 6243—For a National Day of Prayer. February 3, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-6243-for-national-day-prayer-february-3-1991 (дата обращения: 19.06.2019).

447 Bush G. Remarks to Department of Defense Employees. August 15, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-department-defense-employees (дата обращения: 19.06.2019).

448 Maynes C. Dateline Washington: a necessary war? // Foreign policy. – March 01, 1991. – P. 161. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

Постепенно смысл понятия «новый мировой порядок» конкретизировался. Так, 11 сентября 1990 г. (за 11 лет до теракта в Нью-Йорке) Дж. Буш-старший заявил, что «новая эра» станет свободнее от угрозы террора, сильнее в стремлении к правосудию и верховенству права и более успешна в поисках мира. Президент США также отметил, что агрессия Ирака в Кувейте – первый вызов новому миропорядку. Таким образом, администрация США распространяет свое понимание «нового мирового порядка» на весь мир и готова вмешиваться в различные кризисы в других странах для его установления и поддержания[449]. «Новый мировой порядок», как отмечал 41–й президент США, не является отказом от суверенитета страны или утратой национальных интересов, он означает, что его государство, будучи самым успешным, обретает некоторую степень ответственности перед всем миром. Целью же американской внешней политики декларировалось создание новой линии взаимоотношения с другими странами «для сдерживания агрессии и достижения стабильности, процветания и мира».

В итоге уже в 1992–1993 гг. неоконсерваторы в открытую говорили, что мир однополярен, а США превратились в империю. Война же в Персидском заливе 1990–1991 гг. стала первым крупным вооруженным региональным конфликтом эпохи развала биполярной системы и оказала решающее влияние на то, что «после окончания холодной войны в качестве основной угрозы международной безопасности наряду с распространением оружия массового уничтожения и ростом экономической конкуренции в США стали рассматриваться региональные угрозы в виде широкомасштабной агрессии крупной региональной державы»[450]. Концепцию «нового мирового порядка» можно найти у известного политолога З. Бжезинского, который считал, что, поскольку создание

---

[449] Bush G. Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. September 11, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-persian-gulf-crisis-and-the-federal-budget (дата обращения: 01.02.2018).

[450] Степанова Е.А. Военно–гражданские отношения в операциях невоенного типа. М., 2001. С. 21.

мирового правительства невозможно, его функции в современных условиях в состоянии выполнить единственная сверхдержава – США. Именно этому государству надлежит регулировать международные отношения в целях их упорядочивания[451]. Сторонником однополярности также был профессор Школы Вудро Вильсона Принстонского университета Дж. Лич. Он писал, что в складывающемся однополярном мире Соединенные штаты должны быть привержены конструктивному интернационализму (под ним автор понимал нечто среднее между Pax Americana и изоляционизмом), поскольку процветание по-прежнему зависело не от сотрудничества государств, а от готовности США ими руководить[452]. Американский политик и публицист, идеолог крайне правой фракции Республиканской партии и советник нескольких президентов П. Бьюкенен также отмечал, что Соединенные Штаты в 1990 г. были готовы возглавить мир[453]. Важно отметить, что эти теории не оставили места классическому пониманию суверенитета, неизбежно ограничивая его, а согласовывались с разрабатываемыми концепциями «делегированного» или «разделенного» суверенитета, речь о которых шла ранее.

Однако не все были согласны с новой политикой США. Например, директор внешнеполитических исследований Института Катона Т. Карпентер писал, что концепция однополярности – мираж, который скоро исчезнет[454]. О хаосе вместо порядка, вызванном этой концепцией, писал и глава вашингтонского бюро газеты «Гардиан» (The Guardian) М. Уолкер[455]. В похожем ключе высказывались официальные представители власти США,

---

[451] См.: Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

[452] Leach J. A Republican Looks at Foreign Policy // Foreign Affairs. – Summer, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-06-01/republican-looks-foreign-policy (дата обращения: 23.01.2019).

[453] Buchanan P. America First – and Second, and Third // The National Interest. – Spring, 1990. – No. 19. – P. 77.

[454] Carpenter T. Op. cit. P. 34. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

[455] Walker M. The Establishment reports // Foreign policy. – December 01, 1992. – P. 88. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

например член Комитета Сената США по международным отношениям М. Тиссен, который писал, что провозглашаемый «новый мировой порядок» был недемократичен и зачастую о необходимости «десуверенизации» говорят люди, облеченные властью, так как им выгодна однополярность с единым центром принятия решений, мир с одним суверенитетом. Что же касается прав человека, то, как показывает история, проблемы должны решаться изнутри, «снизу, а не с помощью вмешательства извне, которое часто не является объективным»[456]. Известный ученый и политический деятель Г. Киссинджер (разделяя идеи профессора Школы управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета Р. Роузкранса[457]) отмечал, что «в международной системе, для которой характерно наличие пяти или шести великих держав и множество меньших государств, порядок должен в основном формироваться, как и в прошлые столетия, на базе примирения и баланса конкурирующих национальных интересов»[458]. Бывший дипломат не признавал однополюсную структуру мира и подчеркивал, что «Соединенные Штаты на деле оказались не в самом лучшем положении, чтобы в одностороннем порядке определять глобальную международную деятельность»[459]. Безусловно, были и другие противники концепции однополярного мира в Соединенных Штатах (например, Э. Валлерстайн[460], Г. Реймонд и Ч. Кегли[461]), однако в тот момент экспансионистская точка зрения (расширяющая влияние Соединенных Штатов и легшая в основу внешнеполитической стратегии всех последующих администраций страны) превалировала как в научных кругах, так и в правительственных.

---

[456] Thiessen M. Out with the New // Foreign policy. – March 01, 2001. – P. 64–66. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[457] Rosecrance R. A New Concert of Powers // Foreign Affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/new-concert-powers (дата обращения: 23.01.2019).

[458] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 797.

[459] Там же. С. 801, 803.

[460] Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy. – Spring, 1993. – No. 90. – P. 145.

[461] Kegley Ch., Raymond G. A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. N.Y., 1994. P. 195–198.

Таким образом, риторика об установлении нового международного порядка спровоцировала резкое повышение интереса в США (а затем и всего западного мира) и к концепции суверенитета. Но что же такое международный порядок в принципе? Необходимо отметить, что в отечественной науке мало работ, в которых анализируется понятие «международный порядок» или «мировой порядок» и предлагаются определения. Т. А. Шаклеина пишет, что «большинство ученых не дают определение порядка вообще или нового порядка, наступившего после окончания холодной войны, в частности»[462], к ней присоединяется другой отечественный ученый Э. Я. Баталов[463]. Не четко прослеживается разница между терминами «международный порядок», «мировой порядок» и т.д. Так, А. Д. Богатуров различает международный порядок, называя его отношениями, которые складываются между всеми странами мира, и мировой порядок, обозначающий отношения не между всеми странами, а только теми, которые имеют фонд общих этических, моральных ценностей и основанные на них устойчивые нормы взаимного поведения[464]. Существует также мнение, что мировой порядок предполагает уважение к правам человека внутри государства, поэтому международный порядок может существовать и без мирового порядка[465]. Т. А. Шаклеина определяет мировой порядок как систему межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установок; признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушение; потенциала уполномоченных стран или институтов санкции осуществить; политической воли стран – участниц этим потенциалом воспользоваться[466]. Однако большинство ученых

---

[462] Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 37.

[463] Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М., 2005. С. 44.

[464] Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – С. 54.

[465] Теория международных отношений. С. 34.

[466] Шаклеина Т.А. Указ. соч. С. 50.

отождествляет понятия мировой порядок и международный порядок, считая их синонимами.

Если же говорить о месте, которое отводилось суверенитету в рамках новой политики США в 1990-х гг., то следует вспомнить, как на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Дж. Буш-старший определял «новый мировой порядок» как мир, в котором ни одна страна не ограничит ни на йоту свой суверенитет[467]. В последующем Дж. Буш-младший в 2003 г. создаст так называемый фонд для борьбы с «вызовами тысячелетия», который будет, по словам официальных представителей США, помогать различным государствам в стабилизации их экономики и правовой системы, а также, что особенно важно, в укреплении их суверенитета[468]. Однако в реальности ничего из этого не было правдой ни в начале 1990-х, ни в 2000-х гг. Операция «Буря в пустыне» показала, что суверенитет может быть ограничен извне (как в Ираке) и внешняя политика администрации США тех лет может быть охарактеризована как политика удержания сфер влияния и «вычерчивания линий на карте»[469]. То же хочется сказать и об администрации Дж. Буша-младшего в ситуации с введением войск в Ирак в 2003 г. Риторика об установлении «нового мирового порядка» не помешала Соединенным Штатам продолжать укреплять вооруженные силы. Более того, Дж. Буш-старший отмечал, что «новый мировой порядок» требует уделять приоритетное внимание вооруженным силам и созданию сильной армии для защиты американских интересов[470]. Таким образом, «новый мировой порядок» как таковой не подрывает веру американцев в свой суверенитет, который должен быть обеспечен адекватной военной мощью, и этот порядок,

---

467 Bush G. The revival of History. Address by President Bush before the 46th session of the United Nations General Assembly. N.Y., September 23, 1991 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1991. P. 15.

468 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

469 Talbott S. Post-Victory Blues // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1991. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iraq/1992-02-01/post-victory-blues (дата обращения: 09.04.2018).

470 Bush G. Remarks at a Meeting of the American Defense Preparedness Association. July 09, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-meeting-the-american-defense-preparedness-association (дата обращения: 01.02.2018).

по выражению Дж. Буша-старшего, не отменяет того факта, что у США будут враги[471].

Стоит также отметить, что речи о «новом мировом порядке» начали звучать в 1990 г., наиболее активно тема развивалась в 1991 г., а уже в 1994 г. начала исчезать из официальных речей администрации Белого дома. Советники Дж. Буша-старшего говорили, что президент со временем стал меньше употреблять этот термин, поскольку он более не соответствовал тому, что в него вкладывали, в том числе благодаря «новому мировому порядку» должны были утвердиться принципы территориальной целостности, суверенитета и международной стабильности[472]. Возможно также, что эта риторика была призвана увеличить шансы Дж. Буша-старшего на победу на выборах 1992 г. Вместе с тем, часто понятие «новый мировой порядок» увязывалось именно с агрессией Ирака, направленной против Кувейта, в целях представить Ирак страной, мешающей установлению мира свободного и процветающего[473]. Более того, как отчетливо продемонстрировала война в Персидском заливе, Соединенные Штаты были готовы показать всему миру, что в «новом мировом порядке» появился «жандарм», готовый отстаивать военным путем провозглашенные ценности; свою независимость при принятии решений, при этом нарушая суверенитет других стран. Лидерство США в построении «нового мирового порядка» заявлялось достаточно открыто на официальном уровне[474]. Анализируя этот вопрос, Дж. Най писал, что риторика о «новом мировом порядке» в администрации Дж. Буша-

---

[471] Bush G. Teleconference Remarks With the Southern Newspaper Publishers Association. November 19, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/teleconference-remarks-with-the-southern-newspaper-publishers-association (дата обращения: 01.02.2018).

[472] Talbott S. Op. cit. // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1991. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iraq/1992-02-01/post-victory-blues (дата обращения: 09.04.2018).

[473] См., напр.: Bush G. Open Letter to College Students on the Persian Gulf Crisis. January 09, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/open-letter-college-students-the-persian-gulf-crisis (дата обращения: 01.02.2018); Bush G. The President's News Conference on the Persian Gulf Crisis. August 16, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-the-persian-gulf-crisis-2 (дата обращения: 01.02.2018).

[474] Bush G. Remarks at a Meeting Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-meeting-the-american-defense-preparedness-association (дата обращения: 01.02.2018).

старшего была в основном связана с войной в Персидском заливе, поэтому сразу после ее окончания Белый дом стал намного реже говорить об этом. Он отмечал, что в действительности правительство США, несмотря на то что не переставало говорить о «новом мировом порядке», никогда не мыслило сообразно этой концепции[475]. Интересно, что позднее 41-й президент США в мемуарах признал, что «международная арена со всеми пертурбациями остается столь же непредсказуемой, как и в любой предшествующий период истории, и значение американского участия важно как никогда. Если Соединенные Штаты не возглавят этот процесс, то его не возглавит никто»[476].

Несмотря на то что Дж. Буш-старший часто говорил о «новом мировом порядке», он не определял его содержание настолько подробно, чтобы не возникали вопросы к терминологии и концепции. Отношение же к ней было разным. Например, старший научный сотрудник Стэнфордского университета Л. Даймонд поддерживал риторику «нового мирового порядка», считая, что основной целью достижения порядка, который могут установить только США, должно стать создание нового мира демократических государств[477]. Попытку проанализировать свежие веяния во внешней политике США делал и М. Уолкер, который, занимая другую позицию, полагал, что провозглашенный Дж. Бушем-старшим «новый мировой порядок» основан на желании США установить единоличную гегемонию в мире (в частности, Дж. Буш-старший санкционировал ряд военных операций на Филиппинах, в Панаме, Либерии, Сомали, Персидском заливе). Но американская уверенность в своих силах хрупка и может оказаться недолгой. Более того, «новый мировой порядок» в лице США требует от таких стран, как Германия и Япония, покорно следовать в фарватере американской политики, что не оправдано экономическим весом этих

---

475 Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

476 Буш Дж., Скоукрофт Б. Указ. соч. С. 502.

477 Diamond L. Promoting democracy // Foreign policy. – June 01, 1992. – P. 31. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

государств и не говорит об устойчивости и справедливости данного порядка[478]. Исследователь Т. Карпентер утверждал, что политика уважения суверенитета Соединенными Штатами носила избирательный характер. Вашингтон не остановился перед сменой правительства Панамы в 1989 г. (под предлогом защиты демократии), когда это отвечало интересам США. Т. Карпентер в своей статье в «Форин полиси» писал, что для США стало важнейшей задачей установление универсальной демократии во всем мире в своих интересах, даже несмотря на то что подобная политика достаточно часто приводит к нестабильности[479]. Редактор журнала «Форин афферс» У. Хайланд отмечал, что после распада СССР Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, однако они больше никогда не смогут делать всего того, что им захочется[480]. Автор добавлял, что переходный этап, начавшийся с завершением холодной войны, мог продлиться более десяти-пятнадцати лет, и только после этого привести к появлению очертаний нового порядка, как никогда ранее реалистичного. Американский ученый Т. Дайбил также критично относился к концепции «нового мирового порядка», говоря о том, что политика США не изменилась вовсе и новый порядок (с его попытками использовать ООН в интересах одной страны – США) был направлен на сохранение мироустройства старого. Таким образом, Дж. Буш-старший упустил исторический шанс встать в один ряд с Вудро Вильсоном и Франклином Рузвельтом[481]. Дж. Най, в свою очередь, считал, что в системе национальных интересов США после окончания холодной войны можно условно выделить три группы. Первая включает вопросы развития демократии и внешней политики России, международного права и ООН.

---

478 Walker M. Dateline Washington: victory and delusion // Foreign policy. – June 01, 1991. – P. 164. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

479 Carpenter T. Op. cit. P. 28–29. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

480 Hyland W. The Case for Pragmatism // Foreign Affairs. – America and the World Issue, 1991. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-02-01/case-pragmatism (дата обращения: 23.01.2019).

481 Deibel T. Bush's foreign policy: mastery AI/D inaction // Foreign policy. – September 01, 1991. – P. 11. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

Вторая – проблемы стран, представляющих значительную угрозу интересам США (Ирак, КНДР). Третья – международные конфликты, наносящие косвенный урон интересам Соединенных Штатов (Сомали, Босния, Гаити)[482].

«Реалисты» в США видели мировую политику как борьбу между суверенными государствами, которые уравновешивали власть друг друга. А мировой порядок, соотвественно, является продуктом стабильного распределения власти между основными странами. «Либералы», в свою очередь, в традициях Вудро Вильсона и Джимми Картера рассматривали отношения не только между государствами, но и между народами, а мировой порядок, по их мнению, вытекает из общечеловеческих ценностей, таких, как права человека, демократия, международное право и международные институты[483]. И, по утверждению Дж. Ная, проблема администрации Дж. Буша была в том, что она действовала, как Р. Никсон, при этом пользуясь риторикой В. Вильсона и Дж. Картера. Автор писал, что «новый мировой порядок» действительно наступил, но не с войной в Персидском заливе, как утверждал Дж. Буш-старший, а с крахом советского блока в Восточной Европе в 1989 г. В то же время Дж. Най отмечал, что старый мировой порядок – биполярность – обеспечивал стабильность в мире, поскольку конфликты между США, Европой и Японией были сглажены общей военной угрозой, исходящей со стороны Советского Союза, а ряд конфликтов в странах третьего мира был предотвращен или урегулирован, так как сверхдержавы опасались скатиться к ядерной пропасти[484].

Критическая позиция в отношении провозглашения «нового мирового порядка» встречается чаще с приходом к власти Б. Клинтона. Однако были и благожелательно настроенные к политике США. Так, крупный американский ученый, заслуженный профессор Гарвардского университета С. Хоффман, признавая провал установления «нового мирового порядка», поддерживал

---

[482] Nye J. Op. cit. // Foreign Affairs. – July/August, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest (дата обращения: 30.11.2020).

[483] Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

[484] Ibidem.

выдвинутую Дж. Бушем-старшим идею. Он отмечал, что этот порядок должен был быть основан на уважении Устава ООН, коллективном отпоре агрессии и сотрудничестве великих держав. Война в Персидском заливе была единственным торжеством этой мечты[485]. Критическую позицию занимал редактор «Форин полиси» Ч. Майнс. Он писал, что «новый мировой порядок не был обнадеживающим и, судя по обострению ситуаций в ряде регионов, выглядел скорее как «новый кошмар»[486]. Автор считал, что ни вышеобозначенная концепция Дж. Буша-старшего, ни доктрина Б. Клинтона о расширении демократии не являются примерами реактивной дипломатии и, более того, реальные действия администраций США далеко не всегда отвечают заявленным в доктринах. Цель же этих доктрин, по мнению Ч. Майнса, во многом заключалась в том, чтобы отвлечь общественное мнение и поддержать имидж президента[487]. Другой американский эксперт в области международных отношений – К. Лейн утверждал, что многополярность неизбежна и в постбиполярном мире Соединенные Штаты не будут в абсолютной безопасности в однополярной системе. К. Лейн выделял несколько причин, по которым однополярная система обречена: со временем внутреннее положение доминирующей державы начинает ослабевать в связи с тем, что затраты на поддержание превосходства уменьшают экономическую мощь и, следовательно, геостратегические возможности; несбалансированная власть гегемона создает среду, благоприятствующую появлению новых великих держав; вхождение последних в международную систему, в свою очередь, подрывает относительную мощь гегемона и в конечном счете его превосходство[488].

---

485 Hoffmann S. Op. cit. P. 167. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

486 Maynes C. Containing ethnic conflict // Foreign policy. – March 01, 1993. – P. 6. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

487 Maynes C. Bottom-up foreign policy // Foreign policy. – September 01, 1996. – P. 37. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

488 Layne C. American Hegemony – Without an Enemy // Foreign Policy. – Autumn, 1993. – No. 92. – P. 7.

Помощник редактора «Форин полиси» Т. Омстад писал, что Дж. Буш-старший проиграл на выборах еще и потому, что его концепция «нового мирового порядка» оказалась бесцельна и не предлагала путей решения возникающих проблем в постбиполярном мире[489]. В подобном ключе о том, что «новый мировой порядок» обозначал, скорее, глобальный беспорядок высказывался также представитель республиканского большинства в Сенате США Б. Дойл[490].

Критика и обсуждение утопических попыток создать «новый мировой порядок» продолжались и во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Профессор Гарвардского университета С. Хантингтон называл установление «нового мирового порядка» имперским путем развития США. Он писал, что данный путь характеризуется убежденностью в превосходстве Соединенных Штатов и их ценностей над другими странами и народами. Навязывая миру свои представления о добре и зле, США становятся «метрополией всемирной империи». С. Хантингтон при этом отмечал, что данная точка зрения не отвечала реалиям современного мира, поскольку «на карте мира существуют и другие крупные игроки»[491]. Похожую мысль можно найти и у Р. Хааса, утверждавшего, что США не должны сопротивляться многополярности[492]. Другой ученый, директор программы по международным институтам и глобальному управлению в Совете по международным отношениям С. Патрик также являлся приверженцем многополярности, считая, что односторонние действия США не только подорвут доверие союзников к их политике, но и приведут к усилению сопротивления со стороны ряда

---

489 Omestad T. Why Bush lost // Foreign policy. – December 01, 1992. – P. 75. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

490 Dole B. Op. cit. P. 33 // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

491 Huntington S.P. Who are we? The challenges to America's national identity. New Delhi, 2004. P. 364.

492 Haas R. What to do with American primacy? // Foreign affairs. – September-October, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy (дата обращения: 28.09.2018).

государств и ослаблению порядка в мире[493]. В итоге определить глобальную стратегию США после окончания периода биполярного мироустройства можно как «силовое глобальное регулирование с элементами коллективизма (США + НАТО и ЕС) или как гегемония»[494]. Действия Соединенных Штатов во многом определяются как гегемонистские из-за стремления Вашингтона установить порядок без учета интересов других держав, основанный на нарушении суверенитета государств путем силовых форм принуждения. Такая политика, безусловно отвечавшая интересам США, не способствовала стабилизации мировой системы.

Таким образом, можно сделать вывод: риторика об установлении «нового мирового порядка», введенная Дж. Бушем-старшим, подвергалась критике и постепенно исчезала из внешнеполитического дискурса. Большинство американских экспертов усматривали в постбиполярном мире множество проблем, с которыми могут столкнуться Соединенные Штаты. При президентстве Б. Клинтона появилась новая доктрина – «расширения демократии» (о ней впервые заявил советник президента Э. Лейк в сентябре 1993 г.), а позднее (в 1994 г.) – «Стратегия национальной безопасности посредством вовлечения и расширения» (A National Security Strategy of Engagement and Enlargement)[495]. Хочется отметить, что сначала мнения о роли США в мире в администрации Б. Клинтона разделились. Заместитель государственного секретаря П. Тарнофф заявлял, что у Соединенных Штатов нет достаточных сил, влияния и желания использовать военную силу, а экономические интересы диктуют государству отказаться от роли лидера в тех же масштабах, какие были в годы холодной войны[496]. Однако в итоге победила иная точка зрения и в Стратегии национальной

---

493 Patrick S. Op. cit. // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

494 Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М., 2017. С. 69.

495 A national security strategy of engagement and enlargement. July 1, 1994 // National Security Strategy Archive. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-1994/ (дата обращения: 05.03.2018).

496 Шаклеина Т.А. Формирование мирового порядка: новая державная и институциональная полицентричность. Роль США // Ситуационные анализы: Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике: кол. монография / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М., 2017. С. 105.

безопасности США (как 1995 г., так и 1997 г.) применение силы практически не ограничивалось.

В ходе разработки внешнеполитической стратегии при администрации Б. Клинтона ставились задачи укрепления сообщества стран с рыночной экономикой; поощрения и усиления новых демократических государств и обществ, там где это возможно; борьбы с агрессией путем либерализации недемократических стран; поддержки развития демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу[497]. Данная стратегия (над ней работали Э. Лейк, Дж. Рознер, Л. Ферт и Дж. Стейнберг) опиралась на идеи исторической преемственности в американской внешнеполитической мысли, исключительности, сохранения сверхдержавного положения США.

В тексте документа утверждалось стремление защитить суверенитет государств мира. Однако здесь же подчеркивалось, что этот факт не является преградой для вмешательства во внутренние дела при нарушении прав человека. Ярким примером такой политики станет операция «Союзная сила» против Республики Югославия с 24 марта по 10 июня 1999 г., официальная причина которой – этнические чистки албанцев в Косове – вполне укладывалась в новую доктрину. В итоге все теории об «ограниченном» суверенитете находили живой отклик в политике Вашингтона.

Одним из самых ярких последователей такой политики, направленной на поддержание мирового влияния США (в том числе и экономического), была государственный секретарь США М. Олбрайт, при которой США активно осуществляли политику расширения НАТО, прибегали к применению военной силы при решении различных конфликтов, выступали с критикой деятельности ООН. В 1997 г. во время второго срока администрация Б. Клинтона представила «Стратегию национальной безопасности в новом столетии» (A National Security Strategy for a New Century). Идея о необходимости отстаивать и осуществлять свои

---

[497] Шаклеина Т.А. Указ. соч., 2017. С. 71.

суверенные права упоминается в этом документе не один раз. Отмечается также, что США – это государство с глобальными интересами, задача руководства страны – поддержание превосходства во всех сферах: от дипломатической и технологической до военной и индустриальной. Указывается, что для достижения поставленых целей Соединенные Штаты могут действовать как коллективно, так и на односторонней основе, когда это необходимо, а также, что это единственная страна, способная осуществлять мировое лидерство при решении международных проблем. О том, что США будут действовать на многосторонней основе, если это возможно, но самостоятельно, когда это необходимо, заявлял еще в 1993 г. Б. Клинтон в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН[498]. Важное место отводилось экономической политике и деятельности, направленной на распространение американских ценностей и преобразование общества в соответствии с американской моделью демократии[499]. Именно при Б. Клинтоне были заложены философско-теоретические основы политики, которую на практике осуществляла уже администрация Дж. Буша-младшего, что привело США к тупику в Ираке[500]. Таким образом, администрация Б. Клинтона ключевой целью внешней политики заявляла распространение демократии и прав человека в качестве основной ценности в мире. Данные ценности утверждались как часть национальных интересов Соединенных Штатов и самая важная «социальная революция» времени[501]. Готовность США распространять демократию – неотъемлемая черта национальной политики и приверженность этой линии в США достаточно искренна[502].

---

498 Четвертое пленарное заседание в Генеральной Ассамблее ООН. 27 сентября 1993 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/48/PV.4&referer=http://ask.un.org/faq/92218&Lang=R (дата обращения 07.04.2017).

499 A national security strategy for a new century. URL: https://clintonwhitehouse2.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/ (дата обращения: 28.11.2020).

500 Шаклеина Т.А. Критическое направление исследований миропорядка в США // Международные процессы. – М., 2007. – Т. 5. – №3(15). – С. 69.

501 Koh H.H. Remarks, Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C. // U.S. Department of State Archive. January 12, 2001. URL: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2001/010112_koh_carnegie.html (дата обращения: 30.01.2018).

502 Антонович И.И. Указ. соч. С. 240.

В результате, несмотря на постепенный отказ от риторики о «новом мировом порядке», фундаментально внешняя политика США оставалась неизменной и имела целью сохранение лидирующих позиций в мире, что неизбежно порождало и политику вмешательства во внутренние дела других государств, нарушения их суверенитета. Риторика о стремлении к соблюдению прав человека, в свою очередь, станет основной при инициировании военных вмешательств США в тот период. Эта политика стала иллюстрацией распространенных научных теорий о прямой зависимости суверенитета от соблюдения прав человека государством, о чем более подробно речь пойдет в следующем параграфе.

Важно, что государственный секретарь М. Олбрайт и заместитель госсекретаря С. Тэлботт выделили четырехуровневую структуру современного мира: демократические государства с рыночной экономикой (ядро современной международной системы); страны бывшего Советского Союза и Китай, которые пытаются присоединиться к государствам первого уровня; «государства-изгои», включая Иран, Ирак, Ливию и Северную Корею, противостоящие существующей системе; «неудавшиеся государства» (Failed States), утратившие фундаментальные элементы суверенитета, такие, как Босния и Сомали[503] (термин «неудавшиеся государства» был впервые использован американскими учеными Д. Хельманом и С. Ратнером[504] и применялся для обозначения государств, правительства которых не способны эффективно осуществлять свои функции, обеспечивать права и безопасность населения, а также столкнулись с серьезным экономическим кризисом. Эта терминология достаточно быстро стала популярна во внешнеполитической мысли США). Таким образом, для администрации США суверенитет виделся краеугольным камнем существования государства и страны, его утратившие, по сути, вытеснялись на обочину миропорядка.

---

[503] Nacht M. Clinton, a Hammer & a Nail // Foreign policy. – December 01, 1997. – P. 181. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

[504] Helman G., Ratner S. Op. cit. P. 5–11. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

В 1990-е гг. в администрации Соединенных Штатов были особенно сильны позиции так называемых неоинтернационалистов (или, по выражению государственного секретаря М. Олбрайт, это можно назвать «активным многосторонним подходом» (Assertive Multilateralism), считавших, что суверенитет и национализм – важные факторы международной политики и США должны всячески отстаивать эти принципы в целях обеспечения независимости во внешнеполитических вопросах[505]. В целом же, как пишет С. Патрик, четыре фактора диктуют Соединенным Штатам необходимость действовать односторонне: новые стимулы в политике, обусловленные окончанием холодной войны; глубокие опасения по поводу потери американского национального суверенитета; изменения во внутриполитической обстановке, влияющей на решения во внешней политике; возрождение попыток утвердиться в роли уникального лидера в продвижении и защите мирового порядка[506].

У такого внешнеполитического курса США были и противники, как, например, Д. Эбшайр (с концепцией «гибкая стратегия») и К. Лэйн («стратегия свободного балансирования»)[507]. Говорил об ошибочности установления подобной гегемонии США в мире и Дж. Кеннан[508]. Однако их высказывания и концепции считались изоляционистскими и не имели большого успеха. Позднее результатом этой доктрины стало появление концепции «государств-изгоев», или, как их еще называли в США, проблемных государств (States of Concern). Критериями «государства-изгоя» стали: нарушение универсальных прав человека; причастность к международному терроризму; попытки создания оружия массового поражения.

---

[505] Haas R. Op. cit. // Foreign affairs. – January/February, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1995-01-01/paradigm-lost (дата обращения: 12.04.2018).

[506] Patrick S. Op. cit. // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

[507] См.: Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. – 1997. – Vol. 22. – No. 1. – P. 86–124; Abshire D. U.S. Global Policy: Toward an Agile Strategy // The Washington Quarterly. – Spring, 1996. – Vol. 19. – №2. – P. 41–61.

[508] См.: Kennan G. Around the Cragged Hill: A personal and Political Philosophy. N.Y., 1993.

Американский автор Р. Хаас, при анализе политики США 1990-х гг. также выступал с позиции критики, считая, что «новый мировой порядок» администрации Дж. Буша-старшего никогда не работал и внешняя политика в этот период была направлена на взаимоотношения между великими державами и защиту интересов США, которые считались приоритетными. В подходе администрации Б. Клинтона, безусловно, была частичная преемственность политики предшественника (помимо забот об экспорте, правах человека и государственном строительстве), но, по мнению Р. Хааса, ей не хватало структуры. Так, попытку сформулировать общую структуру сделал в послании советник по национальной безопасности Энтони Лейк в 1993 г., который говорил о доктрине расширения демократии. Однако в отличие от того, что было задекларировано на бумаге, доктрина была мало пригодна для решения проблем в Боснии, Ираке, Северной Корее, Руанде или Сомали. Р. Хаас считал, что активное продвижение демократии должно уступить место политике нераспространения ядерного оружия, защиты доступа к нефти, ослабления региональных кризисов и сдерживания потенциальных агрессоров. Главной же особенностью политики США как сверхдержавы в отношениях с другими странами должна стать предсказуемость в целях обеспечения стабильности[509]. Позднее ученый займет пост главы отдела по планированию политики в госдепартаменте США при администрации Дж. Буша-младшего.

С победой Дж. Буша-младшего на выборах внешнеполитическая концепция США по-прежнему была направлена на укрепление лидирующего положения в мире. Еще более жесткий и гегемонисткий характер эта политика приобрела после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Таким образом, с приходом администрации Дж. Буша-младшего и принятием новой стратегической доктрины в 2002 г.[510] Америка решила открыто определять

---

[509] Haas R. Fatal distraction: Bill Clinton's foreign policy // Foreign policy. – September 01, 1997. – P. 112. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

[510] The National security strategy of the United States of America // The White House Official Website. President George W. Bush, September, 2002. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/ (дата обращения: 29.11.2020).

самостоятельно, когда нужно применять силу, где и в каком количестве, не обращая внимания на положения статьи 51 Устава ООН, закрепляющей право на ведение войны только в целях самообороны и при существовании непосредственной угрозы[511]. Новым принципом для Соединенных Штатов стало то, что государства, технически не нарушающие какие-либо международные нормы, могут стать объектами приложения американской силы, если, по определению Вашингтона, у них есть потенциальная возможность причинить вред США и их союзникам (речь, в частности, идет о наличии в недружественных странах оружия массового поражения). В связи с этим утверждалось, что несмотря на то что принцип суверенитета (а значит, невмешательства) официально поддерживался, правительства должны нести ответственность за происходящее внутри их границ. Следовательно, государства, которые будут не способны действовать законопослушно, теряют суверенитет.

Риторика о праве на ведение превентивной войны и оправданности смены режимов была отражением академической дискуссии тех лет о «разделенном» суверенитете и возможности его ограничения. Она также стала продолжением доктрин времен Б. Клинтона, когда суверенитет увязывался с ответственностью государств, а не с их привилегиями. В связи с этим профессор Джорджтаунского университета Дж. Икенберри писал, что, хотя идея «условного» суверенитета не нова, США распространили ее на весь мир, взяв на себя право единолично определять, когда суверенные права утрачены, а когда нет и по каким конкретно причинам[512]. Решения же выносятся исходя из того, насколько в данный момент это соответствует национальным интересам США. Эта риторика нашла отражение в масштабной операции «Несокрушимая свобода», проводившейся во многих точках планеты и стоившей американскому бюджету 584,3 млрд долларов США. При этом шло укрепление суверенитета собственного государства как

---

511 Ikenberry J. Op. cit. P. 377–382.

512 Ikenberry J. America's Imperial Ambition // Foreign affairs. – September/October, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/americas-imperial-ambition (дата обращения: 05.04.2018).

с помощью ведения транснациональной войны с терроризмом, так и путем реализации проекта развертывания противоракетной обороны (ПРО).

Таким образом, результатом прихода к власти Республиканской партии стал еще больший контроль и направленное развитие мирового порядка. В политическом истеблишменте наблюдался раскол на четыре школы мысли: изоляционизм, либеральный интернационализм, «реализм Киссинджера» и гегемонистское, или неоконсервативное, течение (преобладающее). Последнее, в свою очередь, состоит из «суверенитистов», стремящихся защитить суверенитет США от международного права, организаций, договоров, и «гегемонистов», говорящих об отстаивании мощи Соединенных Штатов и проецировании своих ценностей на весь мир[513].

Подводя итог, хочется отметить, что постбиполярная эпоха – это золотое время для экспансии американской военной мощи[514] и укрепления суверенитета США. После окончания холодной войны главной целью каждого правительства Соединенных Штатов стало отстаивание статуса единственной сверхдержавы и, таким образом, сохранение преобладающего положения на долгосрочную перспективу. Это в конечном счете приводит к тому, что США начинают рассматриваться как наибольшая внешняя угроза для остальных государств[515]. Нарушение норм международного права со стороны США было осуждено Европейским Союзом, ООН, Организацией американских государств и ее судебным органом и Межамериканским юридическим комитетом. В подтверждение этого Н. Хомский приводит слова из информационного бюллетеня Американского общества международного

---

513 Hoffman S. Pensees on U.S. Power // Foreign policy. – November 01, 2001. – P. 80–81. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

514 Mandelbaum M. The reluctance to intervene // Foreign policy. – June 01, 1994. – P. 3. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

515 Huntington S. Op. cit. // Foreign affairs. – March-April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (дата обращения: 29.11.2020).

права от марта 1999 г.: «международное право в нашей стране сегодня, вероятно, уважается меньше, чем когда-либо»[516].

В итоге, несмотря на то что в научных и политических кругах в США после окончания холодной войны шли дебаты относительно приоритетности для американской внешней политики одностороннего или многостороннего подхода, администрация Белого дома предпринимала шаги, вызывающие в том числе и у союзников сомнения относительно того, что Вашингтон может и хочет сотрудничать с другими странами (примерами служит нежелание подписывать Конвенцию о правах детей (1989 г.), изменения в Договоре о морском праве (1994 г.), Конвенцию о биологическом разнообразии (1992 г.), Киотский протокол об изменении климата (1997 г.), Конвенцию о запрете противопехотных мин (или Оттавский договор 1997 г.), Римский статут Международного уголовного суда (1998 г.)[517].

Вероятность реального воплощения риторики о «новом порядке», означавшей установление справедливого и стабильного миропорядка, была утопична и не похожа на правду даже в конце XX в., не говоря о XXI в. Аналогично высказывалась журналист «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) Т. Розенберг, которая в 1999 г. (на фоне бомбардировок Югославии) написала, что фраза «новый мировой порядок» ныне воспринимается исключительно с иронией[518]. По словам бывшего директора ЦРУ и министра обороны США Д. Шлезингера, мировой порядок вернется к тому, что существовало до 1939 г., особенно после Первой мировой войны, и будет означать господство национального соперничества, этнической напряженности и силовой политики[519].

---

[516] Хомский Н. Указ. соч. С. 7–8.

[517] Patrick S. Op. cit. // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

[518] Rosenberg T. The unfinished revolution of 1989 // Foreign policy. – June 01, 1999. – P. 95. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

[519] Schlesinger J. New instabilities, new priorities // Foreign policy. – November 01, 1991. – P. 4. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

«Новый мировой порядок» не стал чем-то большим, нежели желаемой доктриной и риторикой Дж. Буша-старшего, вызванной надвигавшимися выборами на пост президента. Последующие администрации практически отказались от этой терминологии. Вместе с тем глобальный вектор политики, заложенный Дж. Бушем-старшим, на установление однополярного мира продолжал проводиться, именно поэтому изучение внешнеполитической мысли в США, касающейся вопросов установления «нового мирового порядка», так важно, как и влияние дискуссий по этой теме на концепцию суверенитета. Стоит отметить, если Дж. Буш-старший искал новый мировой порядок, в котором США будут доминировать, то Б. Клинтон расширял круг друзей, над которыми можно лидерствовать[520]. Обе администрации были настроены поддерживать все политические обязательства и амбиции США, несмотря на то что они были приняты в совершенно иных условиях, стремились как можно дольше удерживать, а также упрочить единоличное лидерство в мире. Администрация же Дж. Буша-младшего, которая сначала пыталась несколько самоустраниться и вмешиваться в кризисные ситуации, как утверждалось К. Райс и Дж. Бушем-младшим, только с позиции государственных интересов (предоставив возможность следить за правами человека крупным региональным державам)[521], столкнулась с проблемой международного терроризма в 2001 г., после чего линия на укрепление суверенитета и принятие односторонних решений только усилилась. Примером служит введение войск в Ирак 20 марта 2003 г. Интересно то, что, нарушая суверенитет Ирака, целью вмешательства США декларировали в том числе и «стремление как можно скорее обеспечить суверенитет иракского

---

[520] Maynes C. A workable Clinton doctrine // Foreign policy. – December 01, 1993. – P. 6. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

[521] Rice C. Campaign 2000: Promoting the National Interest // Foreign affairs. – January/February, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-01-01/campaign-2000-promoting-national-interest (дата обращения: 28.06.2019); The Second Gore-Bush Presidential Debate. October 11, 2000 // Commission on presidential debates. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript/ (дата обращения: 28.06.2019).

народа»[522]. О возможности создания суверенитета на территории «проблемного государства» извне писал в свое время С. Краснер, развивая концепцию «долевого суверенитета»[523], речь о которой шла в первой главе диссертации. Таким образом, здесь перекликаются академическая дискуссия и политическая риторика руководства страны по данному вопросу.

---

[522] Fleischer A. Press Briefing. March 25, 2003 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-ari-fleischer-247 (дата обращения: 19.06.2019).

[523] Krasner S. Op. cit. Princetone, 1999. P. 119.

§3. Право на прямое вмешательство и «гуманитарные интервенции»: фокус дискуссий второй половины 1990-х годов[524]

На современной мировой арене ярким примером нарушения суверенитета и основной причиной его потери рядом стран является политико-правовая ситуация, сложившаяся вокруг права государств на невмешательство в свои внутренние дела. В ходе практически всех конфликтов, происходивших в последние десятилетия, можно было наблюдать, как споры на этнической, языковой, национальной и другой почве внутри отдельных государств приобретали международный окрас, что влекло за собой попрание суверенитета страны – объекта вмешательства.

Стоит также отметить, что изучение природы вмешательства и, как следствие, конфликтов сложно осуществить в рамках одного научного направления, одной теории. Как справедливо пишут отечественные авторы В. И. Блищенко и М. М. Солнцева, подобные исследования нуждаются в консолидации методов различных гуманитарных наук (истории, права, социологии, политологии и т.п.), поскольку каждый из них позволяет изучать различные аспекты конфликта. Под этим подразумевается необходимость использования междисциплинарного подхода[525]. Именно поэтому необходимо проанализировать документы международного права, рассмотреть исторические примеры вмешательства и изучить мнения историков, политологов и политиков, представителей различных школ и направлений, занимающихся проблемой вмешательства, суверенитета и политики США.

Под вмешательством в международных отношениях понимается любое действие, посредством которого один субъект вторгается в компетенцию и прерогативы другого[526]. Дополнить это определение следует

---

[524] В основе параграфа лежит материал научной статьи Катков А.Д. Внешнеполитическая мысль США о суверенитете государства в условиях «гуманитарных интервенций» (1990-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. – Май, 2019. – № 3(37). – С. 129–147.

[525] Блищенко В.И., Солнцева М.М. Указ. соч. С. 14.

[526] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Указ. соч. С. 58.

словами отечественного ученого Е. А. Степановой, утверждающей, что под вмешательством во внутренние дела государства (автор использует термин «интернационализация конфликта») следует понимать «не только вмешательство сил иностранного государства/государств на стороне одного из участников внутреннего конфликта, но и весь комплекс международных усилий по внешнему регулированию конфликта»[527]. Вмешательство является прямым нарушением суверенитета, который включает безусловную внешнеполитическую независимость государства, ограниченную нормами международного права[528]. В Уставе ООН в главе 1 (статья 2, пункт 7) говорится о запрете на вмешательство со стороны ООН во внутренние дела государства[529]. Вместе с тем в Уставе ООН достаточно четко определено, что, если ситуация, сложившаяся внутри государства, угрожает международному миру и безопасности, то она более не расценивается как внутренние дела государства, и реакция ООН на них не будет считаться вмешательством (глава 1, статья 2, пункт 7)[530]. Согласно действующему международному праву только Совет Безопасности ООН имеет право это определять (глава 7, статья 39)[531]. Так было, например, во время американской операции в Сомали, военной акции в Восточном Тиморе, операции «Буря в пустыне», операции в Афганистане – все эти миссии опирались на решения СБ ООН. Однако ученые спорят о легитимности и эффективности подобных операций. Отечественный автор О. О. Хохлышева утверждает, что миротворческие миссии, проводимые ООН, не нарушают суверенитет государства, если вмешательство осуществляется по просьбе хотя бы одной из сторон конфликта. Коалиционное же миротворчество не является легитимным с точки зрения Устава ООН и массированное применение военных сил

---

[527] Степанова Е.А. Указ. соч. С. 29.

[528] Левин И.Д. Указ. соч. С. 72.

[529] Устав ООН. Указ. соч.

[530] Там же.

[531] Там же.

способствует только дальнейшей эскалации конфликта[532]. Но существует множество примеров, когда вмешательства происходили не под эгидой ООН. Безусловно, самым ярким является силовая операция НАТО в Югославии, когда Организация Североатлантического договора действовала формально вне рамок международного права и зоны своей ответственности. Совет Безопасности 26 марта 1999 г., в свою очередь, де-факто одобрил бомбардировку Югославии, когда отверг проект резолюции России о приостановке военной операции в Восточной Европе. В связи с этим интересно выступление в 1999 г. представителя китайской делегации на 4011 заседании СБ ООН (по вопросу Косово) Ш. Гофана, который говорил, что «этнические проблемы в том или ином государстве должны решаться его собственным правительством и народом на основе проведения глубоко продуманной политики. Их нельзя использовать в качестве оправдания вмешательства извне, и уж тем более недопустимо их использование иностранными государствами для оправдания применения силы»[533]. Однако представители некоторых стран утверждают, что интервенция возможна без одобрения со стороны СБ ООН, но только при экстремальной ситуации, несущей угрозу массовой гибели мирного населения, и в случае, когда решения СБ ООН блокируются правом вето или угрозой его применения. В такой ситуации страна, планирующая интервенцию, сама определяет, является ли положение экстремальным, а степень ее авторитетности и незаинтересованности остается под вопросом. Эта теория, получившая название гуманитарного вмешательства[534], сводится по большому счету к тому, что для государства безопасность человека становится важнее национальной безопасности, и для ее обеспечения оно считает правомерным принудительно вмешаться в ситуацию, опираясь на различные статьи о правах человека в международных документах.

---

[532] Хохлышева О.О. Указ. соч. С. 80.

[533] Предварительный стенографический отчет Совета Безопасности ООН. 4011-е заседание от 10 июня 1999 года. S/PV.4011 // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.4011 (дата обращения: 03.02.2019).

[534] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Указ. соч. С. 59–60.

Таким образом, несмотря на безусловную значимость для мира гуманитарного права, факт его существования не означает, что этим узаконивается война и подвергается сомнению принцип ее запрещения, о чем отчетливо говорится в преамбуле Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям[535]. В большинстве случаев как таковые вмешательства во внутренние дела других государств конца XX – начала XXI в. только усугубляли ситуацию, и международному сообществу еще предстоит выработать ответы на вызовы, которые ставит внутренний конфликт, подвергшийся интернационализации[536].

Нельзя не отметить тот факт, что на официальном уровне США декларируют также важным установление демократии в различных странах (поскольку считается, что только демократическое государство может рассматриваться как полноценное). Так, заместитель государственного секретаря США в администрации Б. Клинтона С. Тэлботт писал о важной роли принципа суверенитета в современном миропорядке, одновременно отмечая, что наиболее успешно вмешательству во внутренние дела могут противостоять именно демократические государства, поскольку они способны не только не отрицать, но и использовать в своих интересах такие факторы, как, например, права человека, местное представительство в регионах, и другие[537].

Результатом стало появление так называемой теории конфликтов низкой интенсивности (политико-военная конфронтация между противоборствующими государствами, не доходящая до уровня обычной войны), которая активно применялась на практике Соединенными Штатами и объединяла различные формы участия в локальных конфликтах: антипартизанская деятельность, поддержка лояльных движений, в том числе партизанских, борьба с терроризмом, операции по поддержанию мира и тому

---

[535] Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М., 2003. С. 15.

[536] Степанова Е.А. Указ. соч. С. 35.

[537] Talbott S. Op. cit. // Foreign policy. – March 01, 2000. – P. 159–161. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

подобное[538]. Данная теория, популярная в США в 1980-х гг., после распада биполярности в 1990-е гг. была пересмотрена и эволюционировала в концепцию «операций невоенного типа» (терминология подчеркивала гуманитарный и миротворческий характер подобных акций), которая была применена в Боснии, Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе и т.п.

В рамках данной концепции было сформировано понимание «гуманитарных операций», которые имели следующую классификацию: помощь при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях; помощь беженцам и внутренне перемещенным лицам; обеспечение безопасности гуманитарной деятельности; техническая поддержка, не связанная с непосредственной военной необходимостью. Эти виды, за исключением операций, направленных на помощь при стихийных бедствиях, могли потенциально нарушать суверенитет государства. Если же наблюдалось нарушение прав человека, то суверенитет государства переставал выступать в роли «защитника» от вмешательства во внутренние дела[539]. Хотя, безусловно, причинами начала самих операций подобного рода часто были политические мотивы. Например, высокопоставленный сотрудник администрации Р. Рейгана Джин Киркпатрик утверждала, что не существует другой сферы деятельности ООН, которая была бы так сильно подвержена политизации, как права человека[540]. После же вмешательства США часто говорили о том, что суверенитет государства необходимо восстановить[541] и упрочить, как это было в ситуациях в Ираке, Восточном Тиморе или Косове. В результате конечной целью гуманитарной операции

---

538 Степанова Е.А. Указ. соч. С. 40.

539 Tucker R., Hendrickson D. The Sources of American Legitimacy // Foreign affairs. – November/ December, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-11-01/sources-american-legitimacy (дата обращения: 13.04.2018).

540 U.S. Participation in the UN // Report by the President to the Congress for the year 1981. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, March 1993. – P. 188.

541 President Bush Discusses Iraq. Op. cit. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (дата обращения: 29.11.2020); Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

являлось восстановление того самого суверенитета, который и был «уничтожен» этим самым вмешательством.

В 1990-е гг. Соединенные Штаты активно участвовали в различных конфликтных ситуациях по всему миру. В частности, в качестве примеров можно привести операцию «Буря в пустыне» (1991 г.), конфликт в Сомали (1991 – 1994 гг.), вмешательство (хотя и не прямое) в политический кризис в Анголе (1992 г.), Боснийскую войну (1992 – 1995 гг.), операцию «Поддержка демократии» на Гаити (1994 г.), бомбардировки Судана и Афганистана (1998 г.) «Безграничный охват» (операция, проведенная в ответ на атаку американских посольств в Кении и Танзании, стала предтечей не столько гуманитарных интервенции Б. Клинтона, сколько доктрины упреждающих ударов Дж. Буша-младшего) и операцию «Лиса пустыни» совместно с Великобританией против Ирака в 1998 г. (серия авиаударов по сомнительным, с точки зрения США и Великобритании, объектам на территории Ирака, которые могли использоваться для производства химического оружия). Кульминацией же такой политики и характернейшим примером гуманитарной интервенции в 1990-х гг. стала бомбардировка Югославии без санкции СБ ООН.

В итоге новшеством в политике США и очередным вызовом для концепции суверенитета стала появившаяся в 1990-х гг. риторика во внешнеполитическом дискурсе США о принципе гуманитарной интервенции. Гуманитарная интервенция – это применение или угроза применения государством (или группой государств) силы за пределами своих границ с целью предотвратить или остановить широкомасштабные и серьезные нарушения основополагающих прав лиц, не являющихся его гражданами без согласия страны, на территории которой применяется сила[542]. Отечественные авторы также предприняли попытку дать определение этому феномену. А. Д. Богатуров и В. В. Аверков понимают под ним «операции одного или нескольких государств для предотвращения или прекращения массовых

---

[542] Holzgrefe J.L. The humanitarian intervention debate // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003. P. 18.

нарушений прав человека в форме силового вмешательства в дела другого государства или в военный конфликт»[543]. Сам же термин «гуманитарная интервенция» впервые встречается у У. Халла в книге, изданной в 1880 г., «Трактат международного права» и обозначает вмешательство в условиях широкомасштабного попрания права[544]. В итоге такая политика не была чем-то новым для 1990-х гг., но окончательно оформилась и начала наиболее активно обсуждаться в академических и политических кругах США именно в этот период. Однако оказание гуманитарной помощи осложнялось тем, что в некоторых случаях слабость или отсутствие центрального правительства серьезно затрудняло деятельность международных гуманитарных организаций (Сомали, Ангола, бывшая Югославия, Ирак). Другим обстоятельством, ограничивающим получение гуманитарной помощи (ровно как и проведения гуманитарной интервенции), является суверенитет государства, в этом случае невозможна помощь населению без согласия на это правительства страны[545].

Логика концепции «гуманитарной интервенции» заключается в том, что авторитарные режимы, «государства-изгои» и «несостоявшиеся государства» – это источники опасности по причине нарушения прав человека, геноцида и поддержки международного терроризма, в результате чего суверенитет подобных государств должен быть существенно ограничен. Ограниченный же суверенитет позволяет США применять против таких государств в том числе и военную силу. В результате в период президенства Б. Клинтона власти США пользовались силовыми методами во внешней политике 84 раза. Самые яркие примеры – Сомали и Югославия. Стоит отметить, что выделяются также так называемые комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации, которые в отличие от чрезвычайных ситуаций или гуманитарных кризисов сочетают военные действия, массовые

---

543 Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008. М., 2010. С. 391.

544 Кузнецова Е.С. Указ. соч., 2013. С. 58.

545 Степанова Е.А. Указ. соч. С. 33.

перемещения людей, резкое ухудшение эпидемиологической ситуации, голод и т.п., что сопровождается нарушениями прав человека[546].

При этом в ряде стран гуманитарная ситуация после вмешательства США не изменилась. Сомали США продолжают оказывать финансовую помощь, которая главным образом направлена на гуманитарную поддержку населения[547]. Это же можно было сказать до 2005 г. (после основной статьей расходов стала поддержка государственности) и об Афганистане – одном из мировых лидеров по получаемой финансовой помощи от Соединенных Штатов[548]. В Косове же, несмотря на то что США признали независимость края 18 февраля 2008 г. (на следующий день после ее провозглашения)[549], основное количество средств выделялось Соединенными Штатами (вплоть до 2018 г.) на поддержку государственности[550]. Таким образом, признание Косово – это пример того, как страны могут предоставить суверенитет маленькому образованию, с плохо организованным правительством, окруженному потенциально враждебными соседями. С. Краснер в связи с этим утверждал, что единственная разница между Южной Осетией, также имеющей проблемы с государственными институтами, и Косово заключается в интересах других стран[551]. В Ираке США с 2003 г. тратили беспрецедентное

---

546 Там же. С. 30.

547 USAID international development agency // USAID Official site. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/SOM?fiscal_year=2002&measure=Disbursements (дата обращения:19.06.2019).

548 Ibid. // USAID Official site. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/AFG?fiscal_year=2001&implementing_agency_id=2&measure=Disbursements (дата обращения: 19.06.2019).

549 Bush G.W. Letter to President Fatmir Sejdiu of Kosovo Recognizing Kosovo as an Independent and Sovereign State. February 18, 2008 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/letter-president-fatmir-sejdiu-kosovo-recognizing-kosovo-independent-and-sovereign-state (дата обращени: 03.03.2018).

550 USAID international development agency. Op. cit. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/CS-KM?fiscal_year=2009&implementing_agency_id=2&measure=Disbursements (дата обращения: 19.06.2019).

551 Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 23. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

количество денег на становление государственности[552], которую сами же и разрушили в ходе военного вмешательства, спровоцировав гуманитарную катастрофу в регионе. Эффективность же государственной власти во всех этих странах оценивается со знаком минус[553]. Под эффективностью правительства обычно понимают фактическое обладание государственной властью, которая должна быть независимой, самостоятельной и жизнеспособной[554].

Концепция гуманитарных интервенций обострила дискуссию о суверенитете настолько, что многие американские ученые стали вкладывать совсем иной смысл в это понятие, поскольку для них оно превратилось из принципа, дающего определенные прерогативы, в принцип обязывающий. Причины того, что борьба за права человека нарушает законный принцип невмешательства в том, что усилилось внимание к правам человека в мире, а также в том, что после окончания холодной войны и распада коммунистического блока в мире наблюдался больший, чем когда-либо, консенсус относительно того, как должен быть устроен государственный порядок[555]. Стимулом для утверждения указанного понимания суверенитета на практике и в теории международного права стало одобрение ООН вмешательства во внутренние дела Боснии и Сомали, санкции против установившегося режима в Руанде. Дж. Най писал, например, что решение СБ ООН о санкциях против геноцида в Руанде создает прецедент того, что принцип суверенитета не обязательно должен учитываться при

---

552 USAID international development agency. Op. cit. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/CS-KM?fiscal_year=2009&implementing_agency_id=2&measure=Disbursements (дата обращения: 19.06.2019).

553 ForeignAssistance.gov – The U.S. government's main tool for improving transparency in U.S. foreign assistance spending // Foreign Assistance Official site. URL: https://www.foreignassistance.gov/analyze/wizard (дата обращения 19.06.2019).

554 Международное публичное право / Отв. ред. К.А. Бекяшев. М., 2003. С. 124.

555 Mandelbaum M. Op. cit. // Foreign policy. – June 01, 1994. – P. 6–14. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

вмешательстве во внутренние дела государства[556]. Свою роль сыграла поддержка Организацией американских государств интервенции США на Гаити, а также операция НАТО в Косове. В ходе последней Сербия заявляла о своем суверенном праве на территорию Косова, однако администрация Б. Клинтона сконцентрировалась на том, что Сербия незаконно отказывает Косову в обретении известной степени автономности[557], вмешиваясь таким образом во внутренние дела другого государства и попирая его суверенитет. При этом отдельно отмечалось, что принцип суверенитета не может быть оправданием для нарушения прав человека[558]. Авторы М. Байерс и С. Честерман в связи с этим писали, что интервенция в Косово противоречила постулатам международного права, и ни в одной резолюции, касающейся Косова, не шло речи о возможности применения силы по гуманитарным соображениям[559]. Подобная ситуация опасна еще и потому, что, если право на невмешательство прописано в Уставе ООН, то кто устанавливает факт нарушения прав человека, не ясно. Этот вопрос вызывает острые дискуссии, поскольку остается основная проблема: СБ ООН часто не может выработать однозначного решения, а искренность отдельных стран в том, что они бескорыстно защищают права человека, вызывает определенные сомнения.

Возможность нарушения суверенитета под предлогом гуманитарной интервенции признавалась в 1990-е гг. многими англоязычными учеными, которые зачастую видели в этом исключительно положительную сторону[560]. В теории гуманитарная интервенция получила своего рода обоснование с

---

556 Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

557 Clinton W. The President's News Conference. Op. cit. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1217 (дата обращения: 31.01.2018).

558 Berger S. Press Briefing by National Security Advisor. April 18, 1998 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-national-security-advisor-sandy-berger-16 (дата обращения: 31.01.2018).

559 Byers M., Chesterman S. Changing the rules about rules? // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003. P. 181.

560 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 10–14.

развитием принципа «суверенитета личности». Данное понятие связывается с возрастающим влиянием международных организаций, защищающих права человека, а также с готовностью некоторых держав всячески поддерживать их усилия. Таким образом, все, что входит в сферу «суверенитета личности», оказывается вне суверенитета государства. В связи с этим можно привести слова Генерального секретаря НАТО Х. Солана: «Мы движемся к системе международных отношений, в которой повседневные права человека и права меньшинств более важны, чем суверенитет»[561]. По сути, данная концепция пытается легализовать вмешательство во внутренние дела других государств, поскольку без юридического и политического обоснования оно будет воспринято как прямая агрессия.

Сторонников гуманитарного вмешательства, для которых принцип суверенитета был отодвинут на второй план, было подавляющее большинство, поскольку спорить с их мнением о том, что права человека должны доминировать, в том числе и в отношениях между государствами, достаточно сложно и некоторым даже покажется неэтично.

Так, еще до того как указанная концепция окончательно оформилась на государственном уровне в США, ее начали разрабатывать историки и политологи. Например, американский ученый Д. Шеффер (посол по вопросам военных преступлений во время второго президентского срока Б. Клинтона) отметил, что государство должно выполнять свои обязательства не только перед другими странами, но и перед собственным населением, в противном случае оно должно быть готово к интервенции на своей территории[562]. Американские исследователи, профессор университета Брауна и сотрудник ООН Дж. Чопра, а также профессор университета Нью-Йорка Т. Вайс писали, что гуманитарные интервенции (или, как они их называют, «гуманитарная поддержка») должны восприниматься не как феномен, нарушающий суверенитет государства, а как мера, «дополняющая и

---

[561] Пастухова Н.Б. Указ. соч. С. 68–69.

[562] Scheffer D. Toward a Modern Doctrine of Humanitarian Intervention // University of Toledo Law review. – Winter, 1992. – Vol. 23. – P. 262–263.

обеспечивающая суверенитет»[563]. В подобном ключе высказывались журналист «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) Ф. Льюис[564], авторы Г. Хельман и С. Ратнер[565], ученый С. Стедман[566], отмечая, что миру необходимо отказаться от принципа абсолютного суверенитета и принять возможное вмешательство в свои внутренние дела по гуманитарным соображениям.

При президенте Б. Клинтоне обсуждение концепции гуманитарных интервенций и ее влияния на принцип суверенитета усилилось. Возможность нарушения суверенитета под предлогом гуманитарной интервенции признавалась многими учеными, которые видели в этом исключительно положительную сторону, отмечая, что механизм и процедура применения прав человека и гуманитарных стандартов остаются неразработанными[567]. Американский ученый С. Сассен, делая попытку проанализировать гуманитарное вмешательство, писала, что гуманитарное право приобретает наднациональный характер и подрывает тем самым суверенные права государств[568]. Таким образом, по ее мнению, национальность перестает быть принципом, укрепляющим суверенитет, и превращается в принцип, подчеркивающий, что государство подотчетно всем своим жителям на основе международного права[569]. Она считала, что суверенитет государства во многом зависит от соблюдения прав граждан, что, безусловно, существенно ограничивает внутренний аспект суверенитета. В статье в «Форин полиси»

---

563 Chopra J. Weiss T. Sovereignty is no longer sacrosanct: codifying humanitarian intervention // Ethics and International Affairs. – March, 1992. – Vol. 6. – P. 108.

564 Lewis F. The «G-7½» directorate // Foreign policy. – November 01, 1991. – P. 27. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

565 Helman G., Ratner S. Op. cit. P. 5–11. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

566 Stedman S. The New Interventionists // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1993-02-01/new-interventionists (дата обращения: 11.04.2018).

567 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 10–14.

568 Sassen S. Op. cit. P. 46.

569 Ibid. P. 49.

ученый Д. Шеффер достаточно категорично утверждал, что благодаря учрежденным Советом Безопасности ООН международным трибуналам (например, по Боснии и Руанде) международное гуманитарное право превалирует относительно внутренней юрисдикции[570]. Профессор международного права Йельского университета М. Ризман, оправдывая вмешательство США в ситуацию на Гаити в 1994 г., писал, что в современном мире важен суверенитет народа, а не такого абстрактного понятия, как государство. По его мнению, если законно выбранное правительство свергается и другая страна вмешивается в ситуацию, чтобы остановить государственный переворот, то чей же в таком случае нарушается суверенитет, кроме как суверенитет восставших[571]. Однако возникает справедливый вопрос: является ли режим, широко поддержанный народом, хоть и установленный революцией, менее законным, чем тот, который был установлен благодаря вмешательству внешних сил[572].

Представители ООН также высказывались в духе концепции гуманитарных интервенций. Так, еще в апреле 1991 г. Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр заявил, что традиционные прерогативы государственного суверенитета необходимо пересмотреть в свете изменения общественного отношения к тому, что защита угнетенных во имя морали должна преобладать над границами и юридическими документами[573]. Эти слова Генерального секретаря ООН, безусловно, подрывают авторитет суверенитета, как и международного права в принципе. Стремление ООН быть во главе этого процесса и отношение к нему иллюстрируют также слова Кофи Аннана, который, будучи Генеральным секретарем ООН, говорил, что

---

570 Scheffer D. International Judicial Intervention // Foreign policy. – March 01, 1996. – P. 37. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

571 Reisman W.M. Haiti and the Validity of International Action // American Journal of International Law. – January, 1995. – Vol. 89. – P. 83.

572 Shahabuddeen M. The conquest of Grenada. Sovereignty in the Periphery. Georgetown, 1986. P. 200.

573 Evans G. Cooperative security and intra-state conflict // Foreign policy. – September 01, 1994. – P. 8. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

принцип суверенитета не является краеугольным, если речь идет о нарушении прав человека[574]. Он утверждал, что суверенитет предполагает не только права, но и ответственность, включая ответственность за защиту граждан от геноцида или других массовых нарушений их прав. В случае если государство не способно выполнять эти функции, ответственность переходит к международному сообществу, которое при необходимости должно быть готово к осуществлению принудительных мер, санкционированных Советом Безопасности ООН[575].

Таким образом, многие сторонники гуманизма (мировоззренческая позиция, согласно которой человек является высшей целью общественного развития), в том числе и Генеральный секретарь ООН К. Аннан, рассматривают права человека как один из столпов, поддерживающих новый либеральный порядок. Этот порядок должен быть построен, чтобы, как они считают, заполнить вакуум, возникший после подрыва принципа суверенитета глобализацией. Такой порядок должен базироваться главным образом на расширяющемся включении основных прав человека в международное право.

Стоит отметить, что именно ООН отводится ключевая роль в контроле над соблюдением прав человека. Однако, безусловно, вмешательство во внутренние дела государства даже со стороны СБ ООН должно быть подчинено международно признанным критериям. Ими могут быть, например, случаи массового страдания населения, вызванные либо естественными причинами (природные катаклизмы, техногенные катастрофы и т.п.), либо явным нарушением прав человека в результате боевых действий или репрессий со стороны власти. Вмешательство, особенно с использованием военного контингента, также должно сопровождаться широкой поддержкой международного сообщества и только в случае, когда

---

574 Briefing to the Pool by Senior Administration Official. April 24, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/briefing-the-pool-senior-administration-official (дата обращения: 01.02.2018).

575 Annan K. Op. cit. // Foreign affairs. – May/June, 2005. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2005-05-01/larger-freedom-decision-time-un (дата обращения: 12.04.2018).

другие способы разрешения исчерпаны. О важности принятия решений именно в рамках ООН говорили, например, исследователи М. Байерс и С. Честерман[576], а также ученый Джорджтаунского университета Д. Стромсет[577].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. принцип господства прав человека над суверенитетом фактически доминировал в академических кругах США (во всех теоретических парадигмах), а также в политических. Б. Мендельсон писал, что причиной вмешательства в суверенные дела государства может быть только международная защита прав и свобод человека в том или ином государстве[578]. Эту точку зрения разделяли и американские ученые Института Брукингса Р. Коэн и Ф. Денг[579]. О нарушении права на невмешательство высказывался и Ф. Фукуяма, утверждавший, что США могут вмешиваться в кризисную ситуацию и брать под свой контроль те страны, которые, по их мнению, так или иначе угрожают их безопасности либо безопасности третьих государств, и принцип суверенитета не является этому помехой[580]. Х. Ханнум также считал, что гуманитарная интервенция должна превалировать над принципом невмешательства и территориальной целостности[581]. Заслуженный профессор Университета штата Мэриленд Т. Гурр писал, что согласно новому либерализму принципы гуманизма более приоритетны по сравнению с суверенитетом государства и современная международная система, таким образом, включает три составляющие: государства; этнические движения; региональные и международные организации, которые

---

576 Byers M., Chesterman S. Op. cit. P. 202.

577 Stromseth J. Rethinking humanitarian intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003. P. 271.

578 Mendelson B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. – 2005. – Vol. 31. – №1. – P. 61.

579 Cohen R., Deng F. Exodus within Borders: The Uprooted who Never Left Home // Foreign affairs. – July/August, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-07-01/exodus-within-borders-uprooted-who-never-left-home (дата обращения: 05.04.2018).

580 Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 165–167.

581 Hannum H. Op. cit. // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

все чаще регулируют отношения между двумя первыми. Автор, однако, признавал, что государства остаются основными субъектами мировой политики и великие державы в меньшей степени подвергаются угрозе нарушения суверенитета путем вмешательства из-за защиты прав меньшинств (например, политика Китая в Тибете)[582].

Мнения академических кругов о гуманитарной интервенции и суверенитете государства, естественно, разделялись официальными представителями американской власти. Государственный деятель при администрации Дж. Буша-младшего Р. Хаас писал, что принцип суверенитета на протяжении 350 лет способствовал порядку, препятствовал вмешательству, которое очень легко могло привести к конфликтам и нестабильности. Однако в последние полвека отношение к суверенитету менялось, и в настоящее время это понятие стало условным, связанным с тем, как государство относится к своим гражданам. В итоге необходимо более широкое признание измененного понимания суверенитета и поддержка конкретных мер вмешательства[583]. Соединенные Штаты в использовании гуманитарного вмешательства могут быть ограничены только в случаях, когда ситуация не критическая или у Америки недостаточно партнеров для осуществления такой политики, а также в случае, когда другие крупные державы выступают против американского вмешательства[584]. Д. Хелмс, будучи председателем комитета Сената США по международным отношениям, в свою очередь, писал, что, несмотря на то что суверенитет должен быть уважаем как принцип, власти стран, нарушающих права человека на своей территории (автор приводил в пример С. Милошевича, Ф. Кастро и С. Хусейна), не могут ссылаться на него в попытке противостоять вмешательству в свои внутренние дела. Д. Хелмс также добавлял, что США как суверенное государство не должны искать одобрения своих действий по вмешательству в подобные

---

582 Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane // Foreign affairs. – May/June, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/ethnic-warfare-wane (дата обращения: 13.04.2018).

583 Haas R. Op. cit. // Foreign affairs. – September/October, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy (дата обращения: 28.09.2018).

584 Ibidem.

ситуации со стороны ООН, поскольку «свободные нации, подвергшиеся гонениям тиранов, не должны ждать, пока помощь для них будет одобрена международным институтом и такие действия США законны по своей природе»[585].

Для представителей верховенства гуманитарного права суверенитет больше не являлся инструментом организации международного порядка, а скорее, ограничивал необходимые международные действия. Концепция гуманитарного вмешательства ведет, по сути, к тому, что понятие суверенитета относится более не к государству, а к человеку.

Дискуссия о гуманитарных интервенциях активно продолжалась и во время президенства Дж. Буша-младшего. Например, о том, что необходимо пересмотреть принцип суверенитета для того, чтобы он не противоречил необходимости вести международный коллективный контроль за правами человека и нераспространением оружия массового поражения писали Л. Файнстайн и А. Слоутер, утверждающие, что гуманитарная защита в XXI в. должна стать руководящим принципом для международного сообщества[586]. А. Слоутер добавляла, что «традиционные концепции суверенитета не способны выразить сложность современных международных отношений»[587]. В том же духе высказывались заслуженный профессор Принстонского университета Р. Фолк[588] и американские авторы С. Хоффман[589] и Л. Стори[590]. Постпозитивист, профессор Университета штата Флорида Ф. Тесон также считал, что государство, нарушающее права

---

585 Helms J. Op. cit. // The National Interest. – December 01, 2000. – №62. – P. 31.

586 Feinstein L., Slaughter A. A duty to prevent // Foreign affairs. – January/February, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2004-01-01/duty-prevent (дата обращения: 05.04.2018).

587 Slaughter A.M. Op. cit., 2004. P. 266–267.

588 Falk R. Human rights // Foreign policy. – March 01, 2004. – P. 24. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

589 Hoffman S. Classic Diplomacy in the Information Age // Foreign affairs. – July/August, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2001-07-01/classic-diplomacy-information-age (дата обращения: 09.04.2018).

590 Storey L. Humanity or Sovereignty. A Political Roadmap for the 21st Century. N.Y., 2006. P. 102–103.

граждан, не имеет права прятаться за словами о незыблемости суверенитета и невмешательстве во внутренние дела. И поскольку права человека – это права индивидуумов как таковых, они не зависят от истории, культуры и национальных границ[591]. Таким образом, соблюдение прав человека, по мнению автора, должно стать доминантой и определять не только эффективность государства, но и право на невмешательство со стороны других стран. «Легитимное государство» (соблюдающее права человека) имеет право использовать любую политику, включая военное вмешательство, для того, чтобы защитить граждан «нелегитимного государства»[592].

Удобным теоретическим обоснованием для гуманитарных интервенций стали и теории о «разделенном» суверенитете. Профессор Принстонского университета Р. Кеохейн писал, что у проблемных государств, в отношении которых и применяется, как правило, интервенция, суверенитет должен быть разделен согласно теории С. Краснера[593]. Такие страны, по мнению ученого, не обязательно должны иметь «вестфальский суверенитет», защищающий от вмешательства во внутренние дела, им, скорее, нужен «международный правовой суверенитет» и «внутренний суверенитет». Разделение понятия суверенитета дает возможность получить различные уровни суверенности, что позволит избежать однозначных трактовок о его наличии или отсутствии. Автор также отмечал, что подобное понимание суверенитета не уничижает его значение как принципа и государство остается центральным субъектом отношений[594]. Таким образом, Р. Кеохейн говорит о «разделенном» суверенитете вслед за С. Краснером, который писал, что не все части суверенитета могут присутствовать у государства одновременно. Гуманитарные интервенции, конечно, могут нарушать внешний суверенитет, но их следствием в то же время может быть

---

591 Teson F.R. The liberal case for humanitarian intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. Cambridge, 2003. P. 94.

592 Teson F.R. Op. cit., 2005. P. 59.

593 См.: Krasner S. Op. cit. Princeton, 1999. P. 9–25.

594 Keohane R. Op. cit., 2003. P. 276–277.

укрепление или восстановление внутреннего суверенитета государства[595]. Концепция разделенного суверенитета позволит, по мнению Р. Кеохейна, более эффективно решать вопросы, возникающие после интервенции, и в таком случае государство не будет считаться несостоятельным или не суверенным, если его внешний аспект суверенитета фактически отсутствует. Идеальной автор видел ситуацию, в которой некая действующая на многосторонней основе региональная организация по сути контролирует внешние отношения между государствами и регулирует их, лишая их внешнего суверенитета, однако все остальные аспекты у стран остаются, и конфликтов таким образом, по мнению автора, между странами будет меньше (Р. Кеохейн в подтверждение приводит ЕС)[596]. Однако современное состояние ЕС отчетливо показывает, что наличие подобной организации не устраняет все проблемы между государствами – членами и, более того, страны сохраняют в рамках организации различный уровень внешнего суверенитета.

Вызов суверенитету можно проследить также в концепции, получившей название «Ответственность за защиту» (Responsibility to Protect), которая разработана в 2001 г. комиссией Эванса – Сахнуна (названная по именам бывшего министра иностранных дел Австралии Г. Эванса и специального советника Генерального секретаря ООН того периода М. Сахнуна). В документе указывалось, что споры о применении силы в гуманитарных целях проистекают из разницы между реальностью человеческих страданий и существующими нормами и механизмами в мировом порядке. Отмечалось, что государства обязаны вмешиваться в дела других стран для предотвращения или прекращения гуманитарных кризисов. Г. Эванс утверждал, что борьба за права человека важнее права на невмешательство во внутренние дела[597]. Несложно догадаться, что члены комиссии считали принцип суверенитета устаревшим, поскольку государство,

---

[595] Ibid. P. 286.

[596] Ibid. P. 298.

[597] Evans G. True Believer // Foreign policy. – March 01, 2001. – P. 28. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

по их мнению, отныне переходило в подчиненное положение и оно больше не имело права на что-то, а «должно было» и «несло ответственность», причем не только за свои действия, но и за бездействие. Комиссия считала, что ответственность за защиту населения лежит не только на отдельных государствах, но и на всем международном сообществе в лице ООН. И если государство не способно обеспечить права человека на своей территории, то ответственность переходит на межнациональный уровень и обеспечение прав человека извне должно быть осуществлено, даже если это нарушает суверенитет государства. Итогом документа стал следующий постулат: когда население страдает от серьезного вреда в результате внутренней войны, мятежа, репрессий или государственной несостоятельности, а государство, о котором идет речь, не желает или не может остановить или предотвратить этот вред, принцип невмешательства уступает место принципу международной «ответственности за защиту»[598]. Несмотря на то что в данном документе заложена позитивная попытка обеспечить права людей во всем мире, особенно в связи с участившимися в 1990-е гг. гуманитарными катастрофами, в реальности государства не пойдут на такое резкое сокращение своих прав, на существенное ослабление своего суверенитета и превращение себя практически в объект политики.

Г. Эванс и М. Сахнун, уточняя свою позицию в статье в «Форин афферс», писали о том, что суверенитет подразумевает двойственную ответственность: внешнюю (уважение к суверенитету других государств) и внутреннюю (уважение достоинства и основных прав граждан). Таким образом, авторы фактически говорили об ограничении суверенитета, используя термин ответственности[599]. Исследователи указывали на то, что военное вмешательство извне во внутренние дела государства возможно только тогда, когда населению этой страны угрожают крупномасштабные потери, фактические или ожидаемые, которые являются результатом

---

[598] Responsibility to Protect. Op. cit.

[599] Evans G., Sahnoun M. The Responsibility to Protect // Foreign affairs. – November/December, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-11-01/responsibility-protect (дата обращения: 05.04.2018).

преднамеренных действий государства, его небрежности или неспособности разрешить ситуацию, а также когда населению угрожает этническая чистка. Систематическая расовая дискриминация или политический гнет должны быть причиной внешнего экономического, политического или юридического вмешательства, но не военного. Сила может быть применена только в случае, если исчерпаны все средства давления, если военное вмешательство ведется пропорциональными средствами, если существуют разумные шансы на успех всей операции (последствия действия не должны быть хуже последствий бездействия) и население страны поддерживает вмешательство. Идеализм Г. Эванса и М. Сахнуна состоит в том, что, хотя они и признавали, что даже вмешательство на многосторонней основе не обязательно гарантирует, что страны не преследуют свои интересы, однако они считали, что основным мотивом вмешательства должен быть альтруизм. По их мнению, даже несмотря на то что военные меры не смогут быть применены против самых мощных стран (поскольку это приведет к еще большей нестабильности), это не означает исключения крайних мер вовсе[600]. Также остается открытым вопрос, как быть со вмешательством во время гражданской войны, когда права человека не соблюдаются вовсе, а оценить существует ли угроза геноцида и принять решение о вмешательстве, учитывая все последствия, очень проблематично.

Несмотря на то что комиссия Эванса – Сахнуна (официальное название «Международная комиссия по интервенции и государственному суверенитету» (International Commission on Intervention and State Sovereignty) закончила работу в 2001 г., изложенные в ней идеи, безусловно, оставались актуальными. Особенно в числе прочих поддерживало выработанные положения правительство Канады (главный «спонсор» комиссии) в лице премьер-министра Ж. Кретьена и министра иностранных дел Л. Аксворти (пытающихся вести курс на более активную вовлеченность Канады в международные дела). Они прикладывали немало усилий для претворения

---

[600] Ibidem.

этих идей в жизнь (однако после победы на выборах консервативной партии во главе со С. Харпером в 2006 г., риторика о «международной ответственности за защиту» резко исчезает из речей официальных представителей Канады, что явилось прямым указанием кабинета не использовать «наследие Либерального правительства»[601]). Своеобразной кульминационной точкой в попытке закрепления данной теории стал 2005 г., когда на Всемирном саммите под эгидой ООН главы 150 государств поддержали итоговый документ, включая пункты 138 и 139, напоминающие по сути положения концепции «Ответственность за защиту». В указанных пунктах не затрагивается тема суверенитета, однако делается акцент на ответственности стран за обеспечение прав человека на своей территории и необходимости международного сообщества принимать меры для содействия государствам в выполнении данных обязательств. Отдельно отмечается, что все меры по защите прав человека должны осуществляться в соответствии с Уставом ООН и через Совет Безопасности ООН[602]. Постепенно концепция «Ответственность за защиту» теряла актуальность, найдя некоторое развитие в рамках деятельности организации «Международная коалиция по ответственности за защиту» (International Coalition for the Responsibility to Protect) со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Эта структура объединяет ряд неправительственных организаций в целях укрепления нормативного консенсуса в отношении изложенных положений и стимулирования усилий по предотвращению и пресечению преступлений против человечности.

Таким образом, вышеизложенная концепция – итог изучения данного вопроса академическим сообществом США в 1990-е гг., а также результат политики Белого дома в этот период. Р. Хаас отмечал, что суверенитет – это ответственность государства (эту позицию разделяли и другие американские

---

[601] A piece by journalist Michelle Collins examines Canadas role in RtoP and its promotion. 22 April, 2009 // Official site of the International coalition for the responsibility to protect. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/index.php/component/content/article/134-americas/2315-the-embassyhas-canadas-r2p-aboutface-come-too-late (дата обращения: 25.03.2019).

[602] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи 60/1, 16 сентября 2005 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения 25.03.2019).

исследователи[603]). Ответственность заключается в выполнении основополагающих обязательств государства как перед населением страны, так и перед международным сообществом. Р. Хаас писал, что когда тот или иной политический режим не выполняет эти обязательства или злоупотребляет прерогативами, он рискует утратить суверенные привелегии, как и, что показательно, иммунитет перед вооруженным вторжением. Таким образом, Соединенные Штаты получают индульгенцию на применение силы, если другая страна не способна обеспечить права своего населения и существует угроза геноцида; поддерживает международный терроризм или не может с ним справиться на своей территории (данная трактовка появляется после терактов 11 сентября 2001 г.); представляет угрозу международной безопасности (например, создавая ядерное оружие)[604]. Такие действия Соединенные Штаты называют исключительно «самообороной».

В научных кругах США в 1990-е – начале 2000-х гг. мнение об ослаблении суверенитета и его подчиненном положении по отношению к гуманитарному праву являлось заметным трендом. Так, профессор права Нью-Йоркского университета Т. Франк отмечал, что принцип суверенитета должен принять неизбежный глобальный триумф прав человека, так как он предопределен в геноме научно-технического прогресса и необходимо только ускорить данное явление, поскольку ожидание в этом случае безнравственно. Однако Т. Франк замечал, что гуманитарная интервенция противоречит не только суверенитету государства, но и некоторым культурам (например, исламской), для которых глобальный канон о правах человека воспринимается как угроза самоидентификации и как угроза со стороны «западной» системы права[605]. Редактор «Уолл-стрит джорнэл» (The Wall Street Journal) М. Бут утверждал, что суверенитет никогда не был

---

[603] См., напр.: Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 2.

[604] Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

[605] Franck T. Are Human Rights Universal? // Foreign affairs. – January/February, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2001-01-01/are-human-rights-universal (дата обращения: 09.04.2018).

абсолютным и страны на протяжении истории постоянно нарушали суверенитет друг друга. Отличие же современной ситуации в том, что великие державы подрывают суверенитет других не ради аннексий или по причине национальной безопасности, а по гуманитарным мотивам[606]. Автор явно заблуждался в мотивах ведущих стран, поскольку даже США не раз говорили о национальных интересах и безопасности, вмешиваясь во внутренние дела государств по всему миру. Так, заместитель госсекретаря США в 1994–2001 гг. и личный друг Б. Клинтона С. Тэлботт, отмечая лидирующую роль США в соблюдении прав человека, писал, что, поддерживая глобализацию и развивая демократию и региональную интеграцию, Соединенные Штаты одновременно продвигают свои ценности и интересы[607]. В итоге в 1990-е гг. многие американские ученые и политики доказывали, что окончание холодной войны привело к росту взаимопонимания, что суверенитет и легитимность более не могли дароваться де-факто.

В качестве результата интереса к гуманитарным интервенциям стоит рассматривать то, что некоторые ученые, занимавшиеся в США проблемой суверенитета в 1990-е – начале 2000-х гг., были приглашены на работу в администрацию Дж. Буша-младшего для выработки, как утверждает профессор Университета Темпл П. Спиро, антиинтернациональной программы[608]. Это вылилось в том числе в то, что отношение к международному праву стало снисходительным и пришло понимание о том, что его нормы не должны распространяться на Соединенные Штаты.

Однако концепция гуманитарного вмешательства остается несовершенной, хотя с этим были согласны только немногочисленные

---

606 Boot M. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2000-03-01/paving-road-hell-failure-un-peacekeeping (дата обращения: 05.04.2018).

607 Talbott S. Op. cit. // Foreign policy. – March 01, 2000. – P. 159–161. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

608 Spiro P. What Happened to the «New Sovereigntism»? // Foreign affairs. – July 28, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-07-28/what-happened-new-sovereigntism (дата обращения: 04.04.2018).

западные исследователи. Президент Совета по международным отношениям Л. Гелб и профессор Колумбийского университета Дж. Розентал писали, что в рамках концепции гуманитарного вмешательства остается нерешенным ряд вопросов. Например, представляется сложным определить в некоторых случаях, чьи конкретно права следует защищать, как обеспечить права меньшинств на территории великих стран, если последние их нарушают, и кто возьмет на себя огромные расходы, которые требуются при оказании данной помощи и следовании такой политики в целом[609]. По мнению профессора Университета Джорджа Мейсона Т. Лайонса и профессора Дартмутского колледжа М. Мастандуно, несмотря на то что баланс между правом на суверенитет и возможностью на вмешательство сдвигается в пользу последнего, слишком рано говорить о том, что международное сообщество отошло от вестфальского по сути понимания суверенитета и кардинально изменило свое отношение к этому принципу. Более того, сложно не замечать возрастающее сопротивление многих стран внешнему вмешательству в свои суверенные дела[610]. М. Мандельбаум, в свою очередь, справедливо полагал, что вмешательство по гуманитарным соображениям неизбежно преследует политические цели. Автор подчеркивал, что гуманитарное вмешательство США носит избирательный характер (например, поддержка Боснии и фактическое поощрение распада Югославии, содействие целостности Сомали и отказ в помощи курдам на севере Ирака) и превращается таким образом в политическое давление на слабые страны со стороны сильных, в чем нет ничего нового[611]. В подобном ключе высказывался и бывший заместитель государственного секретаря США в 1981–1989 гг. Э. Абрамс[612]. Гуманитарные операции, правда, не с позиции их

---

609 Gelb L., Rosenthal J. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-05-01/rise-ethics-foreign-policy-reaching-values-consensus (дата обращения: 03.07.2019).

610 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 17.

611 Mandelbaum M. Op. cit. // Foreign policy. – June 01, 1994. – P. 3–18. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

612 Abrams E. To fight the Good Fight // The National Interest. – March 01, 2000. – №59. – P. 70–77.

легитимности, критиковал и неоконсерватор Ч. Краутхаммер, который в 1999 г. сказал, что «их время пришло и ушло». Он утверждал, что гуманитарная интервенция, будучи проектом администрации Б. Клинтона, требует больших жертв и усилий, которые не соответствуют ее целям, что порождает противоречия внутри страны, поскольку не ясен государственный интерес в операциях подобного рода. Более того, вооруженное гуманитарное вмешательство не способно исправить ситуацию в регионе, пока этого не захотят сами стороны конфликта[613]. И если последнее утверждение Ч. Краутхаммера справедливо, то мысль об отсутствии выраженного государственного интереса представляется несколько наивной.

Другой видный американский ученый С. Краснер считал, что борьба за права человека не является фактором, нарушающим суверенитет государств, поскольку подобные права закреплены в Уставе ООН одновременно с правом на невмешательство во внутренние дела[614]. Он отмечал, что универсальность, придаваемая правам человека, подрывает принцип суверенитета, равно как и некоторые действия США и их союзников в мире. Однако при этом провозглашение государствами своего права на суверенные действия осложняет решение ряда международных проблем (как, например, конфликт между Израилем и Палестиной, напряжение между Тибетом и Китаем). Отказ от жесткой позиции в отношении обязательности «полного» суверенитета способен помочь государствам и народам достичь согласия (как это произошло во взаимоотношениях Китая и Гонконга, когда последнему были предоставлены широкие права автономии, в некоторой степени ограничивающие суверенитет Китая над этой территорией, хотя юридически Гонконг – это часть Китая)[615]. Следует отметить, что гуманитарные интервенции серьезным образом нарушают и ограничивают виды суверенитета, выделенные С. Краснером. «Внутренний суверенитет»

---

[613] Krauthammer C. Op. cit. // The National Interest. – September 01, 1999. – №57. – P. 5–8.

[614] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 22. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[615] Ibid. P. 26–28.

ограничивается, по причине того, что поводом для вмешательства становятся события внутри государства; «вестфальский суверенитет», так как подразумевает невмешательство во внутренние дела государства; «международный правовой суверенитет», поскольку косвенно вмешивающиеся страны не признают страну-объект вмешательства равной себе; «суверенитет взаимозависимости», так как начало гуманитарной операции подразумевает, что государство не может справиться с внутренней ситуацией. В итоге гуманитарные интервенции могут практически полностью отрицать даже «разделенный» суверенитет, являясь серьезнейшим вызовом для этого принципа.

Суверенитет же как таковой остается наиважнейшей нормой международного права. Так, Г. Киссинджер писал, что резкий отказ от концепции суверенитета повлечет за собой отказ от любого понятия порядка, юридического или любого другого[616]. В результате, несмотря на теорию гуманитарной интервенции и в некоторой степени вопреки ей, многие государства современности укрепляют свой суверенитет, поскольку только таким образом возможно обеспечить свою безопасность при желании сохранить независимость в политике. И чем больше суверенитет государства рушится под напором глобализации или гуманитарного вмешательства и борьбы с терроризмом, тем больше государства цепляются за то, что им остается[617].

Рассмотрев внешнеполитическую мысль в США по вопросам суверенитета и гуманитарных интервенций в динамике, можно с уверенностью утверждать, что постулат о том, что государство теряет суверенитет, если нарушает права человека на своей территории, был популярен в 1990-е гг. Однако в конце XX в. еще оставались немногочисленные ученые, подвергающие данную теорию критике.

---

[616] Kagan R. America's Crisis of Legitimacy // Foreign affairs. – March/April, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-03-01/americas-crisis-legitimacy (дата обращения: 11.04.2018).

[617] Hoffman S. Clash of Globalizations // Foreign affairs. – July/August, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-07-01/clash-globalizations (дата обращения: 05.04.2018).

С началом же нового тысячелетия мысль о законности гуманитарной интервенции становится превалирующей, достигнув пика с разработкой концепции «Ответственность за защиту», которая ставит суверенитет государства в откровенную зависимость от соблюдения прав человека. В итоге суверенитет государства связывается Соединенными Штатами с обязательствами, с ответственностью, и этот принцип не абсолютен и имеет свои границы[618].

***

Биполярная система, несмотря на то что может охарактеризоваться как стабильная, не исключала возникновения множества региональных конфликтов, число которых достигло пика (25 войн) во второй половине 1980-х гг. Их характерной чертой была косвенная или прямая связь с противоречием двух соперничающих блоков. Но после окончания холодной войны количество конфликтов резко увеличилось (36 крупных конфликтов в 32 районах в 1989 г.; 30 конфликтов в 25 странах мира в 1995 г.; 27 конфликтов в 25 точках в 1999 г.), значительная часть была вызвана распадом СССР и Югославии, ростом этнических и религиозных противоречий в африканских странах (Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, Эритрея массово столкнулись с насильственным вмешательством во внутренние дела в 1990-х гг., что случалось редко в эпоху холодной войны[619]), а также напряженной ситуацией на Ближнем Востоке и в Южной Азии[620].

Все администрации США после холодной войны видели целью сохранение статуса сильнейшего государства независимо от того, использовалась ли риторика о «новом мировом порядке» или нет. В результате Соединенные Штаты осуществляли активную внешнюю политику, вмешиваясь во внутренние конфликты различных стран мира.

---

618 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

619 Lawson L., Rothchild D. Op. cit. P. 228–235.

620 Блищенко В.И., Солнцева М.М. Указ. соч. С. 28–30.

Чтобы оправдывать подобные действия, зачастую проводимые в нарушение международного права, было введено понятие гуманитарных интервенций, благодаря которым США пытались закрепить за собой право нарушать суверенитет других стран под предлогом защиты прав человека.

Концепция суверенитета столкнулась с серьезным вызовом в лице этих гуманитарных интервенций 1990-х – начала 2000-х гг. Соединенные Штаты были заинтересованы в урегулировании далеко не каждого конфликта, в том числе и в целях защиты прав человека, происходившего в 1990-е гг., и подходили к этому вопросу с известной долей избирательности. Например, активно участвуя в урегулировании ситуации в Боснии, США практически полностью игнорировали конфликты в Кении, Чаде, Перу, турецком Курдистане[621]. Это свидетельство того, что риторика заботы о гуманитарном положении того или иного региона зачастую является лишь предлогом для упрочнения своих прав за счет попрания суверенитета другого государства. Кульминационной же точкой, после которой гуманитарные интервенции стали фактически возможны независимо от одобрения ООН и вопреки международному праву, стало вмешательство во внутренние дела Югославии и бомбардировки в Косове в 1999 г. Однако в случае с Косово Соединенные Штаты не перешли к прямой вооруженной интервенции, ограничившись, по выражению отечественного ученого Е. А. Степановой, скорее, «карательной операцией против Югославии», что является свидетельством накопленного опыта, в некоторой степени негативного, в результате «гуманитарных интервенций» США в Сомали или НАТО в Боснии в 1990-х гг[622]. Если говорить о легитимности, то операция в Косове стала предвестником введения войск в Ирак в 2003 г., поскольку все более Соединенные Штаты вели линию на укрепление суверенного права действовать независимо. Условия же для силового вмешательства со стороны США следующие: нарушение в регионе прав человека и возможность геноцида; поддержка

---

[621] Степанова Е.А. Указ. соч. С. 34.

[622] Степанова Е.А. Указ. соч. С. 102.

терроризма или неспособность его победить; угроза международной безопасности, например создание ядерного вооружения[623].

В результате в зарубежных исследованиях конца XX – начала XXI в. суверенитет, оставаясь принципом присущим государству, все чаще связывался не с правом или привилегией, а обозначал ответственность государства за благосостояние своего народа и соблюдение его прав[624].

Помимо конкретных политических шагов Вашингтон стремился пересмотреть принципы и нормы международного права, в том числе Устав ООН, в духе необходимости легитимизации гуманитарных интервенций. Простейшим объяснением такой политики, безусловно, является то, что США поддерживают правила и международные институты тогда, когда могут доминировать в мировой политике и манипулировать ими в своих интересах и сопротивляются, когда подобное невозможно. Однако суть еще и в том, что Соединенным Штатам выгодно прибегать к помощи международного права и организаций, поскольку это порой помогает США контролировать другие государства, не растрачивая своих ресурсов на использование силы, тем более, что подобный подход служит долгосрочным интересам государства, «запирая» страны в рамках вынужденного сотрудничества в международных институтах[625]. США продолжают наращивать свои институциональные связи с другими государствами (что выгодно и малым странам, не имеющим ресурсов на защиту без существования международных договоренностей), ратифицируя все больше соглашений (примерно в 150 многосторонних договорах участвовали США в 1950 г.; в 400 договорах – в 1980 г. и уже в 600 – в 2000 г.)[626].

Парадокс же заключается в том, что Соединенные Штаты, являясь лидером в создании многосторонних международных институтов и правил,

---

623 Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

624 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 9, 27.

625 Ikenberry J. Op. cit. // Current History. – November, 2003. – Vol. 102. – Issue 667. – P. 377–382.

626 Ibidem.

одновременно продолжают последовательную политику сопротивления принятию жестких обязательств, сохраняя тем самым свободу действия. США, поддерживая в 1919 г. создание Лиги Наций и разрабатывая принципы ее работы, в 1945 г. – ООН, в 1989 г. – расширение НАТО; подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле, конференции Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и ВТО, одновременно сопротивлялись ограничению своего суверенитета, отказываясь от вступления в Лигу Наций, в Международную торговую организацию в 1947 г. и в последнее время игнорируя участие в Международном уголовном суде, Киотском протоколе по глобальному потеплению, Договоре о запрещении ядерных испытаний[627]. США пытаются действовать на односторонней основе, однако для достижения целей им необходима многосторонность, следовательно, и международное право, и организации. Соединенные Штаты продолжают отстаивать незыблемость своего суверенитета, а любые его ограничения могут быть сняты (международные договоры могут быть расторгнуты), если того потребуют государственные интересы США.

[627] Ibidem.

Глава III. Векторы эволюции суверенитета государств в оценках американских экспертов (1990-е годы – начало XXI века)

§1. Суверенитет в эпоху глобализации: основные проблемы и противоречия[628]

В постбиполярный период интерес к принципу суверенитета стабильно растет. Его изучают и ученые, и политики, и журналисты. Значимость суверенитета подчеркивал известный отечественный автор А. Д. Богатуров, отмечавший, что, несмотря на большое количество работ о «размягчении» суверенитета, «сильные» государства продолжают свой суверенитет отстаивать, равно как и новообразованные страны на Балканах, Кавказе и в Центральной Азии[629]. Существенная часть дискуссий (при этом самых острых) о суверенитете касается вопроса его дальнейшего развития и в конечном счете возможности его существования в будущем. Так, английский исследователь Д. Хелд указывал на четыре основных вызова суверенности: международные структуры; глобальная экономика; международное законодательство; военно-политические союзы[630]. Отмечая справедливость выделенных Д. Хелдом вызовов, хочется акцентировать внимание на основных для большинства историков и политологов на рубеже веков. Государственный суверенитет ограничивается, с одной стороны, процессами глобализации и интеграции, деятельностью транснациональных компаний, с другой – участившимся ростом требований различных народов права на самоопределение (и как следствие, появление новых, в том числе непризнанных, государств). Дискуссии в американском научном сообществе по этим ключевым для суверенитета темам будут проанализированы в настоящей главе.

---

[628] В основе параграфа лежит материал научной статьи Катков А.Д. Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико–академической дискуссии) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – №1. – С. 61–78.

[629] Современная мировая политика. Прикладной анализ. Указ. соч. С. 19.

[630] Ноженко М.В. Указ. соч. С. 140.

Однако прежде чем перейти к вопросу о соотношении суверенитета и набирающего неумолимую силу процесса глобализации хочется напомнить, что, поскольку различным суверенитетам приходится взаимодействовать друг с другом, это первое серьезное ограничение абсолютной независимости действий (следовательно, абсолютного суверенитета). Причем это ограничение существовало всегда, а значит, суверенитет, даже в период абсолютных монархий, никогда абсолютным не был. Таким образом, явно ограничивает суверенитет то, что, так как все государства в идеале равны, соответственно, суверенитет одной страны перестает действовать там, где начинается суверенитет другой. С. Краснер в связи с этим писал, что, несмотря на существующие правила, уважение к суверенитету (а значит, его ограничение), зависит от решений правительства. Они могут признавать или нет другие государства, вмешиваться во внутренние дела друг друга или пойти на определенные компромиссы. Единственным уважаемым всеми суверенитетом является «международный правовой суверенитет», поскольку он соответствует интересам большинства государств[631]. В результате суверенитет как таковой, по сути, позволяет странам в достаточно произвольной форме трактовать нормы международного права и в межгосударственных отношениях зачастую действует право сильного. Факт того, что суверенитет в большей степени ограничен наличием других суверенитетов, а не чем-то иным, был неоспорим.

«Новый мировой порядок», создание которого было прокламировано Соединенными Штатами в 1990-х гг., складывался в условиях глобализации – заметной тенденции в мировом развитии, превратившейся в политическую и социальную реальность, с которой необходимо считаться. А. Д. Богатуров определяет глобализацию как «процесс разрастания в масштабах планеты наднациональной сети-оболочки отношений асимметричной взаимозависимости между всеми субъектами международного взаимодействия – включая государства, а также межгосударственных,

631 Krasner S.D. Op. cit. Princeton, 1999. P. 7.

надгосударственных и негосударственных игроков»[632]. В свою очередь, В. В. Михеев понимает глобализацию как этап развития человечества, который пришел на смену периоду холодной войны, базируется на достижениях современной информационно-коммуникационной и технологической революции и сопровождается распространением в мире модели безопасности, основанной на компромиссном мышлении[633].

Глобализация, являясь сложным, неоднозначным и нелинейным процессом, – одна из наиболее дискуссионных тем в научных исследованиях. Мир, в котором протекает глобализация, имеет совершенно особенные характеристики, поскольку показывает переход от производства товаров к производству услуг, организации системы образования, проведению исследований[634]. Решающий же вклад в становление современной глобальной системы внесли информационные и коммуникационные технологии. Термин глобализация появился в 1983 г., когда американский ученый Т. Левитт обозначил им феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями[635]. В настоящее же время глобализация – это растущая взаимозависимость, результатом которой, помимо переплетения социальных, политических, культурных, экономических и иных отношений во всем мире, является также размывание национального государственного суверенитета. Именно поэтому в первую очередь следует остановиться на изучении влияния процесса глобализации на суверенитет государства, поскольку глобализация, понимаемая как новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости человечества, создание наднациональных и вненациональных организаций,

---

[632] Современная мировая политика. Прикладной анализ. Указ. соч. С. 19.

[633] Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002. С. 62.

[634] Барабанов О.Н., Лебедева М.М. Глобализация и образование в современном мире // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002. С. 55.

[635] Довженко М.В. Специфика урегулирования современных конфликтов в меняющемся мире // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2000. С. 126.

институтов и образований, становится центральным звеном мировых экономических, социальных, политических, духовных процессов, а также тенденций в сфере безопасности[636].

Дискуссия об ограничении суверенитета все более усиливающейся глобализацией обострилась в конце XX – начале XXI в. Ускорение процесса глобализации сопровождалось также волной демократизации (крушение коммунистических режимов в СССР и Восточной Европе, прекращение существования военных хунт в Латинской Америке, отход от полуавторитарных правительств в Южной Корее, Тайланде, Индонезии, Тайване и т.п.), в результате чего потенциал демократических стран к концу 1990-х гг. значительно превысил потенциал авторитарных и тоталитарных. Безусловно, процесс глобализации несколько противоречив, например, наиболее тесен он и динамичен в сфере экономики и технологий в странах Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии, из-за чего увеличивается разрыв в доходах между населением, проживающим в различных частях планеты. Более того, по утверждению российского историка О. Барабанова, современную стадию развития глобальных процессов отличает разрыв между стремительным ходом экономической глобализации и достаточно слабыми усилиями государств в области формирования согласованной политической системы ее регулирования[637]. Французский специалист по международным отношениям Б. Бади выделял три измерения глобализации: постоянно идущий исторический процесс; гомогенизация и универсализация мира; «размывание» национальных границ. Именно тому, как изучалось последнее измерение в американской внешнеполитической мысли, уделяется внимание в настоящем параграфе. Так, неолиберальная концепция предполагала, что в этой экономике «без границ» национальные правительства станут простыми проводниками между

---

[636] Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Указ. соч. С. 11.

[637] Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002. С. 31.

постоянно растущими отраслями индустрии[638]. Американские профессора Р. Кеохэйн и С. Краснер писали, что суть глобализации заключается именно во все большей транспарентности национальных границ.

Отношение руководства Соединенных Штатов в указанный период к глобализации можно охарактеризовать установкой Б. Клинтона, которую он озвучил 27 января 2000 г. в своем послании Конгрессу США. Президент заявил, что одной из главных задач внешней политики США должно стать содействие распространению глобализации, отметив, что глобализация – «это не только экономика, и нашей целью должно стать объединение мира вокруг идей свободы, демократии и мира для противостояния тем, кто не разделяет эти понятия. В этом заключается фундаментальный вызов, который стоит перед США в XXI в. и с которым, я уверен, они должны справиться»[639]. Однако отношение к глобализации внутри страны было разным. В зарубежной науке можно выделить три направления, по-разному трактующих процесс глобализации: гиперглобалисты (например, К. Омае, С. Стрендж) – для них глобализация – новая эра в истории человечества, в которой все подчиняется силам единого глобального рынка; скептики (П. Херст, Г. Томпсон, С. Хантингтон, Р. Гилпин) – считают глобализацию мифом, реальность – разделение мира на три основных региональных блока (Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Северная Америка) с сохранением сильного влияния государств; трансформационисты (С. Сассен, Э. Гидденс, Дж. Розенау, Дж. Ragги) – по их теории государства претерпевают в эпоху глобализации значительные изменения, чтобы адаптироваться к более взаимосвязанному, но характеризующемуся значительной неопределенностью миру[640]. Однако в настоящем параграфе мнения ученых будут рассмотрены и сгруппированы сообразно не с их взглядами на глобализацию в целом, а в соответствии с их пониманием и характеристикой

---

638 Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Указ. соч. С. 9–10.

639 Clinton W. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 27, 2000 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-7 (дата обращения: 25.06.2019).

640 Теория международных отношений. Указ. соч. С. 262.

связи суверенитета с глобализацией, поскольку именно это является основной задачей данного раздела.

В американской внешнеполитической мысли на рубеже веков существовало мнение, что суверенитет не только ограничен, но и неизбежно исчезнет в обозримом будущем и во многом это случится в результате усиления глобализации и транснациональных институтов, поскольку перестанет существовать сам носитель суверенитета – государство. Стоит отметить, что некоторые ученые считали глобализацию исторически беспрецедентной и писали, что государства должны постепенно адаптироваться к более взаимозависимому и в то же время очень нестабильному миру. Они видели в глобализации долговременный и противоречивый процесс, подверженный различным конъюнктурным изменениям, и считали, что, хотя суверенные государства сохранят власть над собственной территорией (таким образом отрицая исчезновение государств как институтов в ближайшем будущем), международные организации будут расширять сферу влияния. Американские политологи писали, что суверенитет – это источник и ресурс, позволяющий отстаивать свои права и привилегии в мировой политической системе, полагая, правда, что суверенное государство будет постепенно вытеснено в ходе глобализации[641].

В американской науке подобное мнение, в частности, разделяли представители постпозитивистского направления[642], которые видели суверенитет не только исчезающим, но и весьма губительным принципом международного права, поскольку государство нередко провозглашает важные вопросы сферой своей безопасности и действует исключительно с позиций своего суверенитета. Постпозитивисты указывали на постепенно и неизбежно снижающуюся роль государства в мировой политике и рост

---

641 См., напр.: Rosenau J. Turbulence in World Politics. Brighton, 1990; Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. Stanford, 1995; Sassen S. Op. cit.

642 См., напр.: Marchart O. The Other Side of Order: Towards a Political Theory of Terror and Dislocation // Parallax. – 2003. – Vol. 9. – Issue 1. – P. 97–113; Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1998.

влияния транснациональных, неправительственных и межправительственных институтов. Некоторые американские ученые в принципе относились к суверенитету достаточно критично, говоря о том, что он представляет большую ценность для ораторского искусства, чем для науки и права[643]. Например, писали, что суверенитет находится на полке истории и является реликтом прошлой эпохи[644]. Американский социолог А. Этциони отмечал, что в начале XXI в. закончилась эра империй и эра национального суверенитета, и правительства суверенных государств более не могут обеспечить своим гражданам право на жизнь и безопасность[645]. Профессор политологических наук Университета Темпл Д. Элазар считал принцип суверенитета утратившим свою силу в современном мире и писал, что «сегодня ни одно государство не является суверенным, каким считало себя любое государство сто лет назад, хотя бы потому, что даже великие державы признают для себя границы в ядерный век, когда приходится принимать суверенные решения по вопросам войны и мира»[646]. Бывший председатель Консультативного совета по экономической политике при администрации Р. Рейгана У. Ристон отмечал, что принцип суверенитета (предполагающий, по мнению автора, главным образом невмешательство во внутренние дела государства) подвергается разрушению и в основном это связано с прогрессом в области информационных технологий. Таким образом, государство в XXI в. становится неспособным контролировать все потоки информации и ограждать себя от вмешательства. Ярким примером подобной политики является американский телеканал «си-эн-эн» (CNN), который власти Соединенных Штатов активно использовали в целях информационного давления как на Ирак, так и на весь мир во время войны в

---

643 См. Fowler M., Bunck J. Law, Power and The Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty. Penn., 1995.

644 Henkin L. Op. cit. P. 10.

645 Etzioni A. Op. cit. P. 97.

646 Elazar D. Exploring Federalism. Alabama, 1987. P. 225.

Персидском заливе в 1990–1991 гг[647]. В результате «лагерь» сторонников мысли о неизбежности существенного «давления» глобализации на суверенитет был достаточно обширным.

Неолибералы и сближавшаяся с ними часть неореалистов не отрицали значения глобализации, однако занимали более взвешенную позицию по поводу ее влияния на суверенитет. Например, Р. Хаас писал, что абсолютного суверенитета не существует, поскольку в современном взаимозависимом мире объективна связь государств в экономической, экологической, гуманитарной и других сферах[648]. Рассматривая данный вопрос, С. Сассен считала глобализацию важнейшим фактором, влияющим на суверенитет государства, фактором, который вместе с тем приводит не к краху суверенитета, а к его трансформации. Автор писала, что суверенитетом начинают обладать не только государства, но и наднациональные структуры (в частности, Европейский союз), а территория государства перестает быть компетенцией внутреннего аспекта суверенитета и происходит «денационализация национальной территории»[649]. С. Сассен также добавляла, что суверенитет значительно ограничен экономическими факторами глобализации (например, потоками капитала, информации и услуг) и в экономике суверенитет государства постепенно исчезает. В то же время в политической сфере многие государства укрепляют суверенные права, что находит отражение, например, в усилении контроля над границами из-за проблем с беженцами и мигрантами[650]. Однако в том, что касается экономической составляющей, сила капитализма не умаляет роль суверенитета, поскольку с его развитием становится более очевидной нужда мира в силе, способной к успешному регулированию и координации, – в государстве. Старший научный сотрудник программы изучения внешней

---

647 Wriston W. Bits, Bytes, and Diplomacy // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/bits-bytes-and-diplomacy (дата обращения: 11.04.2018).

648 Haas R. Op. cit., 1994. P. 4–5.

649 Sassen S. Op. cit. P. 16.

650 Ibid. P. 35.

политики Института Брукингса В. Рейнике писал, что глобализация, безусловно, бросает вызов суверенитету, в частности «операционному» (способности государства осуществлять суверенитет в повседневных политических вопросах), но не может оспаривать «правовой» суверенитет государства, что могут делать только другие страны. Автор считал, что глобализация прежде всего ограничивает внешнеэкономический суверенитет, который реализуется, например, в виде установления государствами тарифов и обменных курсов, и внутриэкономический, что проявляется в изменении отношений между коммерческими и государственными секторами. Таким образом, когда глобализация объединяет рынки, она одновременно фрагментирует политику. В. Рейнике видел опасность ограничения внутреннего суверенитета в том, что в обществе подрывается доверие к демократии, так как голос избирателя не сможет отразиться на проводимой политике, поскольку она не будет зависеть от правительства. Чтобы предотвратить такой сценарий, государства могут вводить ряд протекционистских тарифов и барьеров, а также контролировать капитал, заставляя корпорации проводить реорганизацию по государственным лекалам. Однако ученый полагал, что рано или поздно государство в том виде, в каком мы его привыкли видеть (с принципом суверенитета и с территорией), перестанет существовать. Вместо него возникнет глобальная государственная политика, своего рода совместное управление правительств и частных субъектов, реализующих политику на экстерриториальной основе[651].

Таким образом, точка зрения о скорейшем переходе государства в категорию объекта политики по причине глобализации не была поддержана некоторыми именитыми американскими авторами. Однако и естественное ограничение суверенитета не отрицалось. Примером подрыва концепции

---

[651] Reinicke W. Global Public Policy // Foreign affairs. – November/December, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-11-01/global-public-policy (дата обращения: 05.04.2018).

абсолютного суверенитета считалось введение санкций против ЮАР в ответ на режим апартеида[652].

Позиция ряда неореалистов не отличалась кардинальным образом, несмотря на то что они считали влияние глобализации несколько менее значительным. С. Краснер утверждал, что экономическая глобализация и транснациональные нормы отразятся на сфере деятельности государственной власти, а не приведут к созданию принципиально нового способа организации политической жизни[653]. Он писал, что, безусловно, в некоторых сферах наднациональные структуры более эффективны, чем государства (например, финансовая политика), однако в настоящее время государства способны справляться с международными вызовами лучше, чем когда-либо еще в истории, а следовательно, из-за глобализации не может быть нивелирована роль государства[654]. С. Краснер указывал на способность государств к конструированию международных режимов, то есть совокупностей норм, принципов и процедур, в рамках которых реализуются ожидания и устанавливаются правила поведения стран в определенном секторе международной жизни[655]. Профессор Пенсильванского университета С. Кобрин, размышляя в том же ключе, писал, что «территориальный» суверенитет (подразумевая под этим власть и законы государства над определенной территорией) потеряет силу в будущем и вопросы, на чьей территории произошла транзакция, где находится финансовое учреждение и чей закон действует, перестанут быть актуальными. Однако автор не считал правдоподобной перспективу исчезновения государства, а видел только

---

652 Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 6.

653 Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 20. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

654 Ibid. P. 24.

655 Бади Б. Указ. соч. С. 107.

уменьшение эффективности политического и экономического управления, исчезновение взаимоисключающей территориальной юрисдикции[656].

В продолжении этой темы можно рассмотреть статью профессора Университета Клермонт П. Дракера в «Форин афферс», в которой он писал о том, что, несмотря на все недостатки, а также на вызовы в виде глобализации и информационной революции (с которыми государство справится), национальное государство показывает удивительную устойчивость и не существует какого-либо другого института, способного к политической интеграции и эффективному участию в международном сообществе. Вместе с тем автор отмечал, что государство претерпит некоторые изменения, которые коснутся прежде всего потери суверенитета в области фискальной и денежно-кредитной политики, внешнеэкономической деятельности, контроля за международным бизнесом и, возможно, ведения войны[657]. Государства, действительно, все больше лишаются суверенных прав в экономической сфере (например, отказ от политического контроля над центральными банками[658]), однако, это они делают для своей выгоды, оставляя за собой рычаги протекционистской политики и введения пошлин при необходимости. П. Дракер также писал, что утрачиваемый финансовый и денежный суверенитет государства на рубеже XX – XXI вв. ограничивал свободу действий государства, поскольку право принятия решений передавалось от правительства специальным группам интересов (в том числе коммерческим банкам). Таким образом, автор считал, что потеря суверенитета в обозначенной области, как ни парадоксально, только усилит государство, поскольку укрепит популярность и авторитет правительства внутри страны[659]. Однако финансовый кризис 2008 г. явно показал, что государство

---

656 Kobrin S. Op. cit. P. 70. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

657 Drucker P. Op. cit. https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/global-economy-and-nation-state (дата обращения: 03.07.2019).

658 Berman S., McNamara K. Bank on Democracy // Foreign affairs. – March/April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-03-01/bank-democracy (дата обращения: 11.04.2018).

659 Drucker P. Op. cit. https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/global-economy-and-nation-state (дата обращения: 03.07.2019).

до настоящего времени во многом все еще главенствует в этой сфере. Так, профессор школы Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете Д. Родрик писал, что национальные экономики сохраняют значительную изоляцию друг от друга (например, цены на идентичные товары отличаются в разных странах; инвестиционные портфели США в основном сосредоточены на внутреннем рынке) и местные политики пользуются большей степенью автономии, чем предполагают многие, говоря о размывании суверенитета государства[660]. Д. Родрик, резюмируя, говорил об ограниченном эффекте глобализации, отмечая, что ее значение часто переоценивается. Он считал, что мир был теснее связан золотым стандартом в конце XIX в. и страны были более открыты, нежели сейчас[661]. Профессор Принстонского и Гарвардского университетов М. Уолцер также отмечал, что международные организации недостаточно сильны, а процесс принятия решений ими неспешен и не структурирован. Он добавлял, что средства принуждения, которыми располагают эти организации, громоздки и в лучшем случае имеют лишь ограниченный эффект[662].

Таким образом, в американской внешнеполитической мысли в изучаемый период большинство авторов сходилось во мнении, что, хотя суверенитет остается важнейшим принципом, процесс глобализации оказывает на него существенное влияние. Однако единства не наблюдалось в том, насколько сильны последствия такого влияния и в чем конкретно оно проявляется.

В результате глобализации появился ряд организаций, претендующих наравне с государствами на статус полноценного субъекта международных отношений (например, экологические и правозащитные движения, транснациональные корпорации). Дж. Най, определяющий глобализацию как взаимозависимость в мировом масштабе, писал, что наднациональные

---

660 Rodrik D. Sense and Nonsense in the globalization debate // Foreign policy. – June 01, 1997. – P. 22. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

661 Ibidem.

662 Walzer M. Op. cit. P. 179.

структуры, порождаемые глобализацией, более демократичны, нежели неправительственные организации и, хоть и опосредованно, обладают демократической легитимностью, поскольку имеют представительства стран, входящих в их состав[663].

В итоге транснациональные компании, являющиеся основными двигателями глобализации (число транснациональных неправительственных организаций показывает стремительный рост: с 200 в 1909 г. до более чем 17 тысяч в начале XXI в.[664]), и различные «внутренние возмутители суверенитета» виделись как факторы, суверенитет ограничивающие, в связи с чем в научном дискурсе США появился термин «перфорированный суверенитет» (Perforated Sovereignty), означающий «давление» на национальное государство со стороны, как извне (НАТО, ТНК, ЕС), так и изнутри[665]. Касательно внутренних ограничителей суверенитета профессор политологии Университета Нью-Йорка И. Духачек выделял несколько категорий: СМИ, группы интересов, политические партии, этнические группы и регионы. Последние, по мнению автора, сильнее всего ограничивают государственный суверенитет[666]. Будут это штаты в США или Австралии, кантоны в Швейцарии или федеральные земли в Германии – все эти субъекты стремятся к установлению самостоятельных взаимоотношений с другими государствами или регионами, а также лоббируют свою повестку в федеральном центре. И. Духачек писал, что в результате происходит «просачивание суверенных границ», которое осуществляется как изнутри, при желании субнациональных властей защитить свои интересы путем

---

663 Nye J. Globalization's Democratic Deficit: How to Make International Institutions More Accountable // Foreign affairs. – July/August, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2001-07-01/globalizations-democratic-deficit-how-make-international-institutions-more (дата обращения: 30.11.2020).

664 Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 26. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

665 Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. Указ. соч. С. 58.

666 Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Toward a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / Ed. by Michelmann H.J., Soldatos P. Oxford, 1990. P. 11–17.

инициирования транссуверенных процессов, так и извне, когда регионы вынуждены реагировать на такие вызовы, как введение другими странами таможенных тарифов, миграция рабочей силы или проблемы окружающей среды[667]. Концепцию «перфорированного суверенитета» разделяли и некоторые отечественные ученые. Так, А. С. Кузнецов видит положение современного государства ввергнутым в процесс регионализации (формирование экономических связей на основе географического положения[668]) и глобализации, которые, в свою очередь, ослабляют суверенитет. В связи с этим автор делает вывод о возможной скорой гибели института государства и о приходе на его место наднациональных структур[669]. Главный редактор журнала «Форин полиси» и заслуженный научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный мир М. Найм писал о том, что государства нередко строго следят за соблюдением своих суверенных прав в спорах с другими странами, но не замечают, как эти самые права нарушаются частными лицами и преступными организациями (например, незаконная эмиграция, торговля наркотиками и т.п.), нарушающими законы и не обращающими внимание на государственные границы[670]. Эта концепция напоминает также выделенный С. Краснером «суверенитет взаимозависимости».

Однако не все были согласны с мнением вышеуказанных ученых. Так, важность государства, а вместе с ним и суверенитета, подчеркивали некоторые неореалисты. К. Уолц писал, что в современном мире государство выступает как никогда активно в качестве надежного и регулирующего партнера, сохраняющего или даже расширяющего свои функции во внешнеполитической сфере и доминирующее влияние на негосударственных

---

667 Ibid. P. 14.

668 Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений. Указ. соч. С. 8.

669 Кузнецов А.С. «Надкушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Политэкс. – Спб., 2006. – №3. – С. 241–252.

670 Naim M. The five wars of globalization // Foreign policy. – January 01, 2003. – P. 36. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

участников международного общения. С усилением роли суверенитета и государства, аккумулирующего в своих руках все больше важных ресурсов, был согласен и Б. Бади[671]. Профессор Университета Британской Колумбии, представитель английской школы международных отношений К. Холсти отмечал «давление» на государственный суверенитет со стороны транснациональных компаний и утверждал, что государства неизбежно будут вынуждены приспособиться к этому. Однако автор добавлял, что результатом может быть попытка государств уменьшить влияние негосударственных субъектов, что приведет к резкому усилению роли государства, чему поспособствует в том числе и расширение функций государства в современном мире (страны несут ответственность за экологическую обстановку, благополучие граждан, доступ к рынкам и т.п.)[672]. Отстаивал суверенитет и И. Валлерстайн, считавший, что как внутренний, так и внешний его аспекты являются фундаментальной основой капиталистической системы в принципе. Ученый говорил, что с отказом от суверенитета или с сильным изменением этого принципа капиталистическая система будет несостоятельна[673].

В итоге, несмотря на существование различных позиций, большинство представителей американской внешнеполитической мысли полагали, что процесс глобализации не ведет к «десуверенизации», поскольку многие проблемы современного общества требуют участия именно государства, о чем свидетельствует тот факт, что именно они оказываются наиболее эффективным инструментом борьбы с различными кризисами, в том числе финансово-экономическими. Более того, создание системы всеобщего, глобального управления часто виделось невозможным без эффективно работающих государств. Например, известный американский ученый Дж. Най считал, что глобализация не превратит мир в «глобальную

---

671 Бади Б. Указ. соч. С. 107.

672 Holsti K. Change in the international system: essays on the theory and practice of international relations. Brookfield, 1991. P. 99.

673 Wallerstein I. Op. cit., 1997.

деревню», поскольку мировая политическая идентичность остается слабой, а результатом глобализации зачастую является то, что национализм становится все сильнее в большинстве стран мира[674]. А поскольку национализм, в свою очередь, видит составляющей своей политики усиление суверенитета и роли государства, то и говорить о скором исчезновении этих понятий ошибочно. Американский философ и политолог Ф. Фукуяма также отмечал, что государство сохраняет ключевые функции, исполнение которых не могут взять на себя никакие транснациональные субъекты и оно остается единственным источником силы, способным обеспечить соблюдение законности[675]. В вопросе постепенного «отмирания» такого понятия, как суверенитет, большинство ученых, представителей как неолиберальной школы[676], так и неореалисты[677], приходили к выводу, что суверенитет является одной из важнейших категорий международных отношений в целом и, кроме того, имеет характер основополагающей нормы. Вместе с тем по мере усиления глобализации неолибералы прогнозировали «увядание» суверенности отдельных стран и формирование нового типа – «гражданина мира», чья лояльность обращена не к отдельным странам, а к негосударственным структурам[678]. Они также полагали, что отношения между государствами должны регулироваться с опорой на международные институты. Множество исследователей писало об изменении суверенитета, вводя такие понятия как «реконструирование» и «реинтерпретация»[679]. Например, некоторые неореалисты полагали, что государство в современном

---

674 Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

675 Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven-London, 2006. P. 10.

676 См., напр.: Haas R. Op. cit., 1994; Sorensen G. Op. cit. P. 590–604; Jackson R. Op. cit. // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 431–456.

677 См., напр.: Krasner S. Op. cit. Princeton, 1999; Waltz K. Globalization and American power // The National Interest. – Spring, 2000. – No. 59. – P. 46–56; Gilpin R. Op. cit.

678 Уткин А.И. Указ. соч. С. 10.

679 Sorensen G. Op. cit. P. 590–604.

мире менее самостоятельно в принятии решений, поскольку делегирует часть полномочий наднациональным структурам.

Отечественная наука также была не склонна преувеличивать значение глобализации, выступая порой с позиций сохранения более неограниченного суверенитета, нежели это было в американской внешнеполитической мысли тех лет. Например, А. В. Сеидов утверждал, что не следует преувеличивать значение глобализации и недооценивать роль государственного суверенитета[680]. Он видит развитие международного права и создание международных организаций во многом как средство для достижения необходимой степени управляемости в системе международных отношений в эпоху глобализации. Е. С. Кузнецова считала, что «глобализация сама по себе не подрывает и тем более не отрицает влияния государств на политическую и экономическую жизнь современного мира», а решения по подписанию разного рода соглашений – суверенное право государства[681]. За сохранение и в защиту суверенитета государства выступал и М. Н. Марченко, отмечая, что процессы, происходящие в мире, в том числе и глобализация, хоть и вынуждают суверенитет приспосабливаться, но не ставят вопрос о его исчезновении или ослаблении, а его роль и значимость только возрастают[682]. Наконец, российский исследователь М. В. Ильин также не согласен с концепцией «размывания» суверенитета, в частности, он писал, что данная «размытость» относится не к самому суверенитету как таковому, а к ходячим, неотрефлексированным представлениям о нем. На примере критики концепции «квазигосударств» Р. Джексона[683], М. В. Ильин доказывал, что за

---

680 Сеидов А.В. Указ. соч. С. 145.

681 Кузнецова Е.С. Указ. соч., 2013. С. 53.

682 Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 488.

683 Jackson R. Op. cit., 1990.

видоизменением суверенитета стоят лишь «опасные отклонения от современного стандарта государственности»[684].

Безусловно, научные дебаты относительно того, какие изменения в дальнейшем претерпит суверенитет, будут продолжаться и это лишний раз подчеркивает важность этого понятия и его значимость для международных отношений, а также международного права в целом. Национальные государства не исчезнут в краткосрочной перспективе и в связи с этим некоторые политологи справедливо полагали, что резкое ограничение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос[685]. Более того, процесс глобализации ведет к тому, что многие страны все активнее пытаются укрепить суверенитет и отстоять свою исключительность. Об этом писали, в частности, отечественные ученые, отмечая, что «глобализация сопровождается обратными, реакционными процессами, связанными с национализмом и суверенизацией, а также дальнейшим развитием государственности, ее адаптацией к новым вызовам современности»[686].

---

[684] Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. М., 2005. С. 11.

[685] Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 41–42.

[686] Теория международных отношений. Указ. соч. С. 261.

§2. «Десуверенизация» государства как следствие интеграционных процессов в различных регионах мира: американские оценки

Многие исследователи таких школ теории международных отношений, как транснационализм и институционализм (например, Дж. Розенау, Р. Кохэйн) считали, что в современных международных отношениях все большую роль начинают играть не государства, а межправительственные, наднациональные, негосударственные организации и ТНК. Таким образом, и обеспечение мирового порядка зависит не только от государств, но и от транснациональных субъектов. Одним из наиболее ярких примеров глобализации, которая начинается всегда с экономической интеграции, и ярчайшим примером ограничения суверенных прав путем создания наднациональной структуры является Евросоюз, в основе которого лежит Европейское объединение угля и стали, созданное в 1951 г. Европейский союз в современном виде формировался постепенно, поэтому и отказ от части суверенитета странами – членами союза был последовательным и тем самым, возможно, менее заметным. Однако факт потери либо частично, либо полностью суверенитета государством в связи с интеграционными процессами являлся темой многочисленных работ историков и политологов, занимающихся данной проблематикой. Под интеграцией же следует понимать тенденцию сближения, согласования деятельности, объединения государств, их экономических и социальных систем в ряде сфер или отраслей хозяйственной, общественной и культурной жизни. Характеризуется она тем, что опирается на новый технико-экономический уклад, протекает на добровольной основе в результате осознанного выбора участников, имеет многомерную структуру и подготовлена предшествующей историей взаимодействия государств на региональном и мировом уровнях. Происходить интеграция может на различных уровнях – от локального до межрегионального и глобального[687].

---

[687] Теория международных отношений. Указ. соч. С. 264–265.

Сразу отметим, что, конечно, любое соглашение о международной интеграции и кооперации неизбежно «сталкивается» с суверенитетом, влияет на него[688] и тем самым ограничивает. На примере введения евро как общей валюты об очевидном объединении некоторых функций суверенитета стран – членов ЕС писал и американский ученый, заместитель государственного секретаря США с 1994 по 2001 г. С. Тэлботт[689]. Но государства, поступившиеся частью суверенитета (например, при вступлении в Евросоюз), все же отличаются тем, что, хоть и в несколько ограниченном виде, сохраняют суверенитет и его признание со стороны международного сообщества, а также фактически имеют возможность выхода из объединения, сохраняя таким образом за собой свободу реализации суверенитета.

Часть ученых писала, что подобное ограничение суверенитета неизбежно и несет позитивную предпосылку в развитии международных отношений. Например, профессор международных отношений Американского университета Р. Пастор считал суверенитет устаревшей концепцией, которая используется для оправдания, как утверждает автор, «плохой политики» (приводя в том числе пример нежелания Канады уступать свои нефтяные месторождения компаниям из США) и мешает процессам интеграции[690]. Британский и европейский дипломат, бывший глава департамента внешнеполитического планирования Форин-офис Р. Купер, отдавая дань значению суверенитета в современном мире, утверждал, что благополучие европейцев напрямую связано со способностью граждан ЕС поступиться своим суверенитетом и ограничить его[691]. О том, что для государств – членов Евросоюза более эффективным будет отказаться от своего суверенитета писал и известный исследователь, философ и политик

---

688 Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 799.

689 Talbott S. Op. cit. // Foreign policy. – March 01, 2000. – P. 154. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

690 Pastor R. North America's Second Decade // Foreign affairs. – January/February, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2004-01-01/north-americas-second-decade (дата обращения: 09.04.2018).

691 Cooper R. Op. cit. P. 8–9.

Д. Маккормик[692]. Научный сотрудник Института стратегических исследований Олина Гарвардского университета Д. Йоффе констатировал, что Евросоюз уничтожает суверенитет государств, не предоставляя, однако, своим гражданам общую европейскую идентичность[693]. Сторонником ограничения суверенитета являлся также американский автор Р. Райт, который считал, что интенсификация создания наднационального правительства будет во многом связана с терроризмом и международной преступностью и государства должны отказаться от части своего суверенитета, касающегося данного аспекта[694]. Однако нельзя не отметить, что подобное сотрудничество уже развивается, не требуя у стран какого-либо серьезного отказа от суверенных прав. Более того, способность эффективно бороться с терроризмом только укрепляет суверенитет государства, о чем писал С. Краснер, говоря о «суверенитете взаимозависимости», речь о котором шла ранее. Наконец, ученый и журналист К. Бертрам также считал, что Евросоюз существенно ограничивает суверенитет его членов, в частности из-за своих процедурных ограничений, приводя в пример тот факт, что право вести переговоры с Восточной Германией в начале 1990-х гг. имел только ЕС, а не Бонн[695]. В результате часть авторов была склонна считать ограничение суверенитета не только неизбежным, но и необходимым или уже свершившимся явлением.

О том, что отношение к суверенитету будет пересмотрено, писал также ученый Аб. Чайес, говоривший о «новом суверенитете». Он будет заключаться не в возможности государств осуществлять власть независимо, преследуя свои цели, а в сотрудничестве государств (с приблизительно одним

---

692 MacCormick N. Op. cit. P. 127.

693 Joffe J. The axis of envy // Foreign policy. – September 01, 2002. – P. 69. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

694 Wright R. Pax kapital // Foreign policy. – June 01, 2000. – P. 68. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

695 Bertram C. The German Question // Foreign affairs. – Spring, 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1990-03-01/german-question (дата обращения: 12.04.2018).

и тем же статусом), что, в свою очередь, и будет составлять сущность международной жизни[696]. В такой концепции ограничения суверенитета превалирует идея, в которой интересы человечества являются преобладающими и субъектом суверенитета должно стать не государство, а мировое сообщество. Таким образом, Аб. Чайес являлся представителем части истеблишмента, считавшей, что суверенитет государства «размывается» и интересы всего человечества позволяют международному сообществу с помощью международных организаций применять к отдельным государствам принудительные меры. Такие меры могут реализовываться в виде гуманитарной интервенции, принуждения к миру или в виде его строительства.

В связи с изучением данной темы возникла дискуссия о суверенитете с точки зрения так называемого принципа субсидиарности[697] (Subsidiarity), который, в сущности, означает, что правительственные функции должны быть распределены между различными удаленными от центрального уровня институтами, особенно среди тех, компетенция которых затрагивает ту или иную проблему непосредственно. Другими словами, приверженцев этой теории можно назвать сторонниками децентрализации. Они считали, что необходимость создания единой, более высокой институциональной власти, которая сосредоточит весь суверенитет, безосновательна. Данная теория больше защищает федеративное устройство управления и права отдельных областей или штатов, поскольку при межгосударственном общении такая система, где нет единых центров принятия решений, может превратить международные отношения в беспорядочные связи.

Как и в спорах по другим проблемам, связанным с ограничением суверенитета, существовали и менее категоричные мнения о степени влияния интеграции на указанный принцип. Американский ученый С. Краснер, приводя в пример государства, вошедшие в Европейский союз и тем самым добровольно поступившиеся частью суверенитета, утверждал, что, возможно,

---

[696] Chayes Ab., Chayes Ant. Op. cit. P. 27.

[697] Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 788.

не всем странам необходима полная независимость и это нормальный порядок вещей[698]. Но важно, что ученый был не согласен с тем, что суверенные государства в ближайшее время перестанут существовать. Он замечал, что основные характеристики суверенитета, который никогда не был абсолютным, всегда подвергались сомнениям. Отказ же некоторых европейских стран от части суверенитета, по его мнению, не говорит о «десуверенизации» всего мира, поскольку такие страны, как США, Китай или Япония, не только не готовы уступить свой суверенитет, но и всячески его укрепляют[699]. Как бы в подтверждение этого ученый и бывший помощник министра финансов по международным делам Совета национальной безопасности США Ф. Бергстен писал, что страны Северной Атлантики, вероятно, никогда не пойдут по пути европейской интеграции, существенно ограничив суверенитет. Автор добавлял, что создание и развитие Евросоюза – исключительный случай добровольного отказа государств от суверенитета в пользу международного сотрудничества в целях мира и экономического процветания[700].

Ученый Дж. Стивенсон, также рассуждая, насколько суверенитет и интеграция влияют друг на друга, писал, что «размывание» суверенитета в европейском стиле не способствует национальному строительству и внутреннему урегулированию, потому не может быть применимо для ряда стран, например молодых. Хотя одновременно с этим «размывание» суверенитета внутри наднационального образования способствует миротворческому потенциалу и помогает разрешать различные споры между членами одной организации. Именно в этом Дж. Стивенсон и видел большое преимущество передачи части суверенитета наднациональной структуре (при

---

[698] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign affairs. – March, 2009. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-03-30/who-gets-state-and-why (дата обращения: 12.03.2017).

[699] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 20. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[700] Bergsten F. America and Europe: Clash of the Titans? // Foreign affairs. – March/April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1999-03-01/america-and-europe-clash-titans (дата обращения: 13.04.2018).

условии, что эти наднациональные каналы и структуры будут распределять выгоды справедливо). В качестве примера можно привести Ирландию, которой удалось разрешить ряд споров с Великобританией благодаря единому рынку и общему пространству Евросоюза и избавиться таким образом от «изнурительной экономической зависимости от Великобритании». Эти проблемы вновь возникли на фоне выхода Великобритании из ЕС. Помимо вхождения в Евросоюз, считал автор, снизить градус напряженности в отношениях между государствами удалось также благодаря Североамериканскому соглашению о свободной торговле, МЕРКОСУР в Латинской Америке, форуму Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в Восточной Азии и другим международным институтам. Однако Дж. Стивенсон замечал, что для стабильной работы организации и осуществления миротворческого потенциала некоторые страны – члены ЕС должны оставаться сильными и суверенными, выполняющими роль арбитров. Таким образом, как ни парадоксально, но единство Европы не означает отказ от существования национального государства. Дж. Стивенсон делал вывод, что такие организации, как ЕС, способствуют, помимо прочего, «смягчению» некоторых сторон суверенитета, исключая те его аспекты, которые мешают сотрудничеству между государствами[701]. Следует только отметить, что миграционный кризис 2015 г. ясно показал, что в государствах – членах Евросоюза возникают серьезные споры, которые могут в любой момент привести к возврату части суверенитета, ранее пожертвованной.

В результате большинство ученых, журналистов и политических деятелей отмечало неизбежное ограничение суверенитета вследствие развития процессов интеграции, как видно на примере Евросоюза. Разница в позициях авторов заключалась в том, насколько это ограничение глубоко и является ли оно позитивным. Так, влияние интеграции на суверенитет не склонен был переоценивать С. Краснер. Он писал, что Евросоюз никогда не

---

[701] Stevenson J. Peace in Northern Ireland: Why now? // Foreign policy. – September 01, 1998. – P. 47. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

сможет стать государством (своего рода «Соединенными Штатами Европы»), поскольку страны – члены этой организации имеют слишком разные интересы и сильно отличаются друг от друга в культуре и экономике. По его мнению, Евросоюз являет пример сосуществования вместе суверенного государства и наднационального образования, а никак не пример вытеснения суверенитета[702]. В подобном ключе высказывался и ученый Н. Батлер. Считая, что ограничение суверенитета стран ЕС делается во благо, он одновременно утверждал, что Евросоюз не является «супергосударством»[703].

В результате мнения, что государства – члены ЕС обладают полным суверенитетом и самосознанием своего исторического наследия (которое мы найдем у американского историка, профессора Стэнфордского университета Д. Ракове[704]) хоть и встречаются, но они единичны. Это крайняя точка зрения (такая же, как и если говорить, что данные государства своего суверенитета лишились окончательно), поскольку большинству авторов было очевидно, что полного суверенитета у стран – членов ЕС все же нет. В Европейском союзе государства – члены, безусловно, отказываются от части своих суверенных прав (о чем говорили С. Краснер, Аб. Чайес, Д. Маккормик) в пользу наднациональных структур. Свидетельством могут служить и решения европейский судов 1963 и 1972 гг., которые закрепляли приоритет и верховенство общеевропейского права по отношению к национальному, ограничивая таким образом в некоторых сферах суверенитет государств – членов организации[705]. Однако утверждений о том, что в результате этого ЕС приобретает суверенитет как таковой, не было. Организация осуществляет

---

[702] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 28–29. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[703] Butler N. Future perfect union // Foreign policy. – January 01, 2003. – P. 112. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

[704] Rakove J. Europe's Floundering Fathers // Foreign policy. – September 01, 2003. – P. 32–33. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[705] Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский союз: настоящее и будущее: сравнительное теоретико-правовое исследование. М., 2017. С. 135.

определенные полномочия, предоставленные ей государствами – членами добровольно, а государства – участники Европейского союза остаются суверенными в критических моментах или в случае необходимости могут все же вернуть себе суверенные права. В связи с этим политолог М. Леонард писал, что государства – члены ЕС поступаются суверенитетом добровольно. Более того, ни одно межнациональное образование, в том числе и ЕС, не имеет основополагающих функций государства, таких, как система прямого налогообложения или монополия на законное насилие, и не будут иметь в будущем. Однако М. Леонард считал, что миру необходимы такие организации, как Европейский союз, помогающие дальнейшему развитию общества, несмотря на то что они и ограничивают суверенитет[706].

Американский профессор Университета Тафтса Д. Дрезнер на страницах «Форин полиси» отмечал, что суверенитет часто является товаром для продажи или покупки. Большинство маленьких государств торгуют суверенитетом, в том числе передавая голоса в международных организациях в обмен на защиту или крупные иностранные вложения в экономику. В качестве примера автор приводит выделение Японией технологической помощи Соединенным Штатам в обмен на положительное решение в свою пользу в Международной китобойной комиссии[707]. Ученый добавлял, что такое поведение вредит экономическому развитию (что отражает его отношение)[708], но это процесс реальной политики. Европейские страны отказываются от аспектов суверенитета, которые уже практически потеряны и отстаивают те, которые наиболее устойчивы в эпоху глобализации. Так, Германия первоначально не желала отказываться от национальной валюты. Что касается безопасности, то здесь европейские страны сильно зависят от США, однако, например, французский ученый Д. Мойси уверен,

---

[706] Leonard M. A declaration of interdependence // Foreign policy. – March 01, 2001. – P. 69. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[707] Drezner D. Op. cit. P. 76–77. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[708] Ibidem.

что Европа смогла бы вернуть себе данный аспект суверенитета (ЕС мог бы сам справиться с ситуацией в Косове), если бы было такое желание и смелость воплотить его в жизнь[709].

В конечном счете суверенитет остается наиважнейшей функцией государства и немногие говорили о его полном «размывании» или «десуверенизации» из-за процессов интеграции. Ограничен ли он? Безусловно. Но это не значит, что он исчезает. С подобным мнением солидаризировались и представители отечественной науки. Так, И. М. Бусыгина утверждала, что поскольку Европейский союз не располагает правом на легитимное насилие, следовательно, окончательное решение, например выйти из состава ЕС, остается за государством. Она писала, что и полного суверенитета у стран – членов ЕС быть не может, и говорит о наличии у них суверенитета «функционального» или разделенного[710]. Ученый В. Н. Конышев считал, что супранациональные и субнациональные субъекты международной политики, несмотря на некоторый рост их влиятельности, нуждаются в государстве: одни для того, чтобы найти защиту, другие – чтобы использовать государственные ресурсы. Некоторым организациям государство необходимо как оппонент, чтобы сплотить ряды сторонников. Народам, стремящимся получить государственный статус, и непризнанным политическим образованиям тоже нужна как сама идея, так и реальный институт государства[711]. М. Н. Марченко писал, что помимо того, что государства – члены ЕС принимают обязательства добровольно, ограничение суверенитета стран ЕС носит не широкоохватывающий характер, а локальный, затрагивающий только отдельные сферы жизнедеятельности[712]. О необходимости

---

[709] Moi'si D. Dreaming of Europe // Foreign policy. – June 01, 1999. – P. 46. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[710] Бусыгина И.М. Европейский союз: новые измерения концепции суверенитета // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. М., 2005. С. 51–69.

[711] Конышев В.Н. Указ. соч. С. 68–88.

[712] Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Указ. соч. С. 135.

суверенитета писала и отечественный ученый Н. Б. Пастухова, отмечая, что «отказ от понятия суверенитета, обусловленный будто бы весьма усложнившимися международными отношениями, взаимовлиянием и взаимозависимостью современных государств, нанес бы ущерб существующим столетия опорам гражданского мира»[713]. Хотя и в российской науке встречаются различные мнения. О размывании государственного суверенитета на примере Европейского союза писал О. Н. Барабанов. Он полагает, что суверенитет государств – членов ЕС ограничен не только межправительственными органами союза, но также и внутри стран со стороны административных и исторически сложившихся регионов, влияющих все более активно на процесс принятия решений, касающихся сельского хозяйства, рыболовства, проблемы островных и прибрежных территорий и так далее[714].

В результате можно сделать вывод, что потеря части суверенитета странами – членами ЕС – непростое и далеко не очевидное явление. Ряд ученых, понимая, что говорить о полном суверенитете государств – членов ЕС невозможно, но и не разделяя точку зрения о потере ими суверенитета полностью, подобно С. Краснеру или Н. Фельдману, понимали суверенитет как совокупность характеристик, которые можно в случае, например с ЕС, объединить или разделить. Так, еще Л. Вильдхабер, являясь сторонником возможности разделения суверенитета (также как Х. Хольм и Г. Соренсен), считал, что суверенитет следует понимать как сумму отдельных полномочий государства. Таким образом, рассуждал он, будет возможно убрать несколько из этих полномочий или делегировать их без уничтожения государственности. Международные организации, добавлял автор, также как и наднациональные, хоть и затрагивают власть суверенных стран в беспрецедентном объеме, все же не являются «супергосударствами», и

---

[713] Пастухова Н.Б. Указ. соч. С. 72.

[714] Барабанов О.Н. Тенденции регионализации в Европе и интересы России // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2000. С. 64.

страны – члены таких организаций свой суверенитет, безусловно, сохраняют[715].

Ряд американских ученых высказывался в подобном же ключе. Об «объединении» суверенитета стран – членов ЕС писал, например, американский исследователь Т. Зик, используя термин «объединенный суверенитет» (Pooled Sovereignty)[716]. Профессор Калифорнийского суверенитета В. Браун несколько позже также писал о суверенитете «общем» или «исчезающем» (Waning)[717]. Как и Л. Вильдхабер разделял суверенитет на части и профессор Массачусетского технологического института Р. Дорнбуш. По его мнению, если передача суверенитета в области обороны и внешней политики означает отказ от чего-то реального и ценного, то отказ от своей валюты, управляемой на национальном уровне, не является чем-то определяющим для суверенитета и способствует перенесению регулирования финансовой политики в области денег с недальновидных и политически уязвимых законодателей в руки консервативных менеджеров[718].

Теория об искусственном разделении суверенитета стала возможным выходом из ряда конфликтных или тупиковых ситуаций. Однако это, безусловно, оставалось опасным путем, который мог привести к полному «размыванию» принципа из-за постепенного и планомерного изъятия его важных параметров. Многие отмечали добровольность передачи суверенных прав, а значит, государство должно быть вправе их вернуть, иначе это будет больше напоминать насилие.

Тот факт, что суверенитет у стран – членов ЕС все же остался, подтвердил в свое время конституционный суд Германии в вопросе о возможном ограничении суверенитета страны Маастрихтским договором 1993 г. Суд постановил, что, поскольку государства – члены ЕС остаются

---

715 Wildhaber L. Op. cit. P. 442.

716 Zick T. Op. cit. P. 265.

717 Brown W. Walled States, Waning Sovereignty. N.Y., 2010. P. 62–64.

718 Dornbusch R. Euro Fantasies: Common Currency as Panacea // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1996-09-01/euro-fantasies-common-currency-panacea (дата обращения: 09.04.2018).

основателями договора о создании ЕС и могут прекратить членство в нем в одностороннем порядке, они не претерпевают каких бы то ни было ограничений суверенитета[719]. Безусловно, о чем говорил еще и Г. Еллинек[720], наряду с государствами, обладающими суверенитетом, всегда существовали образования автономные, выполняющие государственные задачи, но не являющиеся суверенными. Однако это не умаляет значение суверенитета как принципа и не отменяет факт необходимости его наличия, что можно проследить на примере развития сильнейших государств мира. С этим согласен и М. Н. Марченко, который пишет о том, что в современном мире не может существовать «полноценного» государства, не имеющего своего суверенитета, и подобные образования называются протогосударствами, доминионами, колониями, формирующимися государствами и так далее[721].

В итоге нужно сказать, что Европейский союз в понимании американского научного сообщества на рубеже веков являл собой безусловный вызов как внешнему, так и внутреннему аспектам суверенитета. Однако многие авторы все же признавали, что само объединение не имеет в полной мере ни одного признака суверенного государства и большинство самых значимых решений принимаются государствами, входящими в его состав. В ведении государств остается и внешняя политика, а любые изменения и попытка расширения прерогатив ЕС встречается его членами с сопротивлением. Характерны слова Т. Зика, который писал, что государства при вступлении в Евросоюз утрачивают суверенитет именно в классическом его понимании, но идея государственного суверенитета не будет искоренена в ближайшее время и, более того, она будет процветать[722]. На фоне заявлений о важности сохранения суверенитета Соединённых Штатов в тот период ученые порой утверждали, что пример ограничения суверенитета наднациональными структурами в ЕС подходит исключительно для

---

[719] Сеидов А.В. Указ. соч. С. 53.

[720] Еллинек Г. Указ. соч. С. 358.

[721] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 460.

[722] Zick T. Op. cit. P. 231.

европейских государств (это связано с послевоенным синдромом в Европе и с тем, что объединение шло при поддержке США) и подобное делегирование суверенных прав невозможно представить в других частях света[723]. Тем более, что и в Европе процесс интеграции идет неравномерно в различных областях, с чем был согласен Дж. Сорос, утверждавший, что если в области экономических отношений государства – члены ЕС готовы поступиться суверенитетом во благо развития, то в сфере политических и внешнеполитических взаимоотношений они не готовы активно делегировать суверенитет наднациональным органам[724].

---

[723] Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 29. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[724] Soros G. Can Europe Work? A Plan to Rescue the Union // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1996-09-01/can-europe-work-plan-rescue-union (дата обращения: 04.04.2018).

§3. Право наций на самоопределение: «новый суверенитет» возникающих государств на фоне старых институций[725]

Принцип права наций на самоопределение виделся как еще один фактор, ограничивающий суверенитет государства[726], поскольку многие страны считают его угрозой для своих внутренних дел. Проблема самоопределения особенна остра еще и потому, что только около 10 процентов стран мира являются этнически однородными и только половина из них имеет одну этническую группу, на долю которой приходится 75 процентов населения. В связи с этим американский ученый Дж. Най писал о перспективах федераций, местных автономий и международного надзора за правами национальных меньшинств и о том, что безоговорочная и бездумная поддержка принципа самоопределения приведет к мировому хаосу[727]. В целях же сохранения своих суверенных прав (и целостности) государство обращается к другому постулату международного права, которое призвано укрепить суверенитет и защитить от вмешательства во внутренние дела – к принципу территориальной целостности.

Несмотря на то что при изучении заявленных проблем в этой главе фокус сделан на анализе американской внешнеполитической мысли, будет также в известной степени исследовано и то, какое отражение нашел данный вопрос в отечественной науке. Это позволит более системно подойти к изучению и пониманию проблемы самоопределения, поскольку без анализа того, что было написано в том числе и российскими авторами, сложно говорить о всеобъемлющем понимании сути поднимаемых вопросов.

---

[725] В основе параграфа лежит материал двух научных статей: Катков А.Д. Влияние принципа суверенитета на политику признания государств (на примере конфликта в Косово) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – №4. – С. 37–48; Катков А.Д. Принцип самоопределения наций, его природа и историческое развитие (на примере конфликта в Западной Сахаре) // Человеческий капитал. – 2018. – №8(116). – С. 53–62.

[726] Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Op. cit. P. 6.

[727] Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

Противоречие права народов на самоопределение и суверенитета «в лице» принципа территориальной целостности усилилось в конце XX в., когда на фоне распада ряда стран (СССР, Югославия) стало появляться все больше новых государств. В результате, несмотря на то что эта проблематика обсуждалась и до 1990-х гг., данная тема стала одной из центральных (хоть и не самой главной) в работах ученых, занимавшихся вопросом суверенитета государства на рубеже веков, и слова о необходимости исследования взаимосвязи суверенитета и права на самоопределение стали звучать все чаще.

Более того, можно наблюдать, как процесс образования новых государств не теряет своей актуальности и в XXI в., затрагивая практически всю планету. Это видно в первую очередь на примере Сербии, столкнувшейся с конфликтом в Косове и его отделением в 2008 г.; ситуации в Республике Кипр, имеющей проблемы с отделившимися северными районами; Румынии, поддерживающей Молдавию в приднестровском вопросе; Словакии, опасающейся потери своих северных территорий; Азербайджане (спор с Арменией в Нагорном Карабахе); Грузии – нерешенный вопрос территорий Абхазии и Южной Осетии; Греции, опасающейся сепаратизма в связи с албанскими притязаниями на часть северной территории страны (Чамерия); Шри-Ланке – сепаратисты Тамил-Илама; на Филиппинах – проблемы на юге страны (в частности, на острове Моро); в КНР – проблемы с Тайванем, в Тибете и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе; Индонезии, опасающейся сепаратистских настроений на острове Новая Гвинея и Молуккских островах; Испании в связи с баскскими и каталонскими настроениями; Боснии и Герцеговине из-за Республики Сербской; Аргентине – ситуация вокруг Фолклендских островов; Канаде – стремление к отделению Квебека; Великобритании, опасающейся отделения Шотландии и Северной Ирландии; Бельгии с радикальными течениями во Фландрии и Валлонии;

Франции с проблемами на Корсике[728]. Известный американский автор Х. Ханнум писал, что, хотя словесная дань уважения принципу территориальной целостности еще отдается, распад в течение десятилетия СССР, Югославии, Чехословакии и Эфиопии (отделение Эритреи) воспринимается многими народами, претендующими на самоопределение, как наиважнейший прецедент[729]. Эта ситуация помещает в центр дискуссии принцип суверенитета. Американский ученый С. Краснер отмечал, что даже слабые государства, которые не имеют, по сути, суверенных прав, стремятся к их обретению. Однако для новообразованных государств важнее представляется не суверенитет, а международно-правовое признание, поскольку оно позволяет стране войти в международные организации или получить финансовую поддержку и т.п[730]. Но следует отметить, что суверенитет (его наличие) должен быть фактором, способствующим признанию, поскольку признавать стоит только те образования, которые могут считаться государствами, в противном случае подобное действие только приведет к дестабилизации обстановки. Похожую позицию занимают американские ученые Г. Хельман и С. Ратнер, писавшие, что жизнеспособность нового государства должна быть важнее, чем принцип самоопределения[731].

«Взрывоопасный» эффект от последствия претворения права на самоопределение настолько силен, что, как убежден А. Д. Богатуров, государства – члены ЕС готовы поступиться своим суверенитетом в том числе и ради того, чтобы растворить проблему самоопределения отдельных

---

728 Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №1. – С. 58–59.

729 Hannum H. Op. cit. // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

730 Krasner S.D. Op. cit. // Foreign policy. – January 01, 2001. – P. 20. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

731 Helman G., Ratner S. Op. cit. P. 4. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

этнических групп в интеграции всех европейских народов[732]. Суверенитет является препятствием на пути образования новых государств, особенно на пути их признания (поскольку признавать или нет новое государство в конечном счете вопрос суверенного выбора каждой страны). Но одновременно обретение суверенитета – желанная цель для непризнанных стран. Профессор Гарвардского университета Д. Сакс в связи с этим отмечал, что молодые, слабые государства стремятся войти в существующую международную систему не только потому, что признают преимущества капитализма, но и потому, что данная система будет защищать их национальный суверенитет, поскольку государства в ней действуют в рамках международного права[733]. Многие молодые государства (в частности, Африки) стремятся к признанию своего статуса и к обретению суверенитета также ради получения международной помощи[734].

Принцип права на самоопределение возник приблизительно в середине XIX в. Но самоопределение было именно принципом, а не правом, обозначающим возможность для народов, говорящих на одном языке, объединиться и сформировать собственное государство. В конце Первой мировой войны данный принцип послужил обоснованием для дезинтеграционных процессов в Австро-Венгрии и Османской империи. Предполагалось также, что новое государство должно быть экономически и политически состоятельно[735].

Нужно отметить, что право наций на самоопределение вызывало горячие дискуссии и споры еще в начале XX в., с самых первых шагов активного утверждения в международном праве. Ярким примером служит тот факт, что,

---

732 Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Указ. соч. С. 343.

733 Sachs J. Consolidating capitalism // Foreign policy. – March 01, 1995. – P. 64. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

734 Collier P. Africa's revolutionary routine // Foreign policy. – May 01, 2004. – P. 85. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

735 Цуциев А.А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы: Вып. 1. Непризнанные государства / Под общ. ред. А.Л. Погорельского. М., 2006. С. 34–35.

когда президент США Вудро Вильсон говорил: «самоопределение – не просто фраза, а императивный вид поведения…», его государственный секретарь Р. Лансинг утверждал, что «это положение начинено взрывчатым веществом… Какое несчастье, что оно было высказано»[736]. В результате в Устав Лиги Наций этот принцип включен не был, и когда Швеция в 1920 г. в споре с Финляндией по поводу Аландских остров сослалась на него, комитет юристов под эгидой Совета Лиги Наций постановил, что, несмотря на важность данного принципа как такового, его нельзя считать позитивной нормой международного права, поскольку в Устав организации он включен не был[737]. Однако по мере развития международного права этот принцип вошел в Устав ООН и игнорировать его государства уже не могут. Существуют мнения, что, прописывая в Уставе право наций на самоопределение, ООН относила это только к колониальным народам в их борьбе с метрополиями, отстаивая таким образом право колоний на независимость и не более того[738]. Но мы не найдем нигде в Уставе доказательств, что данное право не может использоваться народами, не находящимися в колониальной зависимости.

Обращаясь к политике США в этом вопросе, следует отметить, что в своих действиях они руководствуются, по сути, не столько правом, сколько национальными интересами. Так, после поддержки президентом В. Вильсоном права наций на самоопределение накануне создания Лиги Наций, уже в 1944 г. американский президент Ф. Рузвельт говорил, что «правительство США работает над формированием мировой организации, используя которую Соединенные Штаты вместе с другими государствами – членами могли бы взять на себя ответственность за нерушимость согласованных границ»[739]. Можно также привести в пример нежелание США

---

[736] Цит. по: Барсегов Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения. М., 1993. С. 5–6.

[737] Там же.

[738] Цуциев А.А. Указ. соч. С. 35.

[739] Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч., 2002. С. 221.

поддерживать сепаратизм курдов и шиитов на юге Ирака, во время противостояния с этой страной, в отличие от одобрения распада Югославии и последующего отделения Косова. В момент же распада Советского Союза США заявляли, что поддерживают право любого народа СССР на самоопределение[740]. Однако немногим позже заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии М. Бриза заявлял, что при решении конфликтов, связанных с сепаратизмом, принцип территориальной целостности является более приоритетным, нежели право народов на самоопределение[741]. М. Бриза также утверждал на примере Косова (называя это уникальным случаем), что если в регионе зафиксированы этнические чистки и гуманитарный кризис, то принцип территориальной целостности отходит на второй план и другие страны имеют право на гуманитарное вмешательство в ситуацию[742].

Двойственность прослеживалась и в заявлениях государственного секретаря США Дж. Бейкера, который утверждал еще в 1990 г., что новая Европа должна быть построена на основе безопасности, которая вытекает из твердых обязательств уважения в числе прочего суверенитета и права наций на самоопределение[743] – двух принципов, которые были в некотором противоречии друг с другом на фоне распада СССР. Позднее, в 1999 г. представитель администрации США Р. Хаас напишет в «Форин афферс», что поддерживать принцип самоопределения Соединенным Штатам стоит только, если есть какая-либо историческая легитимность создания государства, если новое образование жизнеспособно, если это будет способствовать внутренней стабильности в потенциальном субъекте, поведение нового

---

740 Bush G. Exchange With Reporters on the Situation in the Soviet Union. December 13, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/exchange-with-reporters-the-situation-the-soviet-union (дата обращения: 07.04.2017).

741 Bryza M. Situation in Georgia and Implications for the Caucasus // U.S. Department of State Archive. August 19, 2008. URL: https://2002-2009-fpc.state.gov/108551.htm (дата обращения: 07.04.2017).

742 Ibidem.

743 Baker J.A. The time has come to strengthen CSCE both politically and institutionally. Statement by Secretary of state. N.Y., October, 1990 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1990. – P. 285.

правительства в отношении граждан будет ответственным, и, наконец, если это поможет региональной стабильности и вероятная реакция соседних государств будет положительна[744]. Однако данные постулаты, по всей видимости, останутся только желательными, в политике, проводимой США в 2000-х гг., мы не увидим этих принципов в действии. Ссылаясь на стенограмму заседания круглого стола, посвященного проблеме самоопределения, при участии представителей Государственного департамента США, авторы сборника «Непризнанные государства» пишут, что «Соединенные Штаты Америки не имеют иного выбора, как избегать ясных доктрин и ясных принципов, когда дело доходит до движений за самоопределение, так как это окажется бедственным для США – оказаться вовлеченными в далекие конфликты благодаря каким-то жестким принципам… Единственное исключение – защита прав человека и абсолютная невозможность терпеть геноцид… Политики должны оставлять свои формулировки по проблеме самоопределения достаточно неясными, так как невозможно артикулировать самоопределение эксплицитно и безотносительно контекста»[745]. Далее говорится, что «сецессия – есть легитимное осуществление самоопределения в некоторых случаях, особенно в ответ на серьезные и систематические нарушения прав человека, когда возникшее в итоге образование оказывается экономически состоятельным»[746].

Право наций на самоопределение на современном этапе развития – это признанное международным сообществом право этнических и территориальных общностей на определение своего статуса вплоть до образования отдельного независимого государства[747]. Право на самоопределение – один из фундаментальных принципов международного

---

744 Haas R. Op. cit. // Foreign affairs. – September/October, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy (дата обращения: 28.09.2018).

745 Цит. по: Цуциев А.А. Указ. соч. С. 46.

746 Там же.

747 Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 385.

права, который закрепляется во многих международно-правовых документах[748]. Он нашел отражение уже в главе I (статья 1, пункт 2) Устава ООН и подтверждается в главе IX (статья 55), главе XI (статья 73) и главе XII (статья 75)[749]. Нужно заметить, что несмотря на это, многие западные политологи, такие как Ш. Вишер, К. Иглтон, М. Сибер, А. Корбан, считали данный принцип сугубо теоретическим и ложным и не находили ему места в системе международного права[750]. Известный английский ученый А. Коббен также достаточно категорично утверждал еще в середине XX в., что самоопределение в принципе потеряло свою историческую релевантность[751]. В Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам также закреплено право народов на самоопределение (статья 2), при этом зависимые народы защищаются от репрессивных мер любого характера и имеют право на образование независимого государства, а целостность их национальных территорий должна уважаться (статья 4). Но в то же время, в статьях 6 и 7 говорится о защите территориальной целостности и суверенности государства[752]. На примере данной декларации отчетливо просматривается конфликт между двумя принципами международного права: территориальной целостности государства (принцип, ставший выразителем попыток государства подорвать несколько губительное влияние самоопределения на суверенитет) и права наций на самоопределение – конфликт, который многие политики используют в зависимости от складывающейся конъюнктуры. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности границ согласно определению обеспечивает целостность государственной и национальной территории, в пределах

---

[748] См., напр.: Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах; Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; Африканская Хартия Прав Человека и Народов.

[749] Устав ООН. Указ. соч.

[750] Тункин Г. И. Указ. соч. С. 54–55.

[751] Cobban A. The nation state and national self-determination. N.Y., 1970. P. 280.

[752] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам. Указ. соч. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 29.10.2020).

которой данная нация исторически сложилась и развивалась как общность населения, которую связывает ряд факторов исторического, экономического, политического характера, общность языка, культуры, географических особенностей, психологического склада национального самосознания, социального развития[753]. Можно сказать, что конфликт между правом на самоопределение и суверенитетом, а также юридическая неопределенность статуса непризнанных государств берет начало в противопоставлении вышеназванных принципов международного права.

Термин территориальной целостности начал активно употребляться в политике после принятия в 1970 г. Генеральной Ассамблеей Резолюции XXV, содержащей Декларацию принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, и, безусловно, после подписания Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1975 г. В предшественнице ООН – Лиге Наций – также в свое время разгорелись споры о вопросе территориальной целостности, вызванные необходимостью определить истинный смысл статьи 10 Устава Лиги Наций. Но так же, как и в Уставе ООН, статья о территориальной целостности в Уставе Лиги Наций отражала лишь недопущение внешней экспансии, а не закрепление границ навеки, поскольку не подразумевалось, что Лига Наций может быть использована для подавления национальных движений внутри государств, как это было со Священным Союзом[754]. В первую очередь нужно сказать о том, что в Уставе ООН принцип территориальной целостности фигурирует в достаточно узком и вполне определенном смысле. В главе I (статья 2, пункт 4) говорится, что государства – члены организации «воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силы или ее применения против территориальной целостности любого государства»[755]. Это, безусловно, свидетельствует о том,

---

[753] Строева А.С. Указ. соч. С. 189.

[754] Барсегов Ю.Г. Культ Аннексий: Международное право на рубеже тысячелетий. М., 1997. С. 8.

[755] Устав ООН. Указ. соч.

что ООН осуждает именно внешнее посягательство на территорию какого-либо государства и обязует уважать государственные границы, установленные согласно нормам международного права, однако нельзя утверждать, что ООН гарантирует статус-кво границ, сложившихся в мире после Второй мировой войны. Таким образом, Устав ООН как основополагающий документ современного международного права допускает изменение государственных границ в соответствии с волеизъявлением населения[756]. Хотя существуют международные договоры, закрепляющие границы государств: например, Устав СНГ (статья 3)[757] и Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе (глава II, статья 2, пункт 1)[758]. Но эти документы подчиняются положениям Устава ООН и признают его примат согласно 103 статье Устава[759]. Следует отметить, что при создании ООН были попытки привнести закрепление границ в новую систему международных отношений. В частности, делегации Новой Зеландии и Австралии предлагали включить пункт в Устав о гарантии целостности территории государств, вошедших в организацию. Но такие предложения были отвергнуты по причине, которую хорошо проясняют слова главы украинской делегации: «Это выходит за пределы возможностей международной организации и может противоречить праву на самоопределение народов, желающих изменить свой статус или произвести мирный обмен территориями, тогда как международная организация должна поддерживать такое право»[760]. Нужно заметить, что одновременно с мнением о ненадобности в международных отношениях права наций на самоопределение (о чем говорилось выше) имеет место и

---

[756] Bentwich N., Martin A. A Commentary on the Charter of United Nations. London, 1950. Cmd. 6666.

[757] Устав СНГ, 22 января 1993 года // Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. URL: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180 (дата обращения: 12.04.2018).

[758] Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе, 12 февраля 2000 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/see_charter.shtml (дата обращения: 14.10.2020).

[759] Устав ООН. Указ. соч.

[760] Цит. по: Барсегов Ю. Г. Указ. соч., 1997. С. 9.

противоположная точка зрения. Так, исследователь И. Хрусталев полагал, что «в условиях крушения прежней мировой системы и становления новой принцип соблюдения территориальной целостности государств теряет свою изначальную ценность»[761]. Еще одним противоречивым в этом плане документом является Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., который одновременно с подтверждением прав национальных меньшинств на самоопределение (глава I, статья 8), устанавливает «нерушимость территориальных границ» в Европе (глава I, статья 3)[762]. Но положение о статус-кво границ в Европе имеет схожее значение с положением о территориальной целостности в Уставе ООН, так как в Заключительном акте говорится, что именно государства «будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы» (глава I, статья 3)[763].

В качестве примера противоречия права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности можно привести ситуацию, сложившуюся в результате провозглашения независимости Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), которая претендует на часть территории Марокко. Конфликт из-за этой территории длится уже около сорока лет. Многолетние усилия международного сообщества урегулировать данный кризис, доходивший до военных столкновений, оказались безрезультатными. Международные организации настаивали на проведении референдума о статусе данной территории, однако ни Марокко, ни фронт ПОЛИСАРИО (организация, провозгласившая независимость Западной Сахары и осуществляющая на сегодняшний день контроль над частью ее территории) не удовлетворены таким решением в полной мере. Марокко считало референдум лишь средством подтверждения права населения Западной Сахары на воссоединение с Марокко (оставляя данной территории лишь возможность автономии в рамках королевства), в то время как фронт

---

761 Хрусталев И. Признать или не признать? // Международные процессы. – М., 2007. – Т.5. – №2(14). – С. 118–122.

762 Хельсинкский Заключительный акт. Указ. соч.

763 Там же.

ПОЛИСАРИО отстаивал право сахарцев на самоопределение и полную независимость. Проведение референдума осложнял тот факт, что необходимо было осуществить перепись коренного населения. Однако стороны разошлись в вопросе, кого считать жителями Западной Сахары. ООН при посредничестве ОАЕ и ДНС так и не смогла провести данный референдум, который постоянно переносился с 1991 г. В 1997 г. специальный представитель Генерального секретаря ООН Дж. Бейкер смог убедить конфликтующие стороны подписать так называемые Хьюстонские соглашения о проведении референдума в 1998 г. Однако в конечном счете эти, как и все последующие, соглашения о проведении референдума выполнены не были и напряжение в регионе сохраняется[764]. Таким образом, добиться осуществления своего права на самоопределение жителям Западной Сахары крайне затруднительно, даже несмотря на то, что ООН констатировала серьезные и многочисленные нарушения прав человека в этом регионе со стороны марокканских властей[765]. В то же время Марокко не располагает достаточной мощью и влиянием на международной арене, чтобы полностью игнорировать право на самоопределение, используя силу, потому кризис сохраняется. Можно утверждать, что указанные противоречия не касаются в полной мере мощнейших стран мира, таких как Китай или Соединенные Штаты, и не возникают, если одна из сторон конфликта заведомо сильнее.

Если говорить о позиции США по вопросу о дальнейшем статусе непризнанного государства САДР, или Западной Сахары, то следует отметить, что декларативно они заняли нейтральную позицию, о чем свидетельствуют слова заместителя госсекретаря США по делам Ближнего Востока в 2004 г. У. Бернса, что «Соединенные Штаты далеки от того, чтобы пытаться навязать кому-либо решение сахарской проблемы. Мы играли и будем играть роль посредника в поисках политического решения, поскольку оно откроет перспективы экономического роста и укрепления стабильности в регионе,

---

764 Подгорнова Н.П. Указ. соч. С. 139–142.

765 Висенс Е. Западная Сахара: преданная независимость. М., 2007. С. 17.

что отвечает интересам США»[766]. При этом Соединенные Штаты активно участвовали в перевооружении марокканской армии, а в 2007 г. бывший государственный секретарь США М. Олбрайт и 173 члена Конгресса США (представители обеих партий) подписали обращение к президенту Дж. Бушу-младшему, призывая поддержать в конфликте марокканский план по предоставлению региону автономии. В числе причин поддержки сохранения Западной Сахары под суверенитетом Марокко указывались необходимость привнести стабильность в регион, позитивные стороны экономической интеграции, вероятность появления террористических формирований на территориях, неподконтрольных правительству Марокко, важность поддержания давних союзнических отношений с Марокко[767]. В 2009 г. похожее письмо подписало уже 229 членов Палаты представителей США[768].

Необходимо признать, что ООН в данном конфликте показала свою неэффективность и в конечном счете не смогла повлиять на разрешение кризисной ситуации в регионе, хотя не участие в конфликте представителей ООН могло бы привести к более многочисленным жертвам. Но, как представляется, важнее то, что этот кризис отчетливо показал, насколько серьезным может быть противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности. Окончательно разграничить данные постулаты права мешает именно государственный суверенитет. Ссылаясь на суверенитет, сильнейшие державы, не обращая большого внимания на мнение международного сообщества, подавляют сецессионизм на своей территории, как это делает, например, Китай в Тибете, или добиваются успеха сепаратистского движения в той или иной точке мира, как, например, это сделали США в Косове. Так в каком же случае право на

---

[766] Цит. по: Подгорнова Н.П. Указ. соч. С. 111.

[767] Hearing Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred tenth congress. – First session. – Serial No. 110–76. – June 6, 2007. URL: https://web.archive.org/web/20121213215438/http://foreignaffairs.house.gov/110/35873.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

[768] Majority of Congress Calls for Resolving W. Sahara Conflict to Remove ‘Single Greatest Obstacle’ to Combating Terrorist Threats in N. Africa. April 16, 2009 // News Release. Moroccan American Center for Policy. URL: https://web.archive.org/web/20110727092801/http://www.moroccanamericanpolicy.org/CongressionalLetter.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

самоопределение может быть поддержано международным сообществом? Как пишет Н. И. Харитонова, чтобы право на самоопределение как право на независимость какого-либо народа или территории было поддержано мировым сообществом необходимо, чтобы, «во-первых, народ отличался от преобладающего населения страны по основным критериям – этническому, лингвистическому, культурному; во-вторых, присутствовала отчетливая территориальная дифференциация и, в-третьих, необходимо одобрение Генеральной Ассамблеи ООН двумя третями голосов»[769]. Однако важнее в данном вопросе будет резолюция Совета Безопасности ООН, нежели Генеральной Ассамблеи, а первые два пункта, как замечает и сама Н. И. Харитонова, могут трактоваться по-разному. Отметим, что существуют прецеденты, когда международно-правовые документы фактически вынуждали государства к уважению принципа самоопределения. Это, например, произошло в результате реализации Дейтонских соглашений 1996 г., когда Союзная Республика Югославия и Республика Босния и Герцеговина признали независимость друг друга. Другим примером может служить Ирак, который, следуя решению СБ ООН от 1994 г. об уважении суверенитета Кувейта[770], фактически был вынужден признать его независимость.

Несмотря на то что принцип территориальной целостности защищает границы от внешнего посягательства, а не от самоопределения народов внутри государства, устранить окончательно конфликт этих двух постулатов можно, если очертить границы самоопределения. При этом следует указать на то, что самоопределение, прежде всего, должно обеспечиваться внутри государства и опираться таким образом на конституционные законы страны. Как будет показано далее, подобное мнение пользовалось популярностью среди ряда американских экспертов в изучаемый период. Если же народ,

---

769 Харитонова Н.И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. С. 159.

770 Резолюция Совета Безопасности ООН 949 (S/RES/949), 15 октября 1994 года // Официальный сайт ООН. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/401/73/PDF/N9440173.pdf?OpenElement (дата обращения: 30.11.2020).

ищущий самоопределения, объективно не может установить или расширить автономию, подвергается гонениям по расовым, этническим или другим признакам, то он имеет все права на свое отделение и признание нового статуса со стороны международного сообщества. Принцип территориальной целостности не может быть помехой к отделению и изменению границы изнутри, так как оберегает границы государства от внешней угрозы.

Необходимо отметить, что в изучаемый период право наций на самоопределение не обязательно предполагает изменение территориальных границ государства или образование независимого государства, однако зависимые народы имеют право «свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие» (часть I, статья 1, пункт 1)[771]. Народ, борющийся за самоопределение, не обязательно должен быть объединен по этническому принципу. Право на самоопределение имеет «нация или народ, борющиеся за свое освобождение и создавшие определенные властные структуры, объединенные единым центром, способным выступать от имени нации или народа в межгосударственных отношениях, могут претендовать на статус субъекта международного права»[772]. Важно также, что указанные в этом параграфе декларации и резолюции имеют не только антиколониальную направленность. Право народов на самоопределение является императивной нормой, которая применима к любому этносу.

Необходимо отметить, что существуют правовые прецеденты защиты права наций на самоопределение. Так, в консультативном решении суда по Намибии и в аналогичном решении по Западной Сахаре Международный суд квалифицировал положения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1960 г., как важную часть международного права и всеобщую

---

[771] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Резолюция Ген. Ассамблеи 2200 A (XXI), 16 декабря 1966 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 19.09.2020).

[772] Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Указ. соч. С. 18.

правовую норму, выступив в защиту права наций на самоопределение[773]. Из принятых позже документов можно выделить декларацию и Программу действий, принятую на Всемирной конференции по правам человека в Вене 25 июня 1993 г. В I главе декларации утверждается, что «…все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и беспрепятственно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». В декларации указано, что народы имеют право предпринимать любые действия, не противоречащие Уставу ООН, для осуществления своего права на самоопределение. Отказ в самоопределении считается прямым нарушением прав человека[774].

Реальность же такова, что заинтересованные государства, защищая свою суверенность, часто противопоставляют право наций на самоопределение и территориальную целостность, утверждая, что последний принцип имеет верховенство над правом на самоопределение[775]. Отечественный ученый А. И. Уткин, поддерживая в этом вопросе мнение К. Поппера, А. Коббена и Э. Смита[776], также высказывался против права на самоопределение, предполагающего сецессию и образование нового государства, поскольку не существует единых, всеми выработанных критериев возможности образования нового государства и поскольку подобное самоопределение приводит к хаосу и нестабильности, следовательно, как он полагает, достаточно будет осуществления самоопределения внутри страны[777].

Эта точка зрения нашла отклик в американской внешнеполитической мысли на рубеже веков. Директор программы американской внешней политики в Университете Джонса Хопкинса М. Мандельбаум считал, что

---

[773] Барсегов Ю.Г. Указ. соч., 1993. С. 13.

[774] Венская декларация и Программа действий, 25 июня 1993 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 03.04.2017).

[775] Всеобъемлющая международная безопасность. Указ. соч. С. 135.

[776] Popper K. The open society and its enemies. Vol. 2. Princeton, 1963. P. 49; Cobban A. Op. cit. P. 280; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 219.

[777] Уткин А.И. Указ. соч., 2002. С. 116–117.

невозможно предоставлять право каждому отдельному маленькому народу на создание собственного государства, поскольку в таком случае стран будет насчитываться немыслимое количество, что приведет к хаосу[778]. Американский исследователь Х. Ханнум писал, что самоопределение вне классического контекста деколонизации исторически ограничивается несколькими факторами: нежеланием великой державы предоставлять самоопределение, вопросами о потенциальной политической и экономической нежизнеспособности нового государства и общей целью поддержания стабильности и порядка путем сохранения существующего статус-кво. Автор также добавлял, что международное право не запрещает отделение, но и не признает права на отделение, не определяя даже предварительные условия, которые могли бы привести к такому праву[779]. Х. Ханнум писал, что право на самоопределение должно запрещаться, когда подобная сецессия может привести к нарушению международного мира. И наоборот, стоит вмешаться в ситуацию, если только сецессия и может предотвратить создание очага нестабильности. В других случаях вмешательство в гражданские войны необоснованно. Стоит заметить, что Х. Ханнум в своей статье зачастую уравнивает США и ООН, отмечая, что решать судьбу самоопределяющихся народов вправе либо США, либо ООН. Ученый также полагал, что самоопределение должно быть прежде всего реализовано внутри государства, поскольку оно касается в первую очередь людей и их прав, а не территорий. В итоге он приходит к выводу, что необходимо отрицать право на самоопределение через отделение, однако государства должны уважать права народов, проживающих на их территории. Интересно, что Х. Ханнум писал еще до кризиса в Косове (где, как известно, косовары часто нарушали права этнических сербов), что, если самоопределяющаяся нация нарушает права других народов на территории,

---

[778] Mandelbaum M. Op. cit. // Foreign policy. – June 01, 1994. – P. 6–14. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[779] Hannum H. Op. cit. // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

на которую она претендует, то таким народам необходимо предоставить широкую автономию или возможность воссоединения с материнским государством, в противном случае самоопределяющейся нации должно быть отказано (даже с применением силы) в создании собственного государства[780].

Сторонники территориальной целостности утверждали, что право наций на самоопределение противоречит самой идее государства и праву остального народа на единство. Именно такой точки зрения придерживается бывший российский дипломат А. А. Моисеев, писавший, что «если территориальное самоопределение народов сопряжено не с добровольным волеизъявлением всего народа государства, достижение политической суверенной независимости противоречит международному праву»[781]. Аналогичное мнение разделяют и другие авторы, утверждающие, что по принципу равноправия народов должны уважаться и права «несамоопределяющейся» части населения[782]. Но ни в одном основополагающем документе международного права не сказано о необходимости волеизъявления какого-либо другого народа государства, кроме, собственно, ищущего самоопределения. Вопрос о том, какой процент населения достаточен для создания нового государства, не нашел отражения в международном праве. Также принцип территориальной целостности не может быть основным, потому что в системе международного права попросту нет иерархии, о чем свидетельствуют отдельные статьи почти любого документа, как, например, соответствующие статьи (раздел I, глава A, статья 10) Заключительного акта СБСЕ, где говорится, что все принципы «имеют первостепенную важность и, следовательно, будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других»[783]. Данное положение подтверждено в Венской конвенции о праве

---

[780] Ibidem.

[781] Моисеев А.А. Указ. соч. С. 49–50.

[782] Верещагин В.Ю., Свиридкина Е.В., Чемурзиева З.И. Непризнанные государства на постсоветском пространстве. Ростов-на-Дону, 2008. С. 22.

[783] Хельсинкский Заключительный акт. Указ. соч.

договоров между государствами и международными организациями от 1986 г. (часть III, раздел 3, статьи 31–33)[784]. Однако это вовсе не означает, что право на самоопределение нивелирует принцип суверенитета государства. Отсутствие суверенитета, его «отмирание» приведет к потере самостоятельности и самодостаточности государства, независимости власти, защищенности ее и народа, проживающего на территории данной страны. В связи с этим М. Н. Марченко отмечает, что «необходимость и значимость государственного суверенитета предопределяется тем, что он создает все необходимые условия и предпосылки для непрерывного укрепления, развития и совершенствования государственного механизма в целом и его отдельных составных частей»[785]. Единственно же верным способом защититься от сепаратизма, как иронично отмечал С. Тэлботт, является обеспечение прав национальных меньшинств на территории государства[786].

В контексте противопоставления изучаемых принципов интересно также рассмотреть резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН XXIX[787], в которой достаточно четко разграничены проблемы территориальной целостности и права наций на самоопределение. Согласно 7 статье резолюции ничто в определении агрессии «не может наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов». Таким образом, резолюция прямо поддерживает самоопределяющиеся народы против государства, которое не желает предоставлять им право на независимость. Что касается территориальной целостности, то в данной резолюции закреплено обеспечение ее защиты от внешней угрозы и только от

---

[784] Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, 20 марта 1986 года // Официальный сайт ООН. URL: https://daccess-ods.un.org/TMP/1991305.20224571.html (дата обращения: 29.11.2020).

[785] Марченко М.Н. Указ. соч., 2015. С. 482–483.

[786] Talbott S. Op. cit. // Foreign policy. – March 01, 2000. – P. 160. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[787] Определение агрессии. Резолюция Ген. Ассамблеи 3314 (XXIX), 14 декабря 1974 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 06.04.2020).

нее, но не гарантируется неизменность границы в случае, если часть населения захочет избрать свой путь развития.

В результате принцип территориальной целостности, являясь равнозначным праву наций на самоопределение, закрепляет лишь неприкосновенность границ от посягательств внешнего агрессора. В связи с этим вполне логична фраза, высказанная в консультативном заключении Международного суда по делу о Западной Сахаре: «Именно народ должен определять судьбу территории, а не территория – судьбу народа»[788]. Своеобразным подтверждением этих слов может служить Декларация о принципах международного права, где в пункте 1 указывается, что формами осуществления народами своего права на самоопределение может быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»[789]. Данная декларация ценна тем, что, закрепляя принцип территориальной целостности, она в известной мере разрешает противоречие двух постулатов: «ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному, или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» (пункт 1)[790]. Следовательно, согласно декларации принцип территориальной целостности относится только к тем государствам, которые обеспечивают равноправие всех народов, проживающих в них.

Похожей позиции придерживались США, которые в предложении, внесенном в Специальный комитет по принципам международного права, высказывались в защиту права наций на самоопределение и подтверждали их

---

[788] Цит. по: Барсегов Ю.Г. Указ. соч., 1993. С. 17.

[789] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества. Указ. соч. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.11.2020).

[790] Там же.

право на отделение, за исключением случаев, когда государство считается эффективно функционирующим и представляющим интересы всех народов, проживающих в нем[791]. Правда, вопрос о критериях эффективности и о третьей стороне, выносящей вердикт соответствия, остается открытым.

Позицию правительства Соединенных Штатов разделял ряд ученых, в частности профессор Виргинского университета М. Смит, утверждавший, что, когда государство перестает уважать права граждан, оно теряет моральное право на заявления о своем полном суверенитете[792]. В таком же ключе высказывался и профессор в области международных отношений Э. Линклейтер[793].

Популярным было мнение, что беспорядочное и повсеместное применение права на самоопределение способно подорвать международную безопасность, поскольку приведет к хаосу в международных отношениях и росту конфликтности. Невозможно, чтобы каждый народ или группа, имеющая свои этнические или культурные особенности, имела автоматическое право на собственное государство. Всегда будут существовать меньшинства, независимо от того, насколько тщательно прочерчены границы[794]. Следовательно, хоть это и не закреплено в основных международно-правовых документах, право на самоопределение не должно обязательно предполагать отделение части территории, а, прежде всего, должно реализовываться в форме получения или расширения автономии. Более того, в случае образования нового государства оно должно обладать суверенитетом для того, чтобы его появление не усугубило положение населения и не привело к дестабилизации в регионе. Таким образом, право на

---

[791] Барсегов Ю.Г. Указ. соч., 1993. С. 23.

[792] Ethics and International Affairs. Selected summaries of some of the main journals of international affairs // Foreign policy. – March 01, 1999. – P. 128. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

[793] Linklater A. The Transformation of Political Community Ethical Foundations of the Post-Westphalian Era. Columbia, 1998. P. 26.

[794] Hannum H. Op. cit. // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

самоопределение будет несколько ограничено, что позволит ослабить его возможный «детонирующий эффект». Если же государство не является эффективно функционирующим и не обеспечивает равноправие всех народов, проживающих в нем, не готово расширять автономии или вовсе ограничивает права определенного этноса, то последний имеет полное право образовать собственное государство и требовать его признания. Но реальность совершенно иная, и, как писал Дж. Най, вопросы самоопределения чаще решаются с помощью пуль, а не бюллетеней[795].

Большинство ученых сходились во мнении, что исполнение права на самоопределение не исключает сам суверенитет, поскольку процессы самоопределения – внутреннее дело государства. Об этом писал и Г. Эванс, утверждавший, что право на самоопределение следует рассматривать как требования о защите групповых прав внутри государства, а не вызов суверенитету страны. Суверенитет – это данность современного мира, и нужно с уважением относиться к странам, пытающимся его укрепить (что особенно характерно для новых государств)[796]. В конечном счете государство вынуждено самоопределение уважать, поскольку это его международное обязательство. Право на самоопределение, конечно, ограничивает суверенитет государства (при этом, в тех же рамках, как это делает само международное право в принципе), однако не ведет к «десуверенизации».

***

Подводя итог стоит сказать, что суверенитет в конце XX – начале XXI в. сталкивается со множеством вызовов, начиная с глобализации и заканчивая правом наций на самоопределение. Зарубежные историки и политологи пытались понять перспективы ограничения суверенитета, возможности его укрепления или «десуверенизации».

---

795 Nye J. Op. cit. // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

796 Evans G. Op. cit. // Foreign policy. – March 01, 2001. – P. 33–34. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

Среди изменений, происходящих в международной системе, особое место занимает глобализация, которая подвергает принцип суверенитета очевидному вызову. Странам становится все сложнее контролировать движение капиталов, информации и товаров через свои границы. Свободное перемещение трудовых ресурсов и капитала в результате глобализации не разрешает социальные проблемы в государствах. Но глобализация – это реальность, а не выбор. Мировое управление не возможно без значительной трансформации всего международно-правового режима, в которой акцент может быть сделан не на суверенитете государств, а на их глобальной ответственности и, более того, подчиненности институтам глобального управления[797]. Таким образом, существовало мнение, что процесс глобализации на политическом уровне прямо противоречит идее суверенитета государства. Однако, несмотря на то что глобализация часто указывалась как фактор, серьезно ограничивающий роль государства в современном мире, некоторые ученые писали, что глобализация идет в тандеме с процессом усиления государства (следовательно, и суверенитета) и с не теряющим своей актуальности процессом появления новых стран в результате самоопределения народов. Так, К. Уолтц крайне скептически относился к мнению о неизбежной «десуверенизации», считая, что уровень взаимозависимости в мире прямо пропорционален усилению роли государства, а масштабы глобализации явно преувеличены[798]. С его мнением был согласен почетный профессор Принстонского университета Р. Гилпин, который полагал, что глобализация является обратимой, ограничивается процессом регионализации. Кроме того, многие государства Азии, где проживает большая часть человечества, не вовлечены в глобальные процессы. Глобализация зачастую приводит к усилению протекционизма в политике государств и нестабильности в финансовой сфере, что, в свою очередь, имеет следствием укрепление суверенитета как ответ на негативные

---

[797] Барабанов О.Н. Указ. соч., 2002. С. 43.

[798] Waltz K. Op. cit. // The National Interest. – Spring, 2000. – No. 59. – P. 47.

последствия глобализации[799]. Таким образом, усиление глобализации ведет одновременно как к ограничению суверенитета, так и, как следствие, к его усилению. Мнения американских ученых о степени влияния глобализации разнились, однако многие (в большинстве своем неореалисты) признавали, что отринув концепцию суверенитета как таковую, мы обнаружим серьезные пробелы во всей системе международного права, которые необходимо будет чем-то заполнить[800].

Транснациональные компании, возникшие в рамках глобализации и являющиеся ее главным двигателем, также виделись фактором, «наступающим» на государственный суверенитет, что привело к рождению теорий «перфорированного» суверенитета. Так, известный американский историк А. Шлезингер считал, что государства будут играть все меньшую роль, являясь слишком маленькими для больших проблем и слишком большими для маленьких[801]. Но не все были согласны с этим. Проблема ТНК в том, что они обладают глобальной сферой влияния и их характеризует отсутствие ответственности. Крупному бизнесу в отличие от государства безразлично место производства продукции. В результате дальнейшее усиление ТНК и других неправительственных организаций (например, Гринписа) ведет только к усилению суверенитета, поскольку государства, пытаясь нивелировать негативное влияние ТНК, помимо обеспечения безопасности все активнее стремятся обеспечить экономические и социальные гарантии своих граждан, охрану окружающей среды. В итоге влияние ТНК на суверенитет не получило однозначной оценки.

Если говорить об интеграционных процессах, то практически всеми авторами в 1990-е – начале 2000-х гг. признавалось, что организации, подобные Европейскому союзу, ограничивают суверенитет государств – членов. Но неореалисты настаивали, что подобное ограничение не лишает

---

799 Gilpin R. Op. cit. P. 294–338.

800 Jackson J. Op. cit. // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 790.

801 Schlesinger A. Has Democracy a Future? // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/has-democracy-future (дата обращения: 12.04.2018).

страны суверенитета в целом. Государства, являясь источником делегированных прав и будучи способными выйти из международных организаций, остаются суверенными. Наличие суверенитета – это естественное состояние для государства. Акцент делался и на том, что Евросоюз не является самодостаточным государством, «суперсувереном», а представляет собой образование, созданное именно суверенными государствами и в конечном счете зависящее от воли и интересов этих государств[802]. Более того, тенденция развития Евросоюза в последние годы четко показывает стремление многих стран – членов организации укрепить свой суверенитет, а право определять компетенцию Евросоюза остается исключительно у государств – членов. Следует также отметить, что пример активного наступления интеграции на суверенные права, по мнению ряда американских ученых, подходит в основе своей только для Европы, а, например, Япония, Индия, Китай или США не готовы ограничивать суверенитет ради подобных интеграционных процессов. Кроме того, многие постпозитивисты, говорившие о «десуверенизации», не ответили на вопрос о том, почему государства, так решительно отстаивающие свой суверенитет перед завоеванием, должны легко отдать его наднациональной бюрократии.

Право наций на самоопределение также входит в некоторое противоречие с принципом суверенитета государства. Это – объект дискуссии в конце XX – начале XXI в., когда этот принцип в связи с образованием большого количества новых государств стал упоминаться в теории и практике международных отношений все чаще. Многие авторы сходились в том, что отделение и создание независимого государства – это крайняя мера, на которую идут только тогда, когда все другие попытки добиться расширения автономии в рамках единого государства исчерпаны. Данные постулаты будут использованы официальными лицами США в 2008 г. в ходе признания независимости Косово, когда говорилось об особом случае и о вынужденных мерах.

---

[802] Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Указ. соч. С. 138.

В результате анализа научной дискуссии можно утверждать, что тогда как неореалисты и неолибералы сходились в том, что государство, несмотря ни на что, продолжает играть ведущую роль в международных отношениях, а принцип суверенитета остается важнейшим его свойством, представители таких школ теории международных отношений, как постпозитивизм и глобализм, видели в мировой политике снижение роли государства и усиление влияния неправительственных и наднациональных участников международного взаимодействия. Институционалисты же часто в качестве одного из ключевых примеров неизбежной «десуверенизации» приводят Евросоюз. Суверенитет этими направлениями виделся как вымысел, необходимый для оправдания своего поведения на международной арене.

Многие ученые ставили в итоге вопрос о дальнейшей судьбе суверенитета и государства: будет ли государство сильнейшим игроком на международной арене и останется ли гарантом стабильности, как утверждали неореалисты, или же не сможет быть прежним, столкнувшись с интеграционными и транснациональными вызовами, как об этом писали неолибералы. В ходе анализа удалось показать, что несмотря на то что суверенитет, а вместе с ним и государство не виделись абсолютными силами во всех отношениях, лишь немногие говорили об окончательном уходе суверенитета «со сцены». В итоге суверенитет – это «объект необходимых и неизбежных ограничений, как внутренних, порожденных необходимостью согласования суверенных прав сталкивающихся общественных сил…, так и внешних – в силу взаимодействия и столкновения государственных суверенитетов разного достоинства»[803].

Несмотря на правовые исследования вопроса ограничения суверенитета, на практике в начале XXI в. во многих передовых странах наблюдалась активная защита суверенных прав, что, в свою очередь, говорит о невозможности в краткосрочной перспективе «десуверенизации». Так, в

---

[803] Пономарева Е.Г. Суверенитет периферийных обществ в условиях глобализации: Сербия и Черногория // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. М., 2005. С. 152.

США с приходом к власти республиканской администрации во главе с Дж. Бушем-младшим произошла резкая смена внешнеполитического курса в сторону укрепления суверенитета, что нашло отражение в отказе от подписания Соединенными Штатами Киотского протокола, а также от ратификации Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний, выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., введении ряда протекционистских тарифов, обеспечении своих привилегированных прав в управлении Интернетом[804]. Такую же политику проводили КНР и Индия, обеспечивая независимость своих вооруженных сил и развитие ВПК; Бразилия, позиционирующая себя в качестве противовеса США в регионе; Япония, пытающаяся воскресить армию как неотъемлемую часть суверенитета; Швейцария, отстаивающая свою банковскую систему и валюту; страны ОПЕК, проводящие все более независимую политику на рынке энергоресурсов и ряд стран ЕС, отказавшихся от подписания конституции Европейского союза[805]. Известный отечественный ученый Т. А. Шаклеина отмечает, что США, равно как и наиболее сильные страны Западной Европы, а также Россия и подавляющее большинство государств Азии и Латинской Америки, «крайне болезненно относятся к идее ограничения своего суверенитета и проявляют готовность применять силу для его защиты»[806]. В поддержу суверенитета высказывался и Ф. Фукуяма, который в книге «Сильное государство» доказывал, что сохранение либеральных ценностей возможно только при сильном суверенном государстве[807]. Таким образом, многие ученые расходились в понимании сущности суверенитета и будущего, которое ожидает этот принцип, но несомненным оставалось то, что он занимает исключительное положение во всей системе международных отношений и находится на острие политического и научного дискурса.

---

[804] Кокошин А.А. Указ. соч. С. 32–33.

[805] Там же. С. 35–44.

[806] Шаклеина Т.А. Указ. соч. // Международные процессы. – М., 2007. – Т. 5. – №3(15). – С. 67.

[807] См.: Фукуяма Ф. Указ. соч.

Заключение

Международные отношения после падения Берлинской стены характеризуются стремительной динамикой изменений. В разных регионах мира наблюдались различные типы демократизации, этнические конфликты в борьбе за территорию, все усиливающаяся террористическая угроза, эксперименты в области экономической и политической интеграции, укрепление фундаментализма в арабском мире, экономические кризисы. Эти процессы и события, иллюстрирующие сложность международной обстановки, побудили научное сообщество к осмыслению происходящих явлений.

В конце XX – начале XXI в. в связи с нарастанием системного кризиса политический мир оказался в состоянии неопределенности. Данный период характеризуется еще и тем, что государственно-центристская модель мира, а вместе с ней и суверенитет, столкнулись с серьезными вызовами, исходившими от международных организаций и различных интеграционных движений, а также вызванными процессом глобализации. Однако «размывание» национальных границ и «эрозия» суверенитета сопровождались одновременным усилением попыток различных государств сохранить статус единственно значимого субъекта международных отношений, а также стремлением найти новые способы и методы укрепления суверенитета. Все это делало проблему суверенитета государства, с новой энергией поднятую в 1990-е гг., актуальной и значительной. Более того, аргументом в пользу сохранения существенного интереса к вопросу суверенитета в будущем является возникновение новых государств на мировой арене, увеличение количества движений за самоопределение и непризнанных государств, стремящихся получить и укрепить суверенитет. С другой стороны, будущее суверенитета несколько туманно в связи с углубляющимися процессами глобализации и интеграции, в ходе которых многие государства готовы серьезно ограничить свою независимость при принятии решений. Также нельзя не отметить усилившееся внимание к

правам человека в мире (и использование, как следствие, гуманитарных интервенций), что с особой остротой поставило вопрос о сохранении в рамках суверенитета принципа невмешательства во внутренние дела. Хочется отметить, что в данный период идеологической основой нового миропорядка в американской внешнеполитической мысли была концепция укрепления демократических ценностей, инструментом поддержания которых стали проводимые США гуманитарные интервенции. Все это ставило в центр внимания проблему ограничения суверенитета, соединения его с понятием ответственности или разделения его на составные части. Однако позиция о незыблемости сохранения суверенитета самих США оставалась неизменной.

Таким образом, суверенитет является необходимым условием для нормальной жизнедеятельности государства и во многом обеспечивает защиту, охраняет от вмешательства государств в дела друг друга. Но после окончания холодной войны в конце XX – начале XXI в. в связи со стремлением США установить однополярное мироустройство, с ускорением процесса глобализации, набирающими силу интеграционными движениями, попытками интернационализировать проблему соблюдения прав человека, а также рядом других факторов в американской и мировой внешнеполитической мысли стала чаще подниматься тема изменения и исчезновения суверенитета. Основные споры касались вопросов его ограничения или самоограничения, отчуждаемости или потери, делимости или неделимости, перспектив и динамики его развития.

В американской внешнеполитической мысли мнение о неизбежности ограничения суверенитета являлось трендом, охватившим практически весь научный мир. Некоторые ученые не оставляли места для суверенитета в будущем мироустройстве, другие «дробили» суверенитет, наделяя в результате государство своего рода «половинчатым» суверенитетом, третьи говорили о непререкаемой важности принципа, однако игнорировать изменения, происходящие в мире, также не могли.

В связи с этим произошло некоторое стирание границ между научными направлениями, что вызвало определенную сложность в дифференциации

различных концепций. Постпозитивисты заняли наиболее радикальную позицию, считая принцип суверенитета реликтом истории, не только не способствующим международному порядку, но и даже обеспечивающим защиту агрессивной политики государств. Отказ от исторического смысла суверенитета позволял пересмотреть роль государства в системе международных отношений как на концептуальном, так и на политическом уровне. Представители неолиберальной точки зрения, доминировавшей на рубеже веков, не отрицая значения суверенитета, утверждали неизбежность его трансформации, которая произойдет под влиянием глобализации, а также интернационализации проблемы соблюдения прав человека. Неореалисты, в подавляющем большинстве сближавшиеся с неолибералами, отмечали процесс неминуемого ограничения суверенитета, однако зачастую считали, что произойдет это в отдаленной исторической перспективе и склонны были не переоценивать значение современных явлений.

В итоге, обобщив все концепции, можно сделать вывод, что суверенитет, несмотря ни на что, на протяжении всего изучаемого периода воспринимался большинством авторов как наиважнейший принцип международного права, как основополагающая функция государства и именно поэтому его изучение всегда оставалось предметом освещения многочисленных статей, очерков и книг. Эту позицию разделяли как официальные представители власти в США (не только в администрации Дж. Буша-старшего, но и Б. Клинтона, а также Дж. Буша-младшего), так и значительное число американских историков, политологов и юристов. Одновременно практически всеми признавалось некоторое ограничение, которое претерпевает суверенитет на современной стадии развития, отрицалась «вестфальская» его модель. Отличия же в позициях были в том, какими виделись основные причины этого ограничения и как оценивалось их влияние на изучаемый принцип.

В период президентства Дж. Буша-старшего и риторики установления «нового мирового порядка», а также особенно во время руководства Б. Клинтона, шла активная дискуссия об ограничении суверенитета со стороны международных организаций и, как следствие, международного

права. Отдельно, в связи в том числе со вступлением в ВТО в 1995 г., актуализировалась полемика о суверенитете самих Соединенных Штатов. В результате, несмотря на обилие политологов, отстаивавших опасность подобного ограничения прав США, консенсус наблюдался в признании некоторых границ, существующих у государственного суверенитета. Однако при этом подавляющим большинством экспертов отмечалась невероятная важность сохранения суверенитета, а значит и независимости, при вступлении в какие-либо организации или подписании тех или иных договоров. Утверждалось, что, хотя суверенитет и несколько ограничивается, это не влияет на сам принцип кардинальным образом, не ставит действия государства в подчиненное положение и страна имеет право в любой момент выйти из международных договоренностей. Более того, зачастую считалось, что подобные ограничения действуют только во благо, поскольку государство выигрывает от вступления в организации и ратифицируя договоры. Эта дискуссия в таком же ключе продолжалась и при президенте Дж. Буше-младшем, несколько утратив актуальность, которую имела во второй половине 1990-х гг. Таким образом, концепция возможного и до известной степени полезного ограничения суверенитета со стороны международных организаций выстраивалась постепенно и окончательно сформировалась во второй половине 1990-х гг. При этом США продолжали проводить одностороннюю политику укрепления суверенитета: отказ от присоединения к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний, Конвенции о противопехотных минах и Римскому договору, Конвенции о правах ребенка.

Подобную же эволюцию во внешнеполитической мысли США претерпело обсуждение вопроса об ограничении суверенитета ввиду развития гуманитарного права. Данная концепция, получившая название «гуманитарных интервенций», окончательно сформировалась на государственном уровне при президенте Б. Клинтоне. Во время нахождения у власти Дж. Буша-старшего, безусловно, также говорилось о важности соблюдения прав человека, однако на официальном уровне это еще не

являлось возможной и основной причиной вмешательства во внутренние дела других государств. Хотя в академических кругах именно в данный период начинается активная разработка концепции, которую администрация Б. Клинтона начнет использовать, привлекая ее сторонников к деятельности во властных структурах. Научное сообщество в процессе развития данного вопроса приходит к концепции «ответственности за защиту прав человека», которая обобщила все изыскания предыдущих лет. Суть заключалась в том, что отныне суверенитет должен пониматься прежде всего не как принцип, дающий некие права, а как принцип, налагающий обязательства, ответственность за соблюдение прав человека на территории государства. Если же страна не может их обеспечить, то ее суверенитет объявлялся ограниченным и ей отказывалось в праве на противодействие внешнему вмешательству, что могло привести к гуманитарной интервенции. Такая концепция была удобна Соединенным Штатам, так как позволяла говорить о важности суверенитета в принципе и в то же время нарушать его, вторгаясь в дела других государств, утверждая, что суверенитет этих стран ограничен. В данном случае наблюдалось большее единодушие как у ученых, так и у политиков в том, что данное ограничение является необходимым и естественным, а также логично следует из всего хода развития и эволюции принципа суверенитета. Эта концепция, не принятая в рамках ООН, все же будет фактически признана в США к началу XXI в., а также найдет косвенное отражение во внешнеполитических доктринах страны. Солидарность в вопросе ограничения суверенитета гуманитарными интервенциями вызвана, вероятно, тем, что американцы не видят угрозы для своего государства в связи с понятием «ответственности за права человека», считая, что США являются образцовой страной в этом отношении.

Следует констатировать, что вопрос разграничения вмешательства и суверенитета не до конца решен. Концепция «гуманитарных интервенций» остается неопределенной в международных отношениях, являясь не только отражением стремления к построению гуманистического мира, но и проявлением корыстных политических интересов великих государств,

стремящихся к легитимации своего вмешательства во внутренние дела других стран.

Большинство ученых на рубеже веков признавали ограничение суверенитета в условиях глобализации, однако придерживались различных точек зрения в вопросе о силе ее влияния на суверенитет. Одни считали, что оно переоценивается и государства остаются важнейшими субъектами международных отношений, другие разрабатывали концепции «перфорированного суверенитета» и настаивали на том, что внутренний аспект суверенитета существенно ограничивается ТНК, группами интересов и преступными организациями («внутренние возмутители суверенитета»), а внешний – процессом глобализации, деятельностью международных организаций и ратифицированными договорами. В итоге, несмотря на то что ряд политологов в США видел в глобализации угрозу и критиковал ее (отмечая, что она выгодна меньшинству и увеличивает безработицу, способствует уходу американского капитала в зоны дешевой рабочей силы, разрушая тем самым экономику и ослабляя международные позиции страны), все сходились на понимании неотвратимости этого процесса.

Интересно также отметить, что большое количество американских ученых и экспертов в этот период считали интеграцию положительным явлением, которое, несмотря на ограничение суверенитета, идет в итоге на пользу государствам – членам. На примере ЕС некоторые политологи пытались обосновать неизбежность «десуверенизации» – мнение достаточно распространенное во внешнеполитической мысли США на рубеже веков. Но многие все же признавали, что подобное ограничение из-за интеграции не лишает государств суверенитета в целом. Неореалисты, в частности, придерживались мнения, что пример Евросоюза является исторически уникальным и не подходит другим странам. Этот дискурс нашел отражение в теориях «объединенного» или «разделенного» суверенитета, суть которых сводится к одному: суверенитет понимается как совокупность функций, которые могут делегироваться, следовательно, государства могут быть наделены этими функциями в неполном объеме. Такая концепция позволяет

сохранить суверенитет как принцип и «защитить» его от сторонников полной «десуверенизации». Это возможный выход из ряда конфликтных ситуаций, однако впоследствии может произойти полное «размывание» государственности из-за постепенного и планомерного изъятия важных составляющих суверенности. В то же время становится очевидным, что подобный сценарий интеграции представляется невозможным для США в понимании американских экспертов, что следует, помимо прочего, из полемики, которая развернулась по поводу вступления в силу ряда экономических соглашений или дискуссии о членстве в ООН. В этом наблюдается некоторая двойственность в отношении к своему суверенитету и суверенитету других государств, что прослеживается в работах американских политологов того времени. В результате пример Евросоюза нельзя рассматривать как предвестник неизбежной «десуверенизации». Механизм принятия решений в ЕС предусматривает блокирование со стороны несогласных государств – членов, а миграционный кризис 2015 г. наглядно показал стремление и возможность стран, входящих в Евросоюз, свой суверенитет сохранить.

Право наций на самоопределение также виделось многими как фактор, ограничивающий суверенитет государства. Особенно проблема обострилась после распада СССР и Югославии в связи с образованием множества новых государств. Важно, что конфликт между правом на самоопределение и правом на территориальную целостность государства не потерял своей актуальности и на сегодняшний день. Руководство же Соединенных Штатов, как и многие ученые, занимало в этом чувствительном вопросе очень осторожную позицию. Говоря о важности права на самоопределение, Белый дом утверждал, что оно должно быть реализовано в первую очередь в виде автономии внутри государства. «Право на отделение» при этом рассматривалось как возможный сценарий лишь в крайнем случае. Анализ же документов международного права показывает, что право на самоопределение, являясь принятой нормой, не противоречит праву на территориальную целостность, поскольку последнее действует в

международной плоскости, а не во внутриполитической. Безусловно, это несколько ограничивает суверенные права государства, но не в большей степени, чем это делает само международное право. Тем более не может идти речи об «отмирании» суверенитета.

Существовали также теории об эволюции суверенитета, возможности существования «неполного», «делегированного» суверенитета, а также теории, «дробящие» суверенитет на несколько составляющих. Эксперты пытались с разной долей успеха осмыслить процессы ограничения, происходящие с суверенитетом в конце XX – начале XXI вв. Они пытались объяснить возможность сосуществования гуманитарного права, глобализации, интеграции, международного права одновременно с суверенитетом, чтобы понять перспективы принципа, его природу в настоящее время и противопоставить это ученым, утверждавшим, что суверенитет не нужен и скоро исчезнет.

Дискуссия о суверенитете во внешнеполитической мысли США в конце 1990-х – начале 2000-х гг. нашла отражение и в позиции руководства Соединенных Штатов. Так, в каком случае, согласно официальной риторике США, государство лишается суверенитета? Во-первых, при нарушении прав человека, тогда Соединенные Штаты могут инициировать проведение гуманитарной интервенции. Такое понимание формировалось в научных и политических кругах США постепенно, под влиянием операций вмешательства во внутренние дела государств, которые США проводили в конце XX в. Кульминационными точками стали бомбардировка Югославии в 1999 г. и введение войск в Ирак в 2003 г. Страна, нарушающая права человека, лишалась в глазах США суверенитета, а именно его наличие де-факто признавалось наиважнейшей функцией государства. В контексте дискуссии о суверенитете своего государства политики США, по сути, также подтверждали важность данного принципа. На фоне принятия Соединенными Штатами ряда международных обязательств и вопроса о роли ООН после окончания холодной войны (это вызвало ожесточенные споры о важности сохранения суверенитета США и данную позицию разделяли не

только политические деятели (прежде всего, члены Республиканской партии), но и множество экспертов, занимающихся вопросами международных отношений), утверждалось, что суверенитет может быть ограничен в первую очередь международными соглашениями и организациями. Однако основные рычаги власти остаются в руках национального правительства, равно как и независимость при принятии решений и, что особенно важно, при изменении внутреннего законодательства.

Во-вторых, серьезную угрозу для национального суверенитета представляет неспособность государства справиться с незаконной торговлей и производством наркотиков[808]. Таким образом, эффективность правительства ставилась некоторыми официальными представителями власти в США в прямую зависимость от суверенитета (стоит отметить, что данный тезис напоминает «суверенитет взаимозависимости», введенный С. Краснером[809]). О том, что торговля наркотиками внутри страны является непосредственной угрозой для суверенитета государства, говорил и Дж. Буш-старший в 1992 г[810]. В аналогичном ключе высказывался и Б. Клинтон, утверждавший, что эта угроза несет серьезную опасность для суверенитета страны[811]. Он также говорил, что наркоторговля напрямую «оскорбляет» суверенитет государства[812]. Необходимость эффективной власти для сохранения суверенитета иллюстрирует пример Косова, когда в начале кризиса администрация Б. Клинтона хотя и считала, что косовары обоснованно

---

[808] Calling upon the Government of Mexico to undertake greater and more effective counter-drug measures, and for other purposes. H.J.Res.61, 07/01/1999 // Official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-joint-resolution/61/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22sovereignty%22%5D%7D&r=87 (дата обращения: 29.11.2020).

[809] Krasner S.D. Op. cit. Princeton, 1999. P. 9–25.

[810] Bush G. Text of Remarks at the Opening Session of the Drug Summit in San Antonio. February 27, 1992 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/text-remarks-the-opening-session-the-drug-summit-san-antonio (дата обращения: 31.01.2018).

[811] Clinton W. Memorandum on Cooperation With Mexico on Drug Control. April 08, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/memorandum-cooperation-with-mexico-drug-control (дата обращения: 31.01.2018).

[812] Clinton W. Declaration of Mexican and United States Alliance Against Drugs. May 06, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/declaration-mexican-and-united-states-alliance-against-drugs (дата обращения: 31.01.2018).

приравнивают обретение независимости и суверенитета к собственному выживанию, однако не поддерживала данный сценарий. Президент США отмечал, что у Косова нет ресурсов и инфраструктуры для самостоятельной жизнедеятельности и независимость края приведет к дестабилизации обстановки в регионе[813]. Таким образом, по крайней мере декларативно, эффективное правительство представлялось в тот момент руководству США необходимым условием суверенитета, а Косово виделось как автономный край в составе Сербии.

Помимо этого, государство может потерять суверенитет, если не контролирует всю территорию, не имеет реальной власти для осуществления своих полномочий, власть в нем захвачена преступниками и оно подвержено коррупции[814]. Это также может быть отнесено к эффективности действующих правительственных институтов. Следовательно, эффективность важна еще и потому, что в ее отсутствие, государство не только лишается суверенитета, но и может быть причислено к одной из категорий, выделенных Соединенными Штатами на такой случай в разное время: «неудавшиеся государства» (Failed States), «государства-изгои» (Rogue States), «слабые государства» (Weak States), «государства, вызывающие опасения» (States of Concern), «государства вне закона» (Outlaw States). Потерей суверенитета грозит и ситуация, когда государство предпринимает попытки создать ядерное оружие (угрожая таким образом международному миру) и поддерживает терроризм или не является способным с ним справиться на своей территории[815]. Этот постулат приравнивает суверенитет к понятию ответственности, только уже не за соблюдение прав человека, а за проведение «ответственной» политики в области международной безопасности. Следует отметить, что, безусловно, несмотря на все эти высказывания, США могут не обращать

---

[813] Clinton W. Remarks and a Question-and-Answer Session With the American Society of Newspaper Editors in San Francisco. April 15, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-and-question-and-answer-session-with-the-american-society-newspaper-editors-san (дата обращения: 31.01.2018).

[814] Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities. Op. cit. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2018).

[815] Ibidem.

особого внимания на соблюдение этих принципов, если это отвечает их государственным интересам.

Теории об ограниченном суверенитете, разрабатывавшиеся в академическом сообществе США на рубеже XX – XXI вв., были использованы при создании внешнеполитических доктрин страны. Неолиберальная точка зрения, связывающая принцип суверенитета с понятием ответственности, нашла отражение сначала в Доктрине Лейка при Б. Клинтоне, а затем и в доктрине Дж. Буша-младшего. Однако если в первом случае акцент делался на применении гуманитарных интервенций и ответственности стран за соблюдение прав человека, то позднее государства были обязаны доказать свою благонадежность ввиду объявленной войны с международным терроризмом. Во всех самых значительных операциях в этот период («Буря в пустыне», «Союзная сила» и «Несокрушимая свобода») американская администрация придерживалась риторики о возможности «деления» или «восстановления» суверенитета, популярной во внешнеполитической мысли США тех лет (теоретики таких концепций активно привлекались к работе в Белом доме).

В результате отчетливо прослеживается достаточно широкий комплекс причин, лишающих или ограничивающих суверенитет государства в такой степени, в какой оно лишается права на невмешательство в свои внутренние дела и становится уязвимым перед агрессивными действиями со стороны Соединенных Штатов. Это позволяет США воспользоваться хотя бы одной из таких причин, чтобы легитимизировать свои действия в любом государстве, встающем на пути реализации национальных интересов Вашингтона, в глазах прежде американцев и союзников, даже если это противоречит международному праву.

В конце надо признать, что в изучаемый период большинством ученых и политиков суверенитет признавался в качестве исторически главнейшей функции государства и краеугольного камня всего международного права. Однако, пожалуй, впервые в истории этот термин столкнулся с беспрецедентным вызовом в лице различных теорий, концепций и заявлений

множества историков, политологов, журналистов и политиков. Кто-то, продолжая видеть в этом принципе основу миропорядка, указывал на те процессы, которые его ограничивали, и отмечал неизбежность трансформации в понимании этого постулата в сторону признания его ограниченным, подчиненным по отношению к международным организациям или различным проявлениям глобализации. Другие считали, что необходимо изменить понимание суверенитета, чтобы он перестал обеспечивать безнаказанность и защищать деспотических правителей. Отмечалось, что суверенитет должен быть существенно ограничен и в перспективе возможна даже «десуверенизация»; он должен восприниматься как ответственность и отчуждаться, если государство ее не соблюдает. Своеобразной кульминационной точкой в рассуждениях подобного толка стал документ «Ответственность за защиту» (Responsibility to Protect), разработанный под эгидой ООН в 2001 г., в котором ставился вопрос о том, что борьба за права человека важнее, чем невмешательство во внутренние дела. Этот документ поднял вопрос о потенциальной возможности включения подобной нормы в практику международных отношений. Но, несмотря на все попытки пересмотреть саму суть и значение суверенитета, большинство критиков этого принципа соглашались с тем, насколько значительное место в международных отношениях и в государственном устройстве исторически занимал и занимает государственный суверенитет. Важно понимать, что суверенитет не встает на пути развития, а наоборот, позволяет на более устойчивой основе двигаться к прогрессу, обеспечивая равенство на этом пути[816].

Следует отметить, что дебаты в американском научном сообществе вокруг принципа суверенитета продолжаются. Прежде всего, надлежит сказать, что многие идейные новации в области ограничения суверенитета, высказанные американскими учеными в конце XX – начале XXI в., сохраняют значение в мировой политике и в теории международных

---

816 Wildhaber L. Op. cit. P. 444.

отношений по настоящее время. Так, в научной литературе проблема влияния процесса глобализации на суверенитет остается актуальной. Эксперты[817], анализируя происходящее на политической арене, утверждают, что глобализация может ограничивать государственный суверенитет (в частности, суверенитет подвергается некоторому «давлению» со стороны негосударственных субъектов, компаний и групп), но идея того, что глобализация и международные институты в корне противоречат национальному суверенитету, является ложной. У США, в свою очередь, меньше всего причин беспокоиться о сохранении суверенитета, чем у любой другой страны, поскольку ни одна из них не обладает такой свободой от внешнего вмешательства – военного, экономического или дипломатического[818]. Важными проблемами остаются влияние интеграции на суверенитет[819] (вопрос актуализировался в связи с выходом Великобритании из ЕС) и дальнейшее развитие концепции «ответственности за защиту»[820]. Новым в американской науке стал вопрос о важности сохранения суверенитета перед угрозой, исходящей из киберпространства[821], что явилось следствием обвинений в адрес России во вмешательстве в выборы 2016 г. в США.

---

[817] См., напр.: Jones B. American Sovereignty Is Safe From the UN // Foreign affairs. – September 28, 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-28/american-sovereignty-safe-un (дата обращения: 23.11.2020); Rosenboim O. Globalism and Nationalism: Why Interconnectedness Does Not Threaten Sovereignty // Foreign affairs. – July 10, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-07-10/globalism-and-nationalism (дата обращения: 06.08.2019).

[818] Kupchan C. Trump's Nineteenth-Century Grand Strategy // Foreign affairs. – September 26, 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-26/trumps-nineteenth-century-grand-strategy (дата обращения: 06.08.2019).

[819] Gross S. The Brexit Vote, One Year Later // Foreign affairs. – June 23, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2017-06-23/brexit-vote-one-year-later (дата обращения: 06.08.2019).

[820] См., напр.: Carpenter C. Responsibility to Protect - Or to Punish // Foreign affairs. – August 29, 2013. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-08-29/responsibility-protect-or-punish (дата обращения: 06.08.2019); Doyle M. The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. Connecticut, 2015.

[821] См., напр.: Rosenberger L. Making Cyberspace Safe for Democracy // Foreign affairs. – May/June, 2020. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-13/making-cyberspace-safe-democracy (дата обращения: 23.11.2020); Jones B. Op. cit. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-28/american-sovereignty-safe-un (дата обращения: 23.11.2020).

В центре внимания американской внешнеполитической мысли оставалась и проблема ограничения суверенитета США со стороны международных институтов. Опасения его потери вылились в том числе во внесение республиканцем П. Роном на рассмотрение в Конгресс США в 2007 г. билля H.R.1146 под названием «Акт о восстановлении американского суверенитета»[822]. Он предусматривал выход США из ООН, запрет на выделение средств на работу организации и нахождение американских вооруженных сил под командованием ООН, а также аннулирование дипломатического иммунитета сотрудникам организации и перенос штаб-квартиры с территории страны. Позже попытки провести этот билль через Палату представителей предпринимались в 2017 г.[823] и в 2019 г.[824] конгрессменом М. Роджерсом. В настоящее время законопроект находится на рассмотрении Комитета по международным отношениям нижней палаты Конгресса США. Ярким примером политики в этом направлении являлись также риторика и внешнеполитические шаги 45-го президента США Д. Трампа. Выход из Договора по открытому небу, Ядерной сделки по Ирану, ДРСМД, Совета ООН по правам человека, ЮНЕСКО и ВОЗ свидетельствует в том числе о последовательной политике по укреплению суверенитета.

Подводя итоги, следует сказать, что проблема суверенитета останется актуальной в силу постоянно возникающих в мире новых кризисных ситуаций при взаимодействии государств.

---

[822] H.R.1146 – American Sovereignty Restoration Act of 2007, 16.02.2007 // Official website of the US Congress. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/1146 (дата обращения: 23.11.2020).

[823] H.R.193 – American Sovereignty Restoration Act of 2017, 03.01.2017 // Official website of the US Congress. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/193 (дата обращения: 23.11.2020).

[824] H.R.204 – American Sovereignty Restoration Act of 2019, 03.01.2019 // Official website of the US Congress. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/204 (дата обращения: 23.11.2020).

Библиография

Источники

Официальные документы США:

1. A national security strategy for a new century. May 1, 1997 // The White House Official Website. URL: https://clintonwhitehouse2.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/ (дата обращения: 28.11.2020).
2. A national security strategy of engagement and enlargement. July 1, 1994 // National Security Strategy Archive. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-1994/ (дата обращения: 28.11.2020).
3. Albright M. The United Nations: What's In It For Us? // U.S. Department of State Archive. March 4, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/mar96_why_united_nations.html (дата обращения: 01.12.2019).
4. Albright M. The UN, the U.S. and the World // U.S. Department of State Archive. September 12, 1996. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/un-tm-ga.html (дата обращения: 01.12.2019).
5. Bader J. Testimony before the House International Relations Committee // U.S. Department of State Archive. February 13, 1997. URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/970213_bader_hong_kong.html (дата обращения: 04.07.2019).
6. Baker J.A. The time has come to strengthen CSCE both politically and institutionally. Statement by Secretary of state. N.Y., October, 1990 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1990. - 862 p.
7. Berger S. Press Briefing by National Security Advisor. April 18, 1998 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-national-security-advisor-sandy-berger-16 (дата обращения: 31.01.2018).

8. Bosnia Statement. 09/08/1995 // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/23903155 (дата обращения: 28.11.2020).

9. Briefing to the Pool by Senior Administration Official. April 24, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/briefing-the-pool-senior-administration-official (дата обращения: 01.02.2018).

10. Bryza M. Situation in Georgia and Implications for the Caucasus // U.S. Department of State Archive. August 19, 2008. URL: https://2002-2009-fpc.state.gov/108551.htm (дата обращения: 07.04.2017).

11. Buchanan P. Republican Presidential Candidates Forum in Des Moines. January 13, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-presidential-candidates-forum-des-moines-iowa (дата обращения: 31.01.2018).

12. Bureau of democracy, human rights, and labor. Advancing Freedom and Democracy Reports. // U.S. Department of State Archive. May, 2009. URL: https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/afdr/2009/eur/122912.htm (дата обращения: 28.11.2020).

13. Bush G. Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. September 11, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-persian-gulf-crisis-and-the-federal-budget (дата обращения: 01.02.2018).

14. Bush G. Address Before the 45th Session of the United Nations General Assembly in New York. 01.10.1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-45th-session-the-united-nations-general-assembly-new-york-new-york (дата обращения: 17.04.2019).

15. Bush G. Exchange With Reporters on the Situation in the Soviet Union. December 13, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://

www.presidency.ucsb.edu/documents/exchange-with-reporters-the-situation-the-soviet-union (дата обращения: 07.04.2019).

16. Bush G. Message to the Congress on the Declaration of a National Emergency With Respect to Iraq. August 03, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/message-the-congress-the-declaration-national-emergency-with-respect-iraq (дата обращения: 19.06.2019).

17. Bush G. Open Letter to College Students on the Persian Gulf Crisis. January 09, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/open-letter-college-students-the-persian-gulf-crisis (дата обращения: 01.02.2018).

18. Bush G. Proclamation 6243—For a National Day of Prayer. February 3, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-6243-for-national-day-prayer-february-3-1991 (дата обращения: 19.06.2019).

19. Bush G. Remarks at a Fundraising Dinner for Gubernatorial Candidate Pete Wilson in San Francisco. February 28, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-fundraising-dinner-for-gubernatorial-candidate-pete-wilson-san-francisco (дата обращения: 20.01.2019).

20. Bush G. Remarks at a Meeting of the American Defense Preparedness Association. July 09, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-meeting-the-american-defense-preparedness-association (дата обращения: 01.02.2018).

21. Bush G. Remarks at Maxwell Air Force Base War College in Montgomery. 13.04.1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-maxwell-air-force-base-war-college-montgomery-alabama (дата обращения: 01.12.2019).

22. Bush G. Remarks to a Joint Session of the Congress in Brasilia. December 03, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://

www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-joint-session-the-congress-brasilia-brazil (дата обращения: 31.01.2018).

23. Bush G. Remarks to Department of Defense Employees. August 15, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-department-defense-employees (дата обращения: 19.06.2019).

24. Bush G. Teleconference Remarks With the Southern Newspaper Publishers Association. November 19, 1991 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/teleconference-remarks-with-the-southern-newspaper-publishers-association (дата обращения: 01.02.2018).

25. Bush G. Text of Remarks at the Opening Session of the Drug Summit in San Antonio. February 27, 1992 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/text-remarks-the-opening-session-the-drug-summit-san-antonio (дата обращения: 31.01.2018).

26. Bush G. The President's News Conference on the Persian Gulf Crisis. August 16, 1990 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-the-persian-gulf-crisis-2 (дата обращения: 01.02.2018).

27. Bush G. The revival of History. Address by President Bush before the 46th session of the United Nations General Assembly. N.Y., September 23, 1991 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1991. - 909 p.

28. Bush G.W. Letter to President Fatmir Sejdiu of Kosovo Recognizing Kosovo as an Independent and Sovereign State. February 18, 2008 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/letter-president-fatmir-sejdiu-kosovo-recognizing-kosovo-independent-and-sovereign-state (дата обращени: 03.03.2018).

29. Bush G.W. Remarks on the Middle East. 24.06.2002 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-middle-east (дата обращения: 01.12.2019).

30. Calling upon the Government of Mexico to undertake greater and more effective counterdrug measures, and for other purposes. H.J.Res.61, 07/01/1999 // Official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-joint-resolution/61/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22sovereignty%22%5D%7D&r=87 (дата обращения: 29.11.2020).

31. Clinton W. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 27, 2000 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-7 (дата обращения: 25.06.2019).

32. Clinton W. Declaration of Mexican and United States Alliance Against Drugs. May 06, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/declaration-mexican-and-united-states-alliance-against-drugs (дата обращения: 31.01.2018).

33. Clinton W. Interview With the Texas Media. July 28, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-texas-media (дата обращения: 31.01.2018).

34. Clinton W. Memorandum on Cooperation With Mexico on Drug Control. April 08, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/memorandum-cooperation-with-mexico-drug-control (дата обращения: 31.01.2018).

35. Clinton W. Proclamation 6867—Declaration of a National Emergency and Invocation of Emergency Authority Relating to the Regulation of the Anchorage and Movement of Vessels. March 01, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-6867-declaration-national-emergency-and-invocation-emergency-authority (дата обращения: 19.04.2019).

36. Clinton W. Remarks and a Question-and-Answer Session With the American Society of Newspaper Editors in San Francisco. April 15, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/

documents/remarks-and-question-and-answer-session-with-the-american-society-newspaper-editors-san (дата обращения: 31.01.2018).

37. Clinton W. The President's News Conference. January 29, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1217 (дата обращения: 31.01.2018).

38. Clinton W. The President's News Conference in Jakarta. November 15, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-jakarta (дата обращения: 31.01.2018).

39. Clinton W. The President's News Conference With President Ernesto Zedillo of Mexico in Mexico City. May 06, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-with-president-ernesto-zedillo-mexico-mexico-city (дата обращения: 31.01.2018).

40. Clinton W. The President's News Conference With President Francois Mitterrand of France. March 09, 1993 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-with-president-francois-mitterrand-france (дата обращения: 31.01.2018).

41. CSCE, 12/94 - Departure Statement // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478530 (дата обращения: 29.11.2020).

42. Dole R. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in San Diego. August 15, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-accepting-the-presidential-nomination-the-republican-national-convention-san-diego (дата обращения: 31.01.2018).

43. Expressing the sense of Congress that the national security policy of the United States should be based upon a national strategy for peace through strength. H.Con.Res.100, 09/06/1995 // Official website for U.S. federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-concurrent-resolution/100/text?

q=%7B%22search%22%3A%5B%22sovereignty%22%5D%7D&r=28 (дата обращения: 29.11.2020).

44. Fleischer A. Press Briefing. March 25, 2003 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-ari-fleischer-247 (дата обращения: 19.06.2019).

45. ForeignAssistance.gov – The U.S. government's main tool for improving transparency in U.S. foreign assistance spending // Foreign Assistance Official site. URL: https://www.foreignassistance.gov/analyze/wizard (дата обращения 19.06.2019).

46. GATT [General Agreement on Tariffs and Trade] - Background // The National Archives and Records Administration. 29.05.1994. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478070 (дата обращения: 29.01.2018).

47. Haas R. Sovereignty: Existing Rights, Evolving Responsibilities // U.S. Department of State Archive. January 14, 2003. URL: https://2001-2009.state.gov/s/p/rem/2003/16648.htm (дата обращения: 01.12.2019).

48. Hearing Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred tenth congress. - First session. - Serial No. 110–76. - June 6, 2007. URL: https://web.archive.org/web/20121213215438/http://foreignaffairs.house.gov/110/35873.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

49. Interview of the President by Al Zaman Newspaper // The White House Official Website. President George W. Bush, May 18, 2004. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/05/20040520-13.html (дата обращения: 29.11.2020).

50. Kantor M. Press Briefing by U.S. Trade Representative Mickey Kantor. September 27, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-us-trade-representative-mickey-kantor (27.11.2020).

51. Keyes A. Republican Presidential Candidates Forum in Durham. October 22, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-presidential-candidates-forum-durham-new-hampshire (дата обращения: 31.01.2018).

52. Koh H.H. Remarks, Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C. // U.S. Department of State Archive. January 12, 2001. URL: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2001/010112_koh_carnegie.html (дата обращения: 30.01.2018).

53. Loy F. Speech to American Committee on Foreign Relations // U.S. Department of State Archive. May 11, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2000/000511_loy_global-affs.html (дата обращения: 30.01.2018).

54. Majority of Congress Calls for Resolving W. Sahara Conflict to Remove 'Single Greatest Obstacle' to Combating Terrorist Threats in N. Africa. April 16, 2009 // News Release. Moroccan American Center for Policy. URL: https://web.archive.org/web/20110727092801/http://www.moroccanamericanpolicy.org/CongressionalLetter.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

55. Oval Office - Haiti/Iraq [Remarks]. 10/10/94 // The National Archives and Records Administration. URL: https://catalog.archives.gov/id/40478384 (дата обращения: 29.01.2018).

56. Prepared Statement by the Alternate Representative at the United Nations (Shwab) Before the Sixth Committee of the U.N. General Assembly. October 27, 1982 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1982. - 990 p.

57. President Bush Discusses Iraq in Saturday Morning Radio Address // The White House Official Website. President George W. Bush, April 10, 2004. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/04/20040410.html (дата обращения: 29.11.2020).

58. Remarks by the vice president to the assembly of Kosovo // The White House Official Website. President Barack Obama, May 21, 2009. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/remarks-vice-president-assembly-kosovo (дата обращения: 17.11.2020).

59. Remarks on the General Agreement on Tariffs and Trade. November 23, 1994 // Public Papers of the Presidents. URL: https://

www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-general-agreement-tariffs-and-trade (дата обращения: 21.11.2020).

60. Republican Party Platform of 1996. August 12, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1996 (дата обращения: 31.01.2018).

61. Rice S. National Security Advisor Briefs Press on President's Trip to United Nations. September 22, 2003 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/national-security-advisor-briefs-press-presidents-trip-united-nations (дата обращения: 01.02.2018).

62. Rice C. Remarks with Kosovo President Fatmir Sejdiu and Kosovo Prime Minister Hashim Thaci // U.S. Department of State Archive. July 18, 2008. URL: https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/07/107225.htm (дата обращения: 07.04.2017).

63. Statement by the Assistant Secretary of State-Designate of International Organization Affairs (Abrams) Before the Senate Foreign Relations Committee. April 6, 1981 // American Foreign Policy Current Documents. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1981. - 1500 p.

64. Statement of Administration Policy: H.R. 3752 - American Land Sovereignly Act of 1996. September 26, 1996 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-3752-american-land-sovereignly-act-1996 (дата обращения: 31.01.2018).

65. Statement of Administration Policy: H.R. 901 - American Land Sovereignty Protection Act of 1996. September 23, 1997 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-policy-hr-901-american-land-sovereignty-protection-act-1996 (дата обращения: 31.01.2018).

66. Statement of Administration Policy: H.R. 883 - American Land Sovereignty Protection Act. May 19, 1999 // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-administration-

policy-hr-883-american-land-sovereignty-protection-act-0 (дата обращения: 31.01.2018).

67. Statement of Brian H. Hook // US Senate Committee on Foreign Relations. September 11, 2008. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/HookTestimony080911a.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

68. Statement by Kent R. Hill // US Senate Committee on Foreign Relations. March 2, 2004. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/HillTestimony0403021.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

69. Testimony of James C. O'Brien // US Senate Committee on Foreign Relations. June 25, 2003. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/OBrienTestimony030625.pdf (дата обращения: 07.04.2017).

70. Testimony of Tina Kaidanow // US Senate Committee on Foreign Relations. June 19, 2008. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KaidanowTestimony080619p.pdf (дата обращения: 08.04.2017).

71. The National security strategy of the United States of America // The White House Official Website. President George W. Bush, September, 2002. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/ (дата обращения: 29.11.2020).

72. The Second Gore-Bush Presidential Debate. October 11, 2000 // Commission on presidential debates. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript/ (дата обращения: 28.06.2019).

73. UN Security Council Expansion // U.S. Department of State Archive. April 5, 2000. URL: https://1997-2001.state.gov/issues/fs-unsc_expan_000405.html (дата обращения: 31.01.2018).

74. USAID international development agency // USAID Official site. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/SOM?fiscal_year=2002&measure=Disbursements (дата обращения: 19.06.2019).

75. U.S. Participation in the UN // Report by the President to the Congress for the year 1981. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, March 1993. - 858 p.

76. 2000 Democratic Party Platform // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform (дата обращения: 01.02.2018).

77. 2000 Republican Party Platform // Public Papers of the Presidents. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform (дата обращения: 01.02.2018).

Международные соглашения:

78. Венская декларация и Программа действий, 25 июня 1993 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 03.04.2017).

79. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 11.02.2015).

80. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, 20 марта 1986 года // Официальный сайт ООН. URL: https://daccess-ods.un.org/TMP/1991305.20224571.html (дата обращения: 29.11.2020).

81. Выступление представителя Китая на 4011–м заседании Совета Безопасности ООН по вопросу о Косово, 10.06.1999 // Официальный сайт ООН. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/854/46/PDF/N9985446.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.12.2019).

82. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Резолюция Ген. Ассамблеи 36/103, 9 декабря 1981 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 29.11.2020).

83. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Резолюция Ген. Ассамблеи 1514 (XV), 14 декабря 1960 года //

Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 27.10.2020).

84. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2625 (XXV), 24 октября 1970 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.11.2020).

85. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи 60/1, 16 сентября 2005 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения 25.03.2019).

86. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Резолюция Ген. Ассамблеи 2200 A (XXI), 16 декабря 1966 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 19.09.2020).

87. Определение агрессии. Резолюция Ген. Ассамблеи 3314 (XXIX), 14 декабря 1974 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 06.04.2020).

88. Предварительный стенографический отчет Совета Безопасности ООН. 2491-е заседание от 27 октября 1983 года. S/PV. 2491 // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.2491 (дата обращения: 01.12.2019).

89. Предварительный стенографический отчет Совета Безопасности ООН. 4011-е заседание от 10 июня 1999 года. S/PV.4011 // Официальный сайт ООН. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.4011 (дата обращения: 03.02.2019).

90. Резолюция Совета Безопасности ООН 949 (S/RES/949), 15 октября 1994 года // Официальный сайт ООН. URL: https://documents-dds-

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/401/73/PDF/N9440173.pdf?OpenElement (дата обращения: 30.11.2020).

91. Устав ООН, 26 июня 1945 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/ (дата обращения: 01.12.2019).

92. Устав СНГ, 22 января 1993 года // Официальный сайт исполнительного комитета СНГ. URL: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180 (дата обращения: 12.04.2018).

93. Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе, 12 февраля 2000 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/see_charter.shtml (дата обращения: 14.10.2020).

94. Хельсинкский Заключительный акт, 1 августа 1975 года // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505 (дата обращения: 29.11.2020).

95. Четвертое пленарное заседание в Генеральной Ассамблее ООН. 27 сентября 1993 года // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/48/PV.4&referer=http://ask.un.org/faq/92218&Lang=R (дата обращения 07.04.2017).

96. Charter of the Organization of American States (A-41), February 27, 1967 // The OAS official site. URL: http://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.asp (дата обращения: 01.12.2019).

97. List of peacekeeping operations // Официальный сайт ООН. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/unpeacekeeping-operationlist_3_0.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

98. Responsibility to Protect, 2001 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/key-documents.shtml (дата обращения: 29.11.2020).

99. The Challenges of Change, July 10, 1992 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: http://www.osce.org/node/39530 (дата обращения: 07.11.2020).

Научные статьи:

100. Abrams E. To fight the Good Fight // The National Interest. – March 01, 2000. – №59. – P. 70–77.

101. Albright M. United Nations // Foreign policy. – September 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019).

102. Annan K. "In Larger Freedom": Decision Time at the UN // Foreign affairs. – May/June, 2005. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2005-05-01/larger-freedom-decision-time-un (дата обращения: 12.04.2018).

103. Barkin J.S., Cronin B. The State and the Nation: Changing Norms and the Rules of Sovereignty in International Relations // International Organization. – 1994. – Vol. 48. – №1. – P. 107–130.

104. Bergsten F. America and Europe: Clash of the Titans? // Foreign affairs. – March/April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1999-03-01/america-and-europe-clash-titans (дата обращения: 13.04.2018).

105. Berman S., McNamara K. Bank on Democracy // Foreign affairs. – March/April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-03-01/bank-democracy (дата обращения: 11.04.2018).

106. Bertram C. The German Question // Foreign affairs. – Spring, 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1990-03-01/german-question (дата обращения: 12.04.2018).

107. Boot M. Paving the Road to Hell: The Failure of U.N. Peacekeeping // Foreign affairs. – March/April, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2000-03-01/paving-road-hell-failure-un-peacekeeping (дата обращения: 05.04.2018).

108. Boutros-Ghali B. Empowering the United Nations // Foreign affairs. – Winter, 1992/93. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-12-01/empowering-united-nations (дата обращения: 09.04.2018).

109. Buchanan P. America First – and Second, and Third // The National Interest. – Spring, 1990. – No. 19. – P. 77–82.

110. Butler N. Future perfect union // Foreign policy. – January 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

111. Carpenter T. The new world disorder // Foreign policy. – September 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

112. Chopra J. Weiss T. Sovereignty is no longer sacrosanct: codifying humanitarian intervention // Ethics and International Affairs. – March, 1992. – Vol. 6. – P. 95–117.

113. Cohen R., Deng F. Exodus within Borders: The Uprooted who Never Left Home // Foreign affairs. – July/August, 1998. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-07-01/exodus-within-borders-uprooted-who-never-left-home (дата обращения: 05.04.2018).

114. Collier P. Africa's revolutionary routine // Foreign policy. – May 01, 2004. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

115. Deibel T. Bush's foreign policy: mastery AI/D inaction // Foreign policy. – September 01, 1991. http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

116. Delbruck J. Structural Changes in the International System and its Legal Order: International Law in the Era of Globalization // Swiss Review of International & European Law. – 2001. – №1. – P. 1–23.

117. Diamond L. Promoting democracy // Foreign policy. – June 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

118. Dole B. Shaping America's global future // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

119. Dornbusch R. Euro Fantasies: Common Currency as Panacea // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/

articles/europe/1996-09-01/euro-fantasies-common-currency-panacea (дата обращения: 09.04.2018).

120. Drezner D. Sovereignty for sale // Foreign policy. – September 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

121. Drucker P. The Global Economy and the Nation-State // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/global-economy-and-nation-state (дата обращения: 03.07.2019).

122. Ethics and International Affairs. Selected summaries of some of the main journals of international affairs // Foreign policy. – March 01, 1999. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

123. Evans G. Cooperative security and intra-state conflict // Foreign policy. September 01, 1994. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

124. Evans G. True believer // Foreign policy. – March 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

125. Evans G., Sahnoun M. The Responsibility to Protect // Foreign affairs. – November/December, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-11-01/responsibility-protect (дата обращения: 05.04.2018).

126. Falk R. Human rights // Foreign policy. – March 01, 2004. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

127. Feinstein L., Slaughter A. A duty to prevent // Foreign affairs. – January/February, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2004-01-01/duty-prevent (дата обращения: 05.04.2018).

128. Franck T. Are Human Rights Universal? // Foreign affairs. – January/February, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2001-01-01/are-human-rights-universal (дата обращения: 09.04.2018).

129. Fuller G. The next ideology // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

130. Gelb L., Rosenthal J. The Rise of Ethics in Foreign Policy: Reaching a Values Consensus // Foreign affairs. – May/June, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-05-01/rise-ethics-foreign-policy-reaching-values-consensus (дата обращения: 03.07.2019).

131. Glennon M. Why the Security Council Failed // Foreign affairs. – May/June, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iraq/2003-05-01/why-security-council-failed (дата обращения: 13.04.2018).

132. Goodlatte B. Judges without borders // Foreign policy. – July 01, 2004. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

133. Gordon P. Bridging the Atlantic Divide // Foreign affairs. – January/February, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-01-01/bridging-atlantic-divide (дата обращения: 09.04.2018).

134. Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane // Foreign affairs. – May/June, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/ethnic-warfare-wane (дата обращения: 13.04.2018).

135. Haas R. Fatal distraction: Bill Clinton’s foreign policy // Foreign policy. – September 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

136. Haas R. Paradigm Lost // Foreign affairs. – January/February, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1995-01-01/paradigm-lost (дата обращения: 12.04.2018).

137. Haas R. What to do with American primacy? // Foreign affairs. – September-October, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-09-01/what-do-american-primacy (дата обращения: 28.09.2018).

138. Hannum H. The Specter of Secession: Responding to Claims for Ethnic Self-Determination // Foreign affairs. – March/April, 1998. URL: https://

www.foreignaffairs.com/articles/1998-03-01/specter-secession-responding-claims-ethnic-self-determination (дата обращения: 05.04.2018).

139. Helman G., Ratner S. Saving failed states // Foreign policy. – December 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

140. Helms J. American Sovereignty and the UN // The National Interest. – December 01, 2000. – №62. – P. 31–34.

141. Helms J. Saving the U.N.: A Challenge to the Next Secretary-General // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-09-01/saving-un-challenge-next-secretary-general (дата обращения: 05.04.2018).

142. Hirsh M. Bush and the World // Foreign affairs. – September/October, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/bush-and-world (дата обращения: 09.04.2018).

143. Hoffman S. Clash of Globalizations // Foreign affairs. – July/August, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-07-01/clash-globalizations (дата обращения: 05.04.2018).

144. Hoffman S. Classic Diplomacy in the Information Age // Foreign affairs. – July/August, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2001-07-01/classic-diplomacy-information-age (дата обращения: 09.04.2018).

145. Hoffman S. Pensees on U.S. Power // Foreign policy. – November 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

146. Hoffman S. The crisis of liberal internationalism // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018)..

147. Huntington S. The lonely superpower // Foreign affairs. – March-April, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (дата обращения: 29.11.2020).

148. Hyland W. The Case for Pragmatism // Foreign Affairs. – America and the World Issue, 1991. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-02-01/case-pragmatism (дата обращения: 23.01.2019).

149. Ikenberry J. America and the ambivalence of power // Current History. – November, 2003. – Vol. 102. – Issue 667. – P. 377–382.

150. Ikenberry J. America's Imperial Ambition // Foreign affairs. - September/October, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/americas-imperial-ambition (дата обращения: 05.04.2018).

151. Ito K. Trans-pacific anger // Foreign policy. – March 01, 1990. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

152. Jackson R. Sovereignty in World Politics: a Glance at the Conceptual and Historical Landscape // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 431–456.

153. Jackson J. Sovereignty-Modern: A new approach to an outdated concept // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol.97 – №2. – P. 782–802.

154. Joffe J. Rethinking the Nation-State: The Many Meanings of Sovereignty // Foreign affairs. – November-December, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/1999-11-01/rethinking-nation-state-many-meanings-sovereignty (дата обращения: 30.11.2020).

155. Joffe J. The axis of envy // Foreign policy. – September 01, 2002. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

156. Kagan R. America's Crisis of Legitimacy // Foreign affairs. – March/April, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-03-01/americas-crisis-legitimacy (дата обращения: 11.04.2018).

157. Kennedy P., Russett B. Reforming the United Nations // Foreign affairs. – September/October, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1995-09-01/reforming-united-nations (дата обращения: 05.04.2018).

158. Keohane R. International institutions: can interdependence work? // Foreign policy. – March 01, 1998. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

159. Kobrin S. Electronic cash and the end of national markets // Foreign policy. – June 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

160. Krasner S.D. Sovereignty // Foreign policy. – January 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

161. Krauthammer C. The Short, Unhappy Life of Humanitarian War // The National Interest. – September 01, 1999. – №57. – P. 5–8.

162. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1990. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (дата обращения: 11.03.2018).

163. Kupchan C. Independence for Kosovo // Foreign affairs. – November-December, 2005. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2005-10-01/independence-kosovo (дата обращения: 30.11.2020).

164. Lawson L., Rothchild D. Sovereignty Reconsidered // Current History. – May, 2005. – Vol. 104. – Issue 682. – P. 228–235.

165. Layne C. American Hegemony – Without an Enemy // Foreign Policy. – Autumn, 1993. – No. 92. – P. 5–23.

166. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. – 1997. – Vol. 22. – No. 1. – P. 86–124.

167. Leach J. A Republican Looks at Foreign Policy // Foreign Affairs. – Summer, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-06-01/republican-looks-foreign-policy (дата обращения: 23.01.2019).

168. Leonard M. A declaration of interdependence // Foreign policy. – March 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

169. Lewis F. The «G-7½» directorate // Foreign policy. – November 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

170. Mallaby S. The Irrelevant Election // Foreign policy. – September 01, 2000. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

171. Mandelbaum M. Lessons of the Next Nuclear War // Foreign affairs. – March/April, 1995. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/1995-03-01/lessons-next-nuclear-war (дата обращения: 30.11.2020).

172. Mandelbaum M. The reluctance to intervene // Foreign policy. – June 01, 1994. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

173. Marchart O. The Other Side of Order: Towards a Political Theory of Terror and Dislocation // Parallax. – 2003. – Vol. 9. – Issue 1. P. 97–113.

174. Maull H. Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign affairs. – Winter, 1990/91. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1990-12-01/germany-and-japan-new-civilian-powers (дата обращения: 05.03.2019).

175. Maynes C. A workable Clinton doctrine // Foreign policy. – December 01, 1993. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

176. Maynes C. Bottom-up foreign policy // Foreign policy. – September 01, 1996. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

177. Maynes C. Containing ethnic conflict // Foreign policy. – March 01, 1993. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

178. Maynes C. Dateline Washington: a necessary war? // Foreign policy. – March 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

179. Meissner D. Managing migrations // Foreign policy. – March 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

180. Mendelson B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. – 2005. – Vol. 31. – №1. – P. 45–68.

181. Moi'si D. Dreaming of Europe // Foreign policy. – June 01, 1999. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

182. Nacht M. Clinton, a Hammer & a Nail // Foreign policy. – December 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

183. Naim M. The five wars of globalization // Foreign policy. – January 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

184. Nye J. Globalization's Democratic Deficit: How to Make International Institutions More Accountable // Foreign affairs. – July/August, 2001. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2001-07-01/globalizations-democratic-deficit-how-make-international-institutions-more (дата обращения: 30.11.2020).

185. Nye J. Redefining the national interest // Foreign Affairs. – July/August, 1999. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-07-01/redefining-national-interest (дата обращения: 30.11.2020).

186. Nye J. U.S. Power and Strategy After Iraq // Foreign affairs. – July/August, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-07-01/us-power-and-strategy-after-iraq (дата обращения: 13.04.2018).

187. Nye J. What new world order? // Foreign affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/what-new-world-order (дата обращения: 05.04.2018).

188. Omestad T. Why Bush lost // Foreign policy. – December 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

189. Otterman S. Iraq: The sovereignty issue // Council on Foreign Relations. – February 2, 2005. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/iraq-sovereignty-issue (дата обращения: 30.11.2020).

190. Patrick S. America's Retreat from Multilateral Engagement // Current History. – December, 2000. – Vol. 99. – Issue 641. – P. 430–439.

191. Pastor R. North America's Second Decade // Foreign affairs. – January/February, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2004-01-01/north-americas-second-decade (дата обращения: 09.04.2018).

192. Pastor R. The Latin American option // Foreign policy. – September 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 26.03.2018).

193. Pei M. The paradoxes of American Nationalism // Foreign policy. – May 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

194. Philpott D. Westphalia, Authority, and International Society // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. P. 566–589.

195. Rakove J. Europe's Floundering Fathers // Foreign policy. – September 01, 2003. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

196. Reinicke W. Global Public Policy // Foreign affairs. – November/December, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-11-01/global-public-policy (дата обращения: 05.04.2018).

197. Reisman W.M. Haiti and the Validity of International Action // American Journal of International Law. – January, 1995. – Vol. 89. – P. 82–84.

198. Rice C. Campaign 2000: Promoting the National Interest // Foreign affairs. – January/February, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-01-01/campaign-2000-promoting-national-interest (дата обращения: 28.06.2019).

199. Rodrik D. Sense and Nonsense in the globalization debate // Foreign policy. – June 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

200. Rosecrance R. A New Concert of Powers // Foreign Affairs. – Spring, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-03-01/new-concert-powers (дата обращения: 23.01.2019).

201. Rosenberg T. The unfinished revolution of 1989 // Foreign policy. – June 01, 1999. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

202. Rosenberger L. Making Cyberspace Safe for Democracy // Foreign affairs. – May/June, 2020. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-13/making-cyberspace-safe-democracy (дата обращения: 23.11.2020).

203. Rotberg R.I. Failed States in a World of Terror // Foreign affairs. – July/August, 2002. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-07-01/failed-states-world-terror (дата обращения: 30.11.2020).

204. Rothkopf D. In praise of cultural imperialism? // Foreign policy. – June 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

205. Sachs J. Consolidating capitalism // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

206. Scheffer D. International Judicial Intervention // Foreign policy. – March 01, 1996. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

207. Scheffer D. Toward a Modern Doctrine of Humanitarian Intervention // University of Toledo Law review. – Winter, 1992. – Vol. 23. – P. 253–293.

208. Schlesinger A. Has Democracy a Future? // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/has-democracy-future (дата обращения: 12.04.2018).

209. Schlesinger J. New instabilities, new priorities // Foreign policy. – November 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

210. Simes D. America's Imperial Dilemma // Foreign affairs. – November/December, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2003-11-01/americas-imperial-dilemma (дата обращения: 09.04.2018).

211. Slaughter A.M. The Real New World Order // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/real-new-world-order (дата обращения: 19.04.2018).

212. Sorensen T. America's First Post-Cold War President // Foreign affairs. – Fall, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1992-09-01/americas-first-post-cold-war-president (дата обращения: 13.04.2018).

213. Sorensen G. Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. – 1999. – Vol. 47. – Issue 3. – P. 590–604.

214. Soros G. Can Europe Work? A Plan to Rescue the Union // Foreign affairs. – September/October, 1996. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1996-09-01/can-europe-work-plan-rescue-union (дата обращения: 04.04.2018).

215. Soros G. The age of open society // Foreign policy. – June 01, 2000. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

216. Soros G. The people’s sovereignty // Foreign policy. – January 01, 2004. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

217. Soros G. Toward open societies // Foreign policy. – March 01, 1995. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 29.03.2018).

218. Spiro P. The New Sovereigntists: American Exceptionalism and Its False Prophets // Foreign affairs. – November/December, 2000. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2000-11-01/new-sovereigntists-

american-exceptionalism-and-its-false-prophets (дата обращения: 05.04.2018).

219. Spiro P. What Happened to the «New Sovereigntism»? // Foreign affairs. – July 28, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-07-28/what-happened-new-sovereigntism (дата обращения: 04.04.2018).

220. Stedman S. The New Interventionists // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1992. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1993-02-01/new-interventionists (дата обращения: 11.04.2018).

221. Stevenson J. Peace in Northern Ireland: Why now? // Foreign policy. – September 01, 1998. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

222. Talbott S. Globalization and diplomacy: a practitioner's perspective // Foreign policy. – September 01, 1997. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 01.12.2019).

223. Talbott S. Post-Victory Blues // Foreign affairs. – America and the World Issue, 1991. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iraq/1992-02-01/post-victory-blues (дата обращения: 09.04.2018).

224. Talbott S. Self-Determination in an interdependent world // Foreign policy. – March 01, 2000. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

225. Tharoor S. Why America Still Needs the United Nations // Foreign affairs. – September/October, 2003. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-09-01/why-america-still-needs-united-nations (дата обращения: 30.11.2020).

226. Thiessen M. Don't tread on U.S. // Foreign policy. – March 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

227. Thiessen M. Out with the New // Foreign policy. – March 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

228. Tucker R., Hendrickson D. The Sources of American Legitimacy // Foreign affairs. – November/December, 2004. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-11-01/sources-american-legitimacy (дата обращения: 13.04.2018).

229. Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy. – Spring, 1993. – No. 90. – P. 145–157.

230. Walker M. Dateline Washington: victory and delusion // Foreign policy. – June 01, 1991. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

231. Walker M. The Establishment reports // Foreign policy. – December 01, 1992. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

232. Waltz K. Globalization and American power // The National Interest. – Spring, 2000. – No. 59. – P. 46–56.

233. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – Spring, 1992. – Vol. 46. – No. 2. – P. 391–425.

234. Wright R. My minivan and world peace // Foreign policy. – May 01, 2001. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 22.03.2018).

235. Wright R. Pax kapital // Foreign policy. – June 01, 2000. URL: http://digital.olivesoftware.com/Olive/APA/ForeignPolicy/Default.aspx#panel=document (дата обращения: 28.03.2018).

236. Wriston W. Bits, Bytes, and Diplomacy // Foreign affairs. – September/October, 1997. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1997-09-01/bits-bytes-and-diplomacy (дата обращения: 11.04.2018).

Литература

237. Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: РОССПЭН, 2000. – 343 с.

238. Антонович И.И. Глобальная цивилизация и ассиметричный мир. – М.: Наука, 2002. – 384 с.

239. Бади Б. От суверенитета государства к его жизнеспособности // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: Пер. с англ. и фр. / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. – М.: МГИМО, 2001. – 170 с.

240. Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: РОССПЭН, 2002. – 112 с.

241. Барабанов О.Н. Тенденции регионализации в Европе и интересы России // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МОНФ, 2000. – 152 с.

242. Барабанов О.Н., Лебедева М.М. Глобализация и образование в современном мире // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: РОССПЭН, 2002. – 112 с.

243. Барсегов Ю.Г. Культ Аннексий: Международное право на рубеже тысячелетий. – М.: Готика, 1997. – 68 с.

244. Барсегов Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения. – М.: Армбук-Маштоц, 1993. – 32 с.

245. Бартенев В.И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. – М., 2009. – Т. 7. – №1(19). – С. 84–92.

246. Баталов Э.Я. О философии международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 128 с.

247. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 216 с.

248. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.

249. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Городец, 2005. – 496 с.

250. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – С. 28–48.

251. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 520 с.

252. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – 384 с.

253. Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. – М., 2007. – Т. 5. – №3(15). – С. 83–88.

254. Бордачев Т.В. Теория международных отношений в XXI веке. – М.: Международные отношения, 2015. – 232 с.

255. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 221 с.

256. Булл Х. Теория международных отношений: пример классического подхода // Теория международных отношения: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.

257. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Актуальные проблемы мировой политики и международных отношений в условиях нового миропорядка: политический дискурс. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 199 с.

258. Бусыгина И.М. Европейский союз: новые измерения концепции суверенитета // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 192 с.

259. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. – М.: Международные отношения, 2004. – 504 с.

260. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 268 с.

261. Верещагин В.Ю., Свиридкина Е.В., Чемурзиева З.И. Непризнанные государства на постсоветском пространстве. – Ростов-на-Дону: ФГОУ ВПО "РЮИ МВД России", 2008. – 107 с.

262. Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 525 с.

263. Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // Восток – Запад – Россия. Сб. ст. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 432 с.

264. Висенс Е. Западная Сахара: преданная независимость. – М.: Regnum, 2007. – 118 с.

265. Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы / Отв. ред. Б.М. Клименко. – М.: Международные отношения, 1990. – 327 с.

266. Гаджиев К.С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии (50–70-е годы). – М.: Наука, 1982. – 336 с.

267. Гессен В.М. Общее учение о государстве. – Спб.: типо-литография И. Трофимова, 1912. – 189 с.

268. Государственный суверенитет vs. Право наций на самоопределение. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Л. Рябинин. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – 249 с.

269. Гринин Л.Е. Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.

270. Давыдов Ю.П. Норма против Силы. Проблемы мироурегулирования. – М.: Наука, 2002. – 288 с.

271. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. – М.: Nota bene, 2000. – 1024 с.

272. Демократия и суверенитет. Многообразие исторического опыта / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Идея-пресс, 2010. – 236 с.

273. Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Пономарев А.Г. Суверенитет в науке конституционного права. – М.: Манускрипт, 1998. – 107 с.

274. Довженко М.В. Специфика урегулирования современных конфликтов в меняющемся мире // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МОНФ, 2000. – 152 с.

275. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – Спб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. – 600 с.

276. Ефимов Г.К. Устав ООН – инструмент мира. – М.: Наука, 1986. – 135 с.

277. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций. – М.: Международные отношения, 2012. – 328 с.

278. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004. – 330 с.

279. Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 192 с.

280. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева. – М.: Высшая школа, 1990. – 512 с.

281. Каламанова С.В. Суверенитет государства в условиях глобализации. Дис. … к.ю.н. – М., 2012. – 203 с.

282. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 460 с.

283. Катков А.Д. Влияние принципа суверенитета на политику признания государств (на примере конфликта в Косово) // Вестник

Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – №4. – С. 37–48.

284. Катков А.Д. Внешнеполитическая дискуссия о проблеме влияния интеграционных процессов на принцип суверенитета государства // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.) / Под ред. А. Д. Гулякова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 214–218.

285. Катков А.Д. Внешнеполитическая мысль США о суверенитете государства в условиях «гуманитарных интервенций» (1990-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. – Май, 2019. – № 3(37). – С. 129–147.

286. Катков А.Д. История американской внешнеполитической мысли: трактовки суверенитета США в конце XX – начале XXI веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т.19. – №1: История. – С. 43–59.

287. Катков А.Д. Понятие суверенитета в международно–политических исследованиях в США на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – №3. – С. 92–127.

288. Катков А.Д. Принцип самоопределения наций, его природа и историческое развитие (на примере конфликта в Западной Сахаре) // Человеческий капитал. – 2018. – №8(116). – С. 53–62.

289. Катков А.Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе // Вестник Дипломатической академии МИД России. – 2020. – №3(25). – С. 27–52.

290. Катков А.Д. Проблема наличия суверенитета у союзных республик СССР на фоне распада государства // Вестник научных конференций. – 2019. – №1 (3). – С. 34–36.

291. Катков А.Д. Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико–академической дискуссии) // Вестник

Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – №1. – С. 61–78.

292. Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. – 2019. – №3(17). – С. 1–14.

293. Катков А.Д. США и непризнанные государства постбиполярного мира: особенности внешнеполитической практики // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М: МАКС Пресс, 2019.

294. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

295. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

296. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. – М.: Европа, 2006. – 180 с.

297. Конышев В.Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // Политэкс. – Спб., 2010. – №4. – С. 68–88.

298. Котляров И.И. Международное гуманитарное право. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 304 с.

299. Кремнев П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. – М.: Зерцало-М, 2005. – 257 с.

300. Крылов С.Б. Материалы к истории ООН. Выпуск 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 343 с.

301. Кузнецов А.С. «Надкушенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Политэкс. – Спб., 2006. – №3. – С. 241–252.

302. Кузнецова Е.С. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. – М., 2006. – Т.4. – №2(11). – С. 90–99.

303. Кузнецова Е.С. Ускользающий суверенитет: статус–кво против идеологии перемен. – М.: Аргамак–медиа, 2013. – 240 с.

304. Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Глобализация и развитие человека // Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: РОССПЭН, 2002. – 112 с.

305. Ларсен С. Теория и методы в социальных науках. – М.: МГИМО, 2004. – 288 с.

306. Левин И.Д. Суверенитет. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 373 с.

307. Лебедева М.М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МОНФ, 2000. – 152 с.

308. Лебедева М.М., Цыганков П.А. Теоретические поиски в международных исследованиях конца XX столетия // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. – М.: МГИМО, 2001. – 170 с.

309. Лукашук И.И. Международное право. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

310. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

311. Маккьюэн Т. Методологические вопросы изучения международных отношений // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. – М.: МГИМО, 2001. – 170 с.

312. Маныкин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. – М.: Изд-во МГУ Москва, 2001. – 320 с.

313. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 2. – М.: Зерцало, 1996. – 251 с.

314. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: Проблемы определения, понятия и содержания // Правоведение. – 2003. – №1. – С. 186–197.

315. Марченко М.Н. Источники права. – М.: Норма, 2014. – 672 с.

316. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. Т. 1. Государство. – М.: Проспект, 2015. – 744 с.

317. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский союз: настоящее и будущее: сравнительное теоретико-правовое исследование. – М.: Проспект, 2017. – 528 с.

318. Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Высшее образование, 2010. – 1008 с.

319. Международное публичное право / Отв. ред. К.А. Бекяшев. – М.: Проспект, 2003. – 1008 с.

320. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М, 2008. – 319 с.

321. Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 252 с.

322. Мировая политика и международные отношения / Под ред. Ю.В. Косова. – Спб.: Питер, 2012. – 379 с.

323. Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МОНФ, 2000. – 152 с.

324. Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 525 с.

325. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. – М.: Восток-Запад, 2009. – 384 с.

326. Мусихин Г.И. Суверенитет, монархия и революция: история становления и взаимоотношения понятий // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.

327. Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №1. – С. 27–41.

328. Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. – Спб.: Норма, 2007. – 343 с.

329. ООН и современные международные отношения / Под ред. Г.П. Жукова. – М.: Наука, 1986. – 287 с.

330. Основы общей теории международных отношений: учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 592 с.

331. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1903. – 593 с.

332. Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 366 с.

333. Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. – М.: Московский философский фонд, 2001. – 72 с.

334. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012. – 688 с.

335. Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность. – М.: Институт Ближнего Востока, 2013. – 236 с.

336. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. – М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2016. – 312 с.

337. Пономарева Е.Г. Суверенитет периферийных обществ в условиях глобализации: Сербия и Черногория // Политическая наука. Суверенитет в условиях глобализации. Опыт политий Запада и Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Кудряшовой. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 192 с.

338. Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). – М.–Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 515 с.

339. Румянцева М.Ф. Теория истории. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.

340. Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 25–53.

341. Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета. – М.: Научная книга, 2005. – 154 с.

342. Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. – М.: Три квадрата, 2010. – 368 с.

343. Современные внешнеполитические концепции США / Отв. ред. Г.А. Трофименко. – М.: Наука, 1979. – 381 с.

344. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – 593 с.

345. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 688 с.

346. Степанова Е.А. Военно–гражданские отношения в операциях невоенного типа. – М.: Изд. «Права человека», 2001. – 269 с.

347. Строева А.С. Международно-правовое признание Косово. – М.: [б. и.], 2014. – 224 с.

348. Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.

349. США: современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80–х годов / С.И. Аппатов, И.Н. Коваль, П.Я. Райнов, В.В. Глебов. – Одесса: Логос, 1992. – 236 с.

350. Теория международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2013. – 590 с.

351. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. – М.: Мысль, 1976. – 359 с.

352. Тункин Г.И. Теория международного права. – М.: Зерцало, 2000. – 416 с.

353. Тураев В.А. Этнополитология. – М.: Ладомир, 2004. – 400 с.

354. Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 38–54.

355. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002. – 251 с.

356. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. – М.: Изд- во ИМО, 1963. – 271 с.

357. Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991 – 2016. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 432 с.

358. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: Хранитель, 2006. – 220 с.

359. Харитонова Н.И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. Дис. … к.и.н. – М., 2008. – 270 с.

360. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. – М.: Логос, 2003. – 320 с.

361. Хохлышева О.О. Международно-правовые проблемы силового миротворчества ООН и возможные варианты их решения. – Н.Новгород: Вектор ТиС, 2000. – 124 с.

362. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 208 с.

363. Хрусталев И. Признать или не признать? // Международные процессы. – М., 2007. – Т.5. – №2(14). – С. 118–122.

364. Цуциев А.А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы: Вып. 1. Непризнанные государства / Под общ. ред. А.Л. Погорельского. – М.: Территория будущего, 2006. – 191 с.

365. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М.: Международные отношения, 1993. – 284 с.

366. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы. – М.: НИМП, 1999. – 531 с.

367. Чобан А.А. Государственный суверенитет. Теоретико-правовые аспекты. Дис. … к.ю.н. – М., 1993.

368. Шаклеина Т.А. Критическое направление исследований миропорядка в США // Международные процессы. – М., 2007. – Т. 5. – №3(15). – С. 66–75.

369. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 445 с.

370. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 336 с.

371. Шаклеина Т.А. Формирование мирового порядка: новая державная и институциональная полицентричность. Роль США // Ситуационные анализы: Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике: кол. монография / Под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: МГИМО МИД России, 2017. – 481 с.

372. Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. – Киров: Вят. гос. пед. ун-т, 1998. – 359 с.

373. A piece by journalist Michelle Collins examines Canadas role in RtoP and its promotion. 22 April, 2009 // Official site of the International coalition for the responsibility to protect. URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/index.php/component/content/article/134-americas/2315-the-embassyhas-canadas-r2p-aboutface-come-too-late (дата обращения: 25.03.2019).

374. Abshire D. U.S. Global Policy: Toward an Agile Strategy // The Washington Quarterly. – Spring, 1996. – Vol. 19. – №2. – P. 38–61.

375. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – 228 p.

376. Baker J.A. The politics of diplomacy: revolution, war and peace, 1989–1992. – G.P.: Putnam’s Sons, 1995. – 687 p.

377. Bartelson J. A genealogy of Sovereignty. – N.Y.: Cambridge University Press, 1995. – 330 p.

378. Bentwich N., Martin A. A Commentary on the Charter of United Nations. – London: Routledge, 1950. – 239 p.

379. Biersteker T., Weber C. State Sovereignty as Social Construct. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 316 p.

380. Bodin J. On sovereignty: Four Chapters from Six Books of the Commonwealth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 192 p.

381. Bremmer I. Americans Want a Less Aggressive Foreign Policy. It's Time Lawmakers Listened to Them // Time magazine. – February 19, 2019. URL: http://time.com/5532307/worlds-apart-foreign-policy-public-opinion-poll-eurasia/ (дата обращения: 18.04.2019).

382. Brown W. Walled States, Waning Sovereignty. – N.Y.: Zone Books, 2010. – 168 p.

383. Buzan B., Little R. International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 472 p.

384. Byers M., Chesterman S. Changing the rules about rules? // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

385. Carpenter C. Responsibility to Protect - Or to Punish // Foreign affairs. – August 29, 2013. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2013-08-29/responsibility-protect-or-punish (дата обращения: 06.08.2019).

386. Chayes Ab., Chayes Ant. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. – London: Harvard University Press, 1995. – 404 p.

387. Cobban A. The nation state and national self-determination. – N.Y.: Crowell, 1970. – 318 p.

388. Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. – London: Grove Press, 2004. – 192 p.

389. Deng F., Kimaro S., Lyons T., Rothchild D., Hartmann W. Sovereignty as Responsibility: Conflict management in Africa. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1996. – 290 p.

390. Doyle M. The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. – Connecticut: Yale University Press, 2015. – 288 p.

391. Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Toward a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / Ed. by Michelmann H.J., Soldatos P. – Oxford: Clarendon Press, 1990. – 322 p.

392. Dunleavy P. Introduction to politics. – London: University of London, 1995.

393. Dunn K. Historical representations // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 260 p.

394. Eagleton C. International Government. – N.Y.: Ronald Press Company, 1957. – 554 p.

395. Elazar D. Exploring Federalism. – Alabama: University Alabama Press, 1987. – 352 p.

396. Etzioni A. From Empire to Community: A New Approach to International Relations. – N.Y.: St. Martin's Press, 2004. – 272 p.

397. Evans G., Newnham, J. The Penguin Dictionary of International Relations. – N.Y.: Penguin Books, 1998. – 640 p.

398. Fowler M., Bunck J. Law, Power and The Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty. – Penn.: Penn State University Press, 1995. – 214 p.

399. Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. – New Haven-London: Yale University Press, 2006. – 226 p.

400. Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 284 p.

401. Gilpin R. The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 373 p.

402. Gray J. False dawn: The delusions of Global Capitalism. – N.Y.: The New Press, 1998. – 234 p.

403. Gross S. The Brexit Vote, One Year Later // Foreign affairs. – June 23, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2017-06-23/brexit-vote-one-year-later (дата обращения: 06.08.2019).

404. Haas R. Intervention. The Use of American Military Force in the Post-cold War World. – N.Y.: Carnegie Endowment for Int'l Peace, 1994. – 258 p.

405. Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Innstitutionalism // Political Studies. – 1996. – Vol. 44. – Issue 5. – P. 936–957.

406. Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – 473 p.

407. Hay C. Political analysis. – Hampshire, N.Y.: Palgrave, 2002. – 314 p.

408. Henkin L. International Law: Politics and Values. – N.Y.: Springer, 1995. – 380 p.

409. Hinsley F.H. Sovereignty. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 272 p.

410. Holm H., Sorensen G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of Cold War. – Boulder: Westview Press, 1995. – 246 p.

411. Holsti K. Change in the international system: essays on the theory and practice of international relations. – Brookfield: Edward Elgar, 1991. – 253 p.

412. Holton R.J. Globalization and the Nation-State. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – 222 p.

413. Holzgrefe J.L. The humanitarian intervention debate // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

414. Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas // Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

415. Huntington S.P. Who are we? The challenges to America's national identity. – New Delhi: Simon & Schuster, 2004. – 448 p.

416. Jackson R. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the Third World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 225 p.

417. Janis M.W. An introduction to international law. – N.Y.: Aspen Publishers, 2003. – 384 p.

418. Jones B. American Sovereignty Is Safe From the UN // Foreign affairs. – September 28, 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-28/american-sovereignty-safe-un (дата обращения: 23.11.2020).

419. Keating J. How does the U.S. decide which governments to recognize // Foreign policy. – April, 2010. URL: http://foreignpolicy.com/2010/04/13/how-does-the-u-s-decide-which-governments-to-recognize/ (дата обращения: 02.12.2019).

420. Keating M. Plurinational Democracy: Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – 212 p.

421. Kegley Ch., Raymond G. A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. – N.Y.: St. Martin's Press, 1994. – 278 p.

422. Kelsen H. Collective Security under International Law. – Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1957. – 275 p.

423. Kennan G. Around the Cragged Hill: A personal and Political Philosophy. – N.Y.: Norton, 1993. – 288 p.

424. Keohane R. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Oxford: Princeton University Press, 1984. – 290 p.

425. Keohane R. Political authority after intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

426. Krasner S. Globalization and Sovereignty // States and Sovereignty in the Global Economy / Ed. by Smith D., Solinger D., Topik S. – N.Y.: Routledge, 1999. – 304 p.

427. Krasner S. Sovereignty: organized hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 248 p.

428. Krasner S. Who Gets a State, and Why? // Foreign affairs. – March, 2009. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-03-30/who-gets-state-and-why (дата обращения: 02.12.2019).

429. Kupchan C. Trump's Nineteenth-Century Grand Strategy // Foreign affairs. – September 26, 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-09-26/trumps-nineteenth-century-grand-strategy (дата обращения: 06.08.2019).

430. Linklater A. The Transformation of Political Community Ethical Foundations of the Post-Westphalian Era. – Columbia: University of South Carolina Press, 1998. – 263 p.

431. MacCormick N. Questioning Sovereignty. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 222 p.

432. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. – N.Y.: The Free Press, 1989. – 227 p.

433. Mendelsohn B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. – 2005. – Vol. 31. – №1. – P. 45–68.

434. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – N.Y.: Knopf, 1949. – 489 p.

435. Neumann I. Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations. A pluralist Guide / Ed. by Klotz A., Prakash D. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 260 p.

436. Patrick S. The sovereignty Wars: Reconciling America with the World // Council on Foreign Relations. – January 2, 2018. URL: https://www.cfr.org/teaching-notes/sovereignty-wars (дата обращения: 19.03.2018).

437. Popper K. The open society and its enemies. Vol. 2. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 432 p.

438. Raic D. Statehood and the Law of Self-determination. – Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2002. – 515 p.

439. Rhoder R.A. The Institutional Approach // Theory and Methods in Political Science / Ed. by Marsh D., Stoker G. – N.Y.: Macmillan, 1995. – 326 p.

440. Rosenau J. Turbulence in World Politics. – Brighton: Princeton University Press, 1990. – 504 p.

441. Rosenboim O. Globalism and Nationalism: Why Interconnectedness Does Not Threaten Sovereignty // Foreign affairs. – July 10, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-07-10/globalism-and-nationalism (дата обращения: 06.08.2019).

442. Sassen S. Losing control? Sovereignty in an Age of Globalization. – N.Y.: Columbia University Press, 1996. – 128 p.

443. Schermers H. Different Aspects of Sovereignty // State Sovereignty and International Governance / Ed. by Kreijen G., et al. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 643 p.

444. Shahabuddeen M. The conquest of Grenada. Sovereignty in the Periphery. – Georgetown: University of Guyana, 1986. – 266 p.

445. Slaughter A.M. A New World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 368 p.

446. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 312 p.

447. Storey L. Humanity or Sovereignty. A Political Roadmap for the 21st Century. – N.Y.: Peter Lang, 2006. – 185 p.

448. Stromseth J. Rethinking humanitarian intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

449. Teson F.R. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. – Ardsley: Brill - Nijhoff, 2005. – 450 p.

450. Teson F.R. The liberal case for humanitarian intervention // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by Holzgrefe J.L., Keohane R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 364 p.

451. Wallerstein I. States? Sovereignty? The dilemmas of capitalists in an age of transition // States and Sovereignty in the Global Economy / Ed. by Smith D., Solinger D., Topik S. – California: Routledge, 1997. – 304 p.

452. Waltz K. Theory of International Politics. – Reading: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

453. Walzer M. Arguing about War. – New Haven: Yale University Press, 2004. – 224 p.

454. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

455. Wildhaber L. Sovereignty and International Law // The structure and process of international law: essays in legal philosophy, doctrine and theory / Ed. by MacDonald R., Johnston D. – Boston: Martinus Nijhoff, 1983. – 1234 p.

456. Zick T. Are the States Sovereign? – Virginia: William & Mary School of Law, 2005. – 337 p.